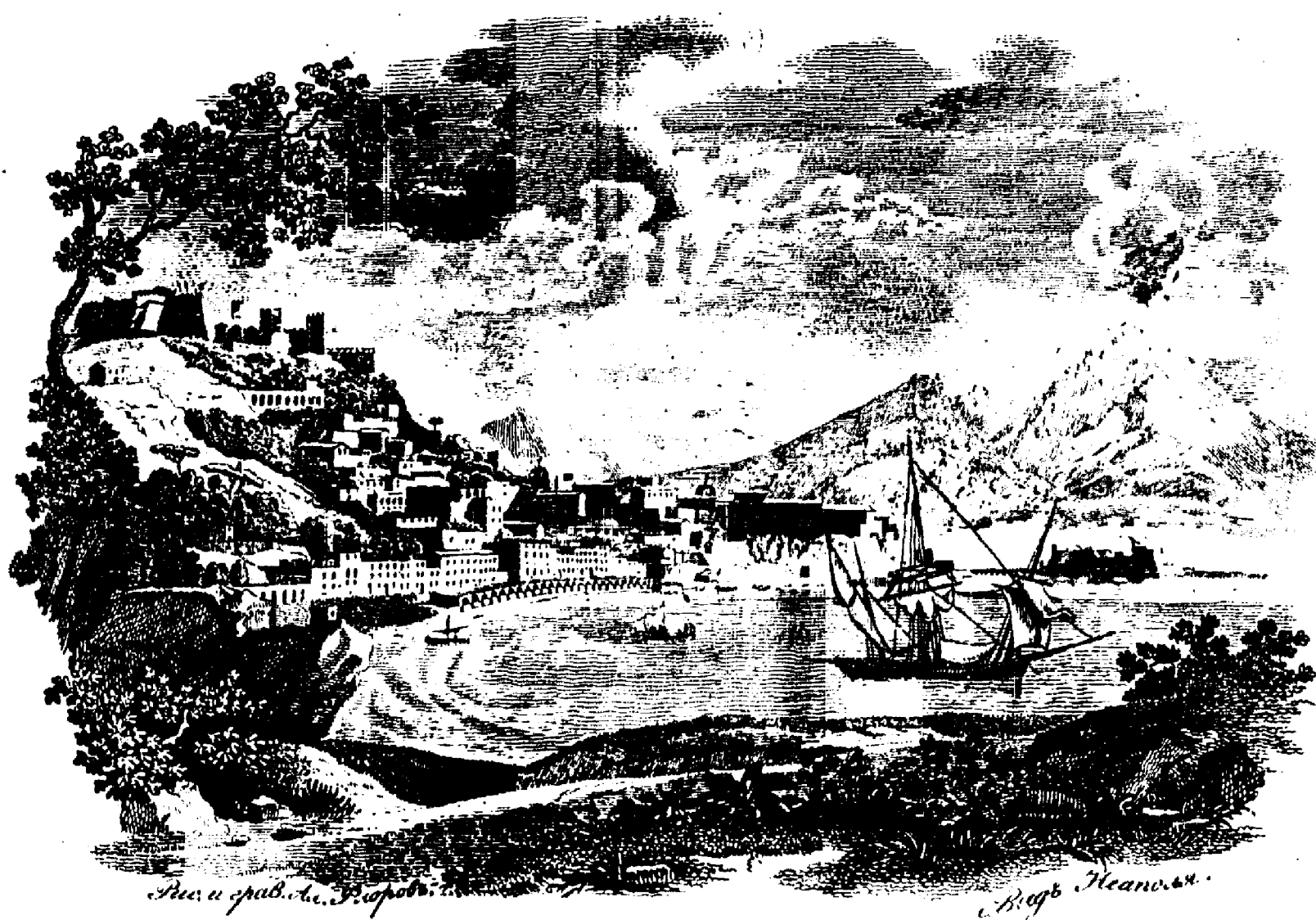

ПИСЬМА
МОРСКАГО ОФИЦЕРА,
служащаго дополненіемъ къ Запискамъ
Морскаго Офицера.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НАПЕЧАТАНО ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

Въ Москвѣ,

1825.

П И С Ь М А
МОРСКАГО ОФИЦЕРА.

МОСКВА.

Въ Типографіи Семена Селивановскаго.
1825.

Печаташь позволяешся съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Іюля 2 дня 1825 года. Сію рукопись, часть I, разсматривалъ Надворный Совѣтникъ, Ценсоръ и Кавалеръ
Иванъ Снегиревъ.

ГОСУДАРЮ
ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,
САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССИИ.

*Послѣднее сочиненіе въ Царствованіе
ЕГО, памяти Благословеннаго, посвя-
щается.*

30 Ноября
1825.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Въ бурное нѣгало Царствованія ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, къ ВАМЪ, какъ великодѣшному поборнику правды, прибѣгали подѣ защиту цѣбсненныя моцныи завоевателемъ. МОНАРХИИ и народы. Въ ТЕБѢ одномъ сосредоточивались тогда всѣ ихъ надежды, и къ ТЕБѢ, какъ къ Ангелу цѣбшителю, не тщетно обращались мысли и желанія каждаго; не тщетно громъ оружія ТВОЕГО протекъ отъ моря Балтійскаго и до Средиземнаго: Слава вѣнчала ТЕБЯ вѣнцемъ побѣдъ, и нако-

нецѣ, послѣ достопамятной Оте-
ственной и за свободу народовъ войны,
грозный врагъ **ТОБОЮ** низложенъ, и
утомленная Европа изъ рукъ **ТВО-**
ИХЪ пріяла вождѣнный миръ.

По возстановленіи общаго спокой-
ствія, нѣкоторые писатели издали
частныя описанія прошедшихъ кам-
паній; изъ числа оныхъ и мои Записки,
веденныя въ продолженіе кампаній на
Средиземномъ морѣ, подъ нагла-
ствомъ Вице-Адмирала Сенявина, отъ
1805 по 1810 годъ, заслужили благо-

*склонное вниманіе ВАШЕ, ГОСУДАРЬ.
Поощренній симѣ, я собралѣ въ по-
слѣдствіи многія сведѣнія, и соста-
вилѣ изѣ оныхѣ къ первому сочиненію
дополненіе, подѣ заглавіемѣ: ПИСЬМА
МОРСКАГО ОФИЦЕРА.*

*Какѣ всякій изѣ воиновѣ ТВОИХѣ
несетѣ на поле брани жизнь свою, для
прославленія Имени ТВОЕГО; такѣ и
я дерзаю книгу, долженствующую пе-
редатѣ потомству дѣянія и подвиги
ихѣ, посвятитѣ ВАШЕМУ ИМПЕ-
РАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.*

*Снизойди и удостой слабое нагерта-
ніе сіе воззрѣніемъ ТВОИМЪ, и ми-
лостиво приими, ВСЕАВГУСТѢЙ-
ШІЙ МОНАРХЪ, посильный трудъ*

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА!

26 Октябрю,
1825.

вѣрноподданнаго
Владимира Броневскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При изданіи перваго моего сочиненія, подъ заглавіемъ: *Записки Морскаго Офицера* въ продолженіи кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ Вице-Адмирала Сенявина отъ 1805 по 1810 годъ, многіе сослуживцы мои доставляли мнѣ разныя свѣденія, въ томъ числѣ поварищъ и другъ Ник. Вас. Коробка прислалъ веденный имъ Журналъ сей же кампаніи отъ 1804 по 1810 годъ, съ тѣмъ, чтобы я употребилъ оный при печатаніи моихъ Записокъ. Но какъ Журналъ его заключаетъ въ себѣ событія въ теченіи 1804 года, времени, не принадлежащаго къ эпохѣ описанныхъ мною происшествій: почему я совѣтовалъ ему издать оный особо, и чтобы показать, какія перемѣны и пополненія

нужно, по моему мнѣнію, сдѣлать въ его сочиненіи, напечаталъ для образца въ Сынѣ Опечества нѣсколько спашей, выбранныхъ изъ его рукописи. Послѣ долгой переписки, наконецъ онъ убѣдилъ меня принять на себя изданіе его Журнала.

Смерть постигшая Н. В. Коробку въ прошедшемъ 1823 годѣ, и непремѣнная воля покойнаго, поставили меня въ необходимость окончить начатый трудъ. Приступя къ извлеченію изъ рукописи, я не могъ слѣдовать въ точности его образу изложенія: ибо онъ записывалъ, что видѣлъ и чувствовалъ, для себя, а не для публики. По сей причинѣ, при сочиненіи сихъ писемъ, я принужденъ былъ измѣнить ходъ его повѣствованія, сдѣлать многія прибавленія и перемѣны, стараясь по возможности сохранить и удержать его мысли и разсказъ. Словомъ, Журналъ его послужилъ мнѣ матеріаломъ, изъ котораго бралъ нужное, или то, что казалось мнѣ хорошимъ; а какъ книга сія издается гораздо позднѣе, не-

жели предполагалось сначала : то къ замѣчаніямъ Г. Коробки , писавшаго въ 1804 и послѣдующихъ до 1810 годахъ , я почелъ себя въ правѣ прибавить нѣкоторыя не съ нимъ собственно случившіяся , позднѣйшія происшествія. Наконецъ , дабы связать смыслъ и не раздроблять разсказа , а болѣе для того , чтобы не запруднять читателей выписками , замѣчаніями и отступленіями , я счелъ удобнѣйшимъ во всѣхъ случаяхъ говорить отъ его лица.

Сочиненіе сіе , вмѣстѣ съ Записками Морскаго Офицера , составитъ полное обзорѣніе происшествій и мѣхъ странъ , въ которыхъ флотъ нашъ находился отъ 1804 по 1810 годъ. Сіи Письма могутъ назваться дополненіемъ къ Запискамъ : ибо въ нихъ описаны подробно только тѣ города , въ которыхъ я не былъ. Читатели замѣтятъ , что я старался избѣгнуть повтореній при описаніи мѣхъ вмѣстѣ , въ которыхъ мы были оба , только въ разное время.

Благосклонное принятіе просвѣщенною публикою перваго моего сочиненія дозволяетъ мнѣ съ нѣкоторою довѣренностію надѣяться, что сіи *Письма Морскаго Офицера*, быть можетъ, доставятъ любителямъ словесности пріятное, занимательное и полезное чтеніе.

П И С Ь М А

МОРСКАГО ОФИЦЕРА.

Кронштадтъ. 1 Октяб. 1804.

Спѣшу сообщить вамъ, милые друзья, пріятную новость: я скоро отправляюсь въ Корфу. Многіе молодые Офицеры искали случая быть помѣщенными на эскадру, (*) долженствующую, какъ полагаютъ, долго остаться за границею; и кто изъ нихъ не находилъ покровительства у начальниковъ, тотъ крайне былъ симъ опечаленъ. Было время, когда Рускіе боялись пересупить за предѣлы опечесства; но предубѣжденіе сіе давно уже не существуетъ, и нынѣ наши ревностные къ службѣ моряки почитаютъ за особенное счастье идти въ дальній походъ. Путешествовать вошло теперь

(*) Подъ начальствомъ Капитанъ — Командора Алексѣя Самуиловича Грейга, состоящую изъ 2 кораблей: *Ратвизана*, Кап. Командоръ Грейгъ начальникъ эскадры; *Елены*, Кап. Иван. Быченской большой; и 2хъ Фрегатовъ: *Венуса*, Кап. Ельфинстонъ и *Автройля*, Кап. Баскаковъ.

вѣ такое обыкновеніе, что ѣдутъ за море, на чужую сторону, съ удовольствіемъ и восторгомъ неописаннымъ. Не одно любопытство или честолюбіе побуждаетъ насъ охотно оставлять отечество; но любовь къ наукамъ, случай осмотрѣть своими глазами, повѣрить своими чувствами все, что ни читали достойнаго вниманія въ книгахъ; наконецъ приобрести полезныя знанія для себя и ближнихъ, просвѣтитъ свой умъ, дасть пищу воображенію и избавишься отъ предразсудковъ. Вотъ почему путешествія вообще должны всѣмъ нравиться. Вы представили себѣ не можете, какъ я былъ восхищенъ, когда 21 Сентября поступилъ на фрегатъ Авшроиль подъ команду извѣстнаго вамъ, мои друзья, Н. А. Баскакова. Въ числѣ Офицеровъ, считающихся самыми опытными въ нашемъ флотѣ, поступили на фрегатъ Гг. Д-чъ и К-цъ, мои земляки. Служить въ такомъ товариществѣ считаю удовольствіемъ и честію, а потому не знаю, какъ описать мою радость; довольно, если скажу, что день моего опредѣленія на фрегатъ былъ лучшимъ въ моей жизни. Съ сего времени буду уведомлять васъ о всемъ, что со мною случится, и для того стану записывать все, что будетъ принадлежать до пясти чувствъ вашего искренняго, приверженнаго и вѣрнаго друга.

М о р е. 12 Октября.

Около 7 часовъ по полудни, при шуманѣ, съ благополучнымъ вѣтромъ, мы снялись съ якоря и оставили Кроншпадъ, нашу колыбель — и такъ сказать, наше морское опечесство. 13го мы плыли не скажу, какъ обыкновенно говорится, по синему, но по зеленому морю, ибо вода около острова Голланда очень зелена. Вѣтръ начиналъ усиливаться, эскадра летѣла. Сидя въ своихъ креслахъ, я думалъ о васъ, друзья мои; мечталъ о средствахъ плыть щасливымъ вѣтромъ по бурному океану жизни; но воспоминанія толпыхъ кораблекрушеній, преперпѣнныхъ на семъ необозримомъ пространствѣ спрасшей, омрачало помышленія мои какимъ-то печальнымъ предчувствіемъ. Забывъ пріятную перспективу будущей моей службы, вдругъ я утратилъ довѣренность къ обманчивой надеждѣ, болѣе не могъ наслаждаться игривымъ моимъ воображеніемъ, искалъ васъ повсюду и нашелъ въ душѣ моей, — въ самомъ себѣ. Сердце мое полное вами, при одной мысли лишился васъ, робѣетъ. Кто возвратитъ мнѣ столько радостей, замѣнитъ столько удовольствій? И гдѣ я найду друзей подобныхъ моимъ? . . .

А 2

Совсѣми моими стараніями увидѣть остр. Борнгольмъ, я не имѣлъ этой чести; мы прошли его въ полночь 15го и видѣли одинъ только маякъ. Два дни дулъ крѣпкій вѣтръ; Авпройль ложился то на правую, то на лѣвую сторону; словомъ, насъ порядочно качало, однакожъ я не чувствовалъ морской болѣзни. Быстро приблизились мы къ берегамъ, которые какъ бы подошли къ намъ и насъ съ обѣихъ сторонъ спѣснили были отмѣлями и каменьями. Не смотря, что я дрожалъ отъ холоднаго вѣтра, мнѣ не хотѣлось сойти съ палубы, и я безпрестанно любовался то сѣдыми облаками, то грознымъ видомъ моря, то мѣстоположеніемъ прекрасныхъ береговъ Зеланда и Швеціи, которые, казалось,плыли мимо насъ съ своими садами, рощами и домами. Каждый предметъ попеременно привлекалъ къ себѣ мое вниманіе; какъ вдругъ открылся обширный Копенгагенъ: на немъ остановился взоръ мой, и я обрадовался какъ ребенокъ, когда мы бросили якорь на большомъ рейдѣ, верстахъ въ 14 отъ города.

К о п е н г а г е н ь. 19 Октября.

По причинѣ свѣжаго вѣтра, не прежде какъ на другой день, я отправился на берегъ. Долго боролись мы на веслахъ прошиву упорнаго теченія и прошивнаго вѣтра, и едва чрезъ три часа приплыли въ Копенгагенъ.

Вошѣ первый цвѣтокѣ для вѣнка, копорымѣ должно бытъ награждено продолжительное мое путешествованіе, и ваше, милые друзья, любопытство и терпѣніе!

Копенгагенѣ построенѣ на полуостровѣ. Не буду говорить, какѣ давно онѣ существуетѣ, что важнаго въ немѣ происходило: такія подробности можете читатѣ въ Исторіи; скажу, что видѣлъ и что со мною случилось.

Мы вышли на берегѣ у пристани, за коею находилася военная и купеческая гавани. Кѣ оной прилегалѣ биржа, копорая ничего не представлялѣ ни богатаго, ни пріятнаго, хотя Аббатѣ де ла Порѣ (*) много гласилѣ о ней похвальнаго. Огромное зданіе сіе самой грубой готической архитектурѣ. Отѣ пристани мимо гауптвахты, занимаемой также готически одѣтыми солдатами, вошли мы въ улицу, и пройдя три или четыре дома, зашли въ прачирѣ низкой и бѣдной. Если судить по тому, что здѣсь большая часть домовѣ построены изѣ тоненькихѣ плахѣ, снаружи обитыхѣ досками, внутри же парусиною: то самый долгій вѣкъ оныхѣ не болѣе 5 или 6 лѣтъ; прачирѣ же подобный сему не простоиѣ и четырехѣ; ибо если

(*) Издашель Всемирнаго путешественника.

не разрушилъ его время, то онъ долженъ преснупъ отъ тѣсношы и шуму, который однакожъ умолкъ, когда мы вошли.

Данчане принимающъ насъ съ почтеніемъ и смотрявъ почно или похоже на Бореевъ, которыхъ любезный А. представивъ себѣ съ одупловашыми щеками, пунцовыми носами и въ широкихъ сюрпукахъ. Добрые сіи люди, большею часпію угрюмые корабельщики, за чашами горячаго пунша старались забыть непріятности, причиняемыя имъ на морѣ свирѣпыми вѣтрами. Таковъ былъ первый шагъ и первое мое замѣчаніе на землѣ Зеландской.

Оспавивъ добрыхъ моряковъ въ веселой бесѣдѣ, пошли мы разными улицами, и на послѣдокъ доспигли площади, гдѣ шоварищи заспавили меня спрашивать у каждаго проходящаго пракшира *Роу*, иначе Королевскаго. Я оспанавливалъ то того, то другаго; и то знаками, то словами добился, что насъ привели въ пракширъ. Гнѣ Роу походитъ на Бека, (*) а домъ его на Демуповъ въ нашей преславной столицѣ. Тутъ насъ хорошо накормили, славно напоили, и еще лучше съ насъ взяли.

(*) Содержатель Англійскаго пракшира въ Кронштадтѣ.

Отъ Роу мы пошли по лавкамъ. И здѣсь, какъ вездѣ, спараются обманушь иносранцевъ; вездѣ видно люди одинаковы, и вездѣ, къ сожалѣнію, имѣютъ равную склонность къ прибытку. Я заплатилъ за пару перчатокъ почти вдвое того, чего они стоятъ. Въ шесть часовъ мы воропились въ тотъ самый пракширъ, который доставилъ мнѣ матерію для первой спраницы моихъ Копенгагенскихъ походовъ. Здѣсь мы пили чай, и какъ водится, пошли шатапъся искапъ приключеній, безъ которыхъ, какъ вы знаете, и малое пупешествіе не бываетъ.

Мы молодые люди ищемъ оныхъ иногда неоспорочно, часто ошибаемся, часто раскаиваемся; но при первомъ случаѣ снова ищемъ, прапимъ деньги и здоровье, сожалѣемъ и снова пѣмъ же начинаемъ. Въ двадцать лѣтъ пламенное воображеніе юноши облагороживаеъ всякой предметъ, всякое почти намѣреніе; и сколько опасность ни очевидна, мы тогда только оную замѣчаемъ, когда уже бѣды избѣжапъ невозможно. Счастливъ, счастливъ, кому благо-разумный другъ подастъ добрый совѣтъ, или собственная похвальная застѣнчивость предупредитъ печальныя слѣдствія неопытности.

Мы скипались изъ улицы въ улицу, въ право, въ лѣво, пока..... но я позабылъ

сказать, что въ продолженіи обѣда приходило и уходило сколько людей, сколько строкъ будетъ въ моихъ письмахъ, и потому немогу опредѣлить числа ихъ.... Между вошедшими былъ одинъ Датчанинъ, не дурно говорившій по Руски и выдававшій себя за Пеперсона, конторщика Гамса и Гриффона. Этого — то Пеперсонъ спалъ нашимъ поварищемъ и переводчикомъ. Съ нимъ мы начали наше странствіе, съ нимъ какъ съ знающимъ путеводителемъ обозрѣли сколько лѣстницъ и коридоровъ, также неудобныхъ для понятія, сколько коридоры и лѣстницы описываемыя Гжею Радклифъ въ славныхъ ея романахъ. Около полночи привлеченные музыкою, мы вошли въ незнакомый домъ, гдѣ нашли сотню мужчинъ и столько же женщинъ, скромно танцующихъ вальсъ. Вернеръ не любилъ Вальса, онъ называлъ его непристойнымъ и могъ запрешить своей Шарлотѣ; но я не имѣя *своей*, и не будучи ревнивъ, пустился кружиться, и кружился до того, пока уснулъ. Между тѣмъ догадливый мой товарищъ пошмивалъ знакомыхъ ему дамъ, разумѣлся на нашъ счетъ. Но къ чему распространяться далѣе: мы были еще въ двухъ, трехъ домахъ, гдѣ за пришествіе и опшество платили рейхспалеры. Кончилось тѣмъ, что Пеперсонъ у дверей послѣдняго дома учтиво

раскланялся и пожелалъ мнѣ пріятной ночи. На разставаніи, въ знакъ благодарности, я заплатилъ за него и себя всѣ издержки, и записавъ въ расходъ деньги, въ той же карманной книжкѣ крупными словами помѣтилъ: *впередъ будь осторожнѣе и не всякому вѣрь.*

Въ восемь часовъ утра я пришелъ къ Роу, и пушъ весь домъ покоился еще благами, данными въ удѣлъ ночи и Морфею. Я возвратился на площадь и подошелъ къ монументу. Представте себѣ безобразную лошадь съ полстымъ всадникомъ, изваянные изъ мѣди, зачернѣлые отъ времени, позеленѣвшіе отъ сырости. Вы спросите, чей это монументъ? Мнѣ также вздумалось сдѣлать сей вопросъ, сперва часовому, потомъ двумъ, премоу прохожимъ; но эти добрые люди не могли сказать, чья память имъ сохраняется. Послѣ я узналъ, что онъ воздвигнутъ въ честь Христіана V. Государь сей изображенъ въ мирной Римской одеждѣ. Тяжелый, неспешный конь идетъ шагомъ. Монументъ поставленъ на овалномъ мраморномъ пьедесталѣ вышиною около 5 аршинъ; подъ лошадью въ различныхъ положеніяхъ посажены чешыре бронзовые великана: два изъ нихъ сидятъ покойно съ поджатыми ногами, другіе два изображены съ выпянутыми ногами и разпростертыми

руками. Конь топчетъ сихъ гигантовъ: одинъ изъ нихъ съ яростнымъ взглядомъ опшалакиваетъ его отъ себя. Положеніе сей фигуры столь неловко, что высунувшіяся за пьедесталъ руки и плеча тяжестію своею могли бы перевѣсить оспальную часть пѣла, если бы въ осторожность не прибили бѣдную фигуру къ пьедесталу. Я хотѣлъ срисовать монументъ и видъ сей красивой площади; однакожъ оставилъ намѣреніе, думая, что такихъ нескладныхъ много еще увижу. Площадь, на которой онъ стоитъ, называется Королевскою; дома окружающіе ее красивы и чисты; изъ нихъ домъ Роу и нашего Посланника Г^{на}. Лизакевича отличнѣйшей архишекшуры.

Есть еще монументъ на другой площади, окруженной домами, принадлежащими Королю, Крон-Принцу и другимъ членамъ Королевскаго семейства. Ихъ четыре: каждый занимаетъ одну сторону четверугольной площади. Монументъ поставленъ на четверугольномъ пьедесталѣ. Лошадь бѣжитъ рысью; всадникъ, представляющій Фридриха III, изображенъ въ воинскомъ Римскомъ плащѣ. Каждая сторона пьедестала исписана по Дашки.

Капенгагенскія улицы пѣсны: на средину каждой сносится соръ и такъ остается; по сему если въ дождливое время вспрѣпишся

сѣ кѣмѣ на узкомѣ пропугарѣ, по кому нибудѣ придется спать въ грязѣ по колѣно. Дома по наружности бѣдны, не велики, но высоки; многіе имѣютъ пять или шесть рядовъ оконъ, которыя мѣстами такъ огромны, что можешь въ нихъ проѣхать карета, мѣстами же такъ малы, что сѣ прудомъ можно высунуть голову.

Имениныя Дашчане живутъ, какъ и во всѣхъ столицахъ, по модѣ, по есѣ: по Англійски, по Французски, а болѣе по Голландски; однакоже и при вліяніи чужихъ нравовъ, высшій классъ дворянства сохранилъ свои обыкновенія и національный духъ. Вообще въ Копенгагенѣ не видно роскоши, дома спросты такъ, чтобы въ нихъ было можно только жить. Здѣсь кажется убѣждены въ томъ, что ноги даны человеку для того, чтобы ходишь. Я воспользовалъ не болѣе трехъ или четырехъ экипажей, и то были весьма древніе и плохіе. Одѣваются также нещеголево. Покрой кафтановъ, носимыхъ ремесленниками, доказываютъ суровую бережливость: по наружности оныхъ заключишь можно, что они по наслѣдству доспаются отъ дѣда внуку. Дашчанки прелестны. Вы смѣетесь, мои друзья? Право, между ими есѣ такія блондинки сѣ голубыми глазами, какихъ рѣдко, очень рѣдко можно видѣть въ Кронштадтѣ.

Судя по наружному виду войскъ, съ перваго взгляда покажутся оныя неспособными къ ратнымъ трудамъ; но по наружности можно ошибиться, и я привыкнувъ къ стройному и прекрасному виду нашихъ полковъ, привыкнувъ ни мало не сомнѣваясь въ Руской храбрости и предпочипать свое чужому, обманулся на щепъ Датскихъ солдатъ: не смотря на скромную, неловкую ихъ наружность, не смотря на красныя ихъ куртки, синія вязаныя панталоны и высокія круглыя шляпы съ предлинными сулпанами, они столькоже, какъ и другіе мужесквенны и перилливы. Исторія свидѣтельствуетъ ихъ прежнюю славу, а въ новѣйшей Копенгагенской осадѣ и въ сраженіи Англійскаго героя Нельсона съ Датскимъ флотомъ, находимъ достойный подражанія примѣръ народного духа. Морскіе ихъ Офицеры очень учены и знающъ свое дѣло. Служба на флотѣ доведена, какъ говорятъ, до возможнаго совершенства.

Но что я разписался о Копенгагенѣ? будпо я первый описываю сей городъ. У насъ въ Кронштадтѣ есть сотни людей, кои вѣрно много выпопшали Копенгагенской грязи. И такъ кончимъ скорѣе.

Около десяти часовъ утра я пришелъ на пристань и тамъ нашелъ товарищей. Въпрѣ дулъ крѣпкій, проливный къ фре-

гашу, но для опплытія эскадры попушный. Чтобы уложитъ все купленное въ запасъ для кампаніи, надобно было нанять ботъ, который по щасію вскорѣ нашли и наняли за 50 талеровъ, хотя разстояніе до эскадры было не болѣе 10 верстъ; мы сѣли и пустились на ономъ лавировать. Не упомню, что могло быть хуже и непріятнѣе сего плаванія. Ботъ былъ безъ палубы; волненіемъ безпре-
спанно насъ обливало и всѣхъ промочило до костей; хотя на мнѣ былъ капотъ, сюртукъ и мундиръ, но они такъ напились водою, что я отъ холоду и сырости дрожалъ какъ листъ и на силу могъ говорить. Въ такую бурную ненаспливую погоду едва чрезъ двѣнадцать часовъ добились мы до фрегата, и лишь только я на оный взошелъ, то далъ себѣ слово, ни для какихъ удовольствій не пускаюсь моремъ на удачу. Къ большей нашей досадѣ, не слишкомъ свѣдущій бошовщикъ не слушалъ насъ, и сколько мы ему ни говорили и ни совѣщевали, онъ всегда дѣлалъ прошивное.

20 Октября. По утру въ 6 часовъ эскадра снялась съ якоря и пошла въ дальнѣйшій путь. Вѣтръ дулъ попушный, но жестокій. Ахъ! какъ весело, любезные друзья, иппи такъ скоро: берега мелькаютъ. Давно ли мы оставили Копенгагенъ, какъ уже пушечные выстрѣлы возвѣщаютъ приходъ нашъ

въ Гельсинорѣ. Боюсь опоздать отправить письмо на почту. Прощайте до Англіи.

На пути къ Портсмуту.

Около полудня миновали мы Кронборгъ и вышли въ открытое море. Сильный попутный вѣтръ скоро выгналъ насъ изъ опаснаго Кашшегаша. Море ужасно волновалось, погода стояла пасмурная и холодная, и когда послѣднія дикія скалы Норвегіи скрылись во мракѣ, вѣтръ обратился въ бурю. Четыре дни мы шли подъ одними нижними парусами. Фрегатъ нашъ безостановочно валяло съ бока на бокъ, и вотъ въ первой разъ я почувствовалъ морскую болѣзнь. Грудь моя раздиралась, дурнопа терзала внутренность, голова кружилась, и въ каждое мгновеніе мнѣ казалось, что умираю. Бѣдный я былъ человекъ, ничего не могъ ни пить, ни ѣсть, безпрестанно то выходилъ на палубу, то сходилъ въ каюту, наконецъ принужденъ былъ лечь въ постель, проспалъ 16 часовъ, открываю глаза, и къ удивленію, не чувствую никакой тошноты, никакой болѣзни. Встаю, одѣваюсь, выхожу на шканцы и вижу предъ собою Англію.

Какое прекрасное зрѣлище представляетъ земля, омываемая пространнымъ Океаномъ! Море близъ берега, по причинѣ небольшой глубины, слегка волновалось; фрегатъ хотя

лежалъ еще на одномъ боку, но уже начался покойнѣе. Отраженіе солнечныхъ лучей отъ зелени и воды, представляло прекрасное смѣшеніе цвѣтовъ. Всѣ были веселы, и я, довольный возвращеніемъ своего здоровья, наслаждался по романическимъ видамъ Албіона, по великолѣпною карпиною моря.

Предъ входомъ въ Дуврскій каналъ мы ушли впередъ, разстались съ эскадрою и самый Венусъ былъ позади. Къ вечеру вѣтръ снова усилился: мы мчались во всю ночь, не щадя ни парусовъ, ни фрегата. На разсвѣтѣ лоцманъ увѣрялъ, что мы давно уже миновали Портсмутъ; однакожъ опытный нашъ Капитанъ по признакамъ и по картѣ скоро узналъ его неразумнѣе. Въ продолженіе ночи фрегатъ Венусъ обогналъ и очутился у насъ впереди; мы вмѣстѣ съ симъ славнымъ ходокомъ 26 Октября, въ 6 часовъ по полудни, пришли въ Портсмутъ. Корабли Рапвизанъ и Елена прибыли на другой день. Здѣшній рейдъ извѣстенъ подъ именемъ Спитгеда: онъ очень обширенъ и довольно покоенъ.

Портсмутъ. 28 Октября.

Вчера около полудня съ четырьмя поварами, приѣхавши въ городъ, заказали въ трактирѣ Post-Vleu роскошный обѣдъ. Пусть онъ готовится: послушайте, что скажу вамъ о Портсмутѣ.

У рыбной пристани, гдѣ мы вышли на берегъ, по причинѣ дождей было очень грязно. Такой входъ разрушилъ мое предубѣжденіе на щетъ Англійской опрятности; но шагъ далѣе, и увидѣлъ чистоту совершенно новую для глазъ моихъ: я ничего доселѣ не видалъ подобнаго, даже никому не повѣрилъ бы, чтобы можно въ большомъ городѣ имѣть хотя одну столь чистую улицу.

Во всемъ Портсмутѣ не видно огромныхъ домовъ. Нѣтъ выше трехъ этажей, всѣ не бѣленые, что уподобляетъ оныя нашимъ фабрикамъ; но яркій цвѣтъ кирпичей, опѣшеныхъ бѣлыми полосками; двери красного дерева, напершыя воскомъ; мостовая и пропуары, на которыхъ нѣтъ пылинки; въ нижнихъ этажахъ богатые товары, разложенные за выпуклыми стеклами: все это вмѣстѣ представляетъ чистоту и порядокъ удивительный. Архитектура самая простая: еслибы наблюдать расположеніе нашихъ домовъ, Англичане лишились бы своихъ маленькихъ уютныхъ покоевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ свѣтлаго простора. Я замѣтилъ въ городѣ одно неудобство: кромѣ главныхъ, есть улицы столь узкія, въ которыхъ, если бы встрѣпились кареты, то принуждены были бы паче назадъ, или слѣдуя хладнокровію Квакеровъ, опустить стекла, вынуть газеты, и съ важностію надѣвъ очки, чистить.

Три часа било; обѣдъ былъ готовъ. Насъ отвели въ прекрасную горницу съ мраморнымъ каминомъ. Вошелъ слуга съ здоровымъ и покойнымъ лицомъ. По щегольской одеждѣ его не возможно оплестишь отъ Лорда! Намъ подали вкусныя снѣди; мы выпили бутылку шерри, двѣ поршвейну, при поршеру и вспали изъ-за спола сыпы и веселы. Вы себѣ представить не можете, какая здѣсь дороговизна на вино: шерри споишъ 6, поршо 5 шиллинговъ. За обѣдъ взяли по полугиней съ персоны (*). Знаете ли еще, что слугѣ нельзя дать за прислугу менѣе шиллинга съ каждаго. Только въ Англіи слуги скоро могутъ дѣлаться господами.

Послѣ обѣда мы вышли за городъ на валъ, который заслуживаетъ особенное примѣчаніе по своимъ прекраснымъ деревьямъ. Укрѣпленія, по коимъ мы проходили, въ совершенномъ порядкѣ, и все наилучшимъ образомъ опдѣлано. За городомъ, проходя узкою дорогою, встрѣпились съ баталіономъ солдатъ; мы принуждены были остановиться, пока они скорымъ шагомъ прошли мимо. Не привыкши глядѣть на красное (**), жаль

(*) Гиней имѣетъ 21 шиллингъ, фунтъ стерлингъ, по нынѣшнему курсу равняющійся 25 рублямъ, считается въ 20 шиллинговъ.

(**) Англійская армія имѣетъ красный мундиръ.

мнѣ было своихъ глазъ, и я ихъ пошупилъ. Какая роскошь для солдата, подумалъ я—въ тонкомъ сукнѣ и даже съ крахмаленными манжетами. . . : Прошедъ еще нѣсколько, мы опять вступили въ другой городъ: это былъ Портъ-си, который можно назвать предмѣстіемъ Портсмута. Тутъ нашли все тоже и такое же, какъ въ Портсмутѣ, вошли къ пристани, сѣли на каперъ и въ вечеру пріѣхали на фрегатъ. Радуйтесь, любезные друзья, изъ Англіи могу писать къ вамъ всякую почту.

Портсмутъ. 5 Ноября.

М — въ убѣдительно просилъ меня ѣхать съ нимъ на балъ; мнѣ очень не хотѣлось, я долго отговаривался, однакожъ наконецъ согласился. Мы пристали въ Crown Inn, томъ самомъ трактирѣ, гдѣ даются балы. Въ ожиданіи, когда оный начнется, мнѣ нужно было кое что купить. Знаете ли, что здѣсь башмаки стоятъ 10 шиллинговъ? Я поручилъ себя и голову мою Дженшельмену (господину) парикмахеру: онъ меня одѣлъ, распудрилъ, облилъ душистою водою и взялъ 5 шиллинговъ. Въ 9 часовъ Уайперъ (такъ называются слуги) доложилъ, что балъ начался, подалъ два билета, за которые мы заплатили 7 шиллинговъ: теперь

сравни, какъ дешево можно веселишься у насъ въ Россіи. Едва успѣли войти въ залу, какъ начали разсмапривать насъ со вниманіемъ; съ такимъ же удивленіемъ и мы на нихъ смотрѣли. Нѣкоторые морскіе офицеры подходили съ привѣтствіями или говорили то, что обыкновенно говорятъ въ обществѣ.

На хорахъ играли, или лучше сказать, скрипѣли двѣ скрипки, флейта, бубны и труба. Я нѣсколько разъ покушался смѣяться, видя, что въ танцахъ толкались, не наблюдая ни такты, ни порядка, и что почешныя особы имѣли запкнутыя смоленою пенькою уши (*). Одинъ Капишанъ вызвался сыскавъ для насъ дамъ, попомъ подвелъ къ Адмиралу Моншею, главному командиру Портсмутскаго порта. Его Превосходительство разговаривалъ съ нами по Англійски очень благосклонно и просилъ двухъ дамъ, подлѣ его стоявшихъ, ийти съ нами танцовать. Мы спали въ послѣднія пары, но нашимъ дамамъ предложили перейти выше и занять первыя мѣста; но мы спали во второй и претей парѣ, и къ щаспію были изъ лучшихъ танцеровъ. Здѣсь

(*) Конечно отъ простуды. *Примѣч. Издат.*

обыкновеніе танцовать съ тою же дамою сряду два экосеза.

По окончаніи бала ночевали въ томъ же пракширѣ; пракширы и дома располагаются одинакимъ образомъ; каждый жилецъ можетъ занять особливую горницу; я не видалъ ни въ одномъ большомъ домѣ сряду болѣе трехъ покоевъ. Снаружи трехъ-этажной домъ покажется очень не великимъ—взойдите въ него: число коридоровъ, лестницъ и комнатъ приведетъ васъ въ изумленіе.

На балѣ мы познакомились со многими морскими офицерами и гражданами вмѣстѣ; ибо Портсмутъ поже, что нашъ Кронштадтъ: въ немъ живутъ одни военные, и потому весьма не рѣдко попадаются такіе, у которыхъ нѣтъ руки или ноги.

7 *Ноября.* Вчера Автройль съ Венусомъ вошли въ рѣку для исправленія. Насъ привязали къ старому фрегату. На лѣвой сторонѣ рѣки находится верфь для постройки кораблей и адмиралтейство съ обширными мастерскими; изъ нихъ блоковая есть лучшая: у насъ въ Россіи переняли сію машину, но только въ миніатюрѣ. На Госпортской сторонѣ расположены пороховые погреба и множество магазиновъ. Подлѣ насъ споятъ корабли, на которыхъ содержатся

плѣнные. Жалкая участь! Вы не можете представить, какъ съ ними сурово обращаются. Правда, что военноплѣнные всѣмъ обеспечены: но каково бытъ заключену въ коридоръ, коими раздѣляются палубы кораблей, и бытъ выпускаему по 5 человѣкъ на свѣжій воздухъ? Офицеры живутъ въ наютъ-компаніи. Безъ сомнѣнія, опасно было бы пускать такое число плѣнныхъ во внутренность Англіи, слишкомъ безпечно содержимой; однакожъ такое строгое обхожденіе опнимаеиъ много чести у народа, каковъ Англіійскій. Впрочемъ Испанцы и другіе военноплѣнные, кромѣ Французовъ, пользующаяся совершенною свободою. Причина сему та, что Наполеонъ, сдѣлавшись Консуломъ, объявилъ, что онъ по прежнему договору не будетъ содержать Французскихъ плѣнныхъ въ Англіи; ибо у него Англичанъ нашлось несравненно менѣе. Парламентъ съ своей стороны приказалъ выдавать плѣннымъ ту же порцію, какую выдають Англичанамъ во Франціи.

Недалеко отъ насъ спойиъ Испанскій фрегатъ, одинъ изъ четырехъ, шедшихъ изъ Америки въ Кадиксъ съ піаспрами и золотомъ. Четыре Англіійскихъ фрегата встрѣтились съ ними на пупи, и не смотря, что война еще не была объявлена, напали,

воспользовались нечаянностію и замѣшательствомъ. Испанцы, по жестокомъ сраженіи, были взяты. Не извѣстно еще, поступятъ ли сіи фрегаты въ число дѣйствительныхъ призовъ (*).

Государственные преступники содержатся также на корабляхъ; они работаютъ на Госпортской сторонѣ въ особомъ мѣстѣ, огороженномъ высокимъ тыномъ. Несчастные сіи тщательно сокрываются отъ взоровъ жителей: имъ не позволяють скидаться по улицамъ и не допускають разбойника и убійцу просить милоспину.

Чтобы показать вамъ, сколь великую морскую силу содержитъ Правительство во всегдашней готовности, я нарочно выписываю, сколько кораблей считается въ семъ 1804 году.

Кораблей линейныхъ	187.
Фрегатовъ 50 пушеч.	39.
Фрегатовъ отъ 44 до 32 пуш. . .	214.
Шлюповъ и прочихъ судовъ . . .	465.

Всего . . . 905.

(*) Отъ милліоновъ не легко отказать, хотя несправедливо; однакожъ и деньги и фрегаты присвоены. *Прим. Изд.*

Посему Англійская морская сила соспавляеѣ сумму всѣхъ кораблей цѣлаго свѣта. Въ числѣ семъ счищается однихъ взяшихъ у Французовъ:

Кораблей линейныхъ 22.

Фрегатовъ отъ 50 до 32. пуш. . . . 46.

Корветовъ и прочихъ судовъ 40.

И того . . . 108.

Слѣдовательно *девятая доля* Англійскаго флота состоиѣ изъ Французскихъ кораблей. Припомни, что по заключеніи со Шведами мира, въ 1790 году, въ нашемъ флотѣ счислялось 34 Шведскихъ кораблей и прочихъ военныхъ судовъ; и такъ *пятая доля* нашихъ морскихъ силъ состояла изъ опнятыхъ у непріятеля кораблей. Чесѣ и слава да пребудеѣ во вѣки Россійскому народу.

Въ половинѣ Ноября мѣсяца исправишись, перегрузившись и взявъ Рапвизанскую музыку, вышли изъ гавани на рейдѣ. Проходя Порпсмупѣ, изъ окна набережнаго дома женщина въ красномъ плащѣ, понравилось ли ей то, что фрегатѣ шелъ подъ парусами очень скоро, или музыка, или что другое, снявъ съ ноги башмакѣ, махала онымѣ и кричала: ура! Здѣсь есть улица, называемая Prospect Row; нѣѣ возможности пройти по оной, чтобы себя не выхваля ли не подразнили. Тутѣ однако же ниѣто безѣ

надобности не ходитѣ. Въ первые дни нашего прибытія нельзя было нигдѣ показаться въ мундирѣ, чшобы толпы мальчишекъ окружа не кричали: Spanish! Spanish! э! э! Они почишали насъ плѣнными Испанцами. Я привожу сіе для того, дабы показать, до какой степени позволяющѣ здѣсь женщинамъ и дѣтямъ дурачиться и до какой степени они безстыдны и смѣлы.

Г о с п о р т ѣ . 8 Декабря 1804.

Вчера при крѣпкомъ вѣтрѣ поѣхалъ я на берегъ. Теченіемъ снесло насъ верстѣ шесть ниже Госпорта. Было довольно холодно, бѣгомъ бѣжали мы версты три, пока пришли въ жилое мѣсто. На пути прошли гошпитали; намъ нѣкогда было осмопрѣть оныя; однакожъ на минушу остановились и любовались пріятною архишкпурою зданія; потомъ перешли рѣчку и вступили въ Госпортѣ. На мосту остановилъ насъ безногой инвалидъ, и снявши шляпу, просилъ на содержаніе гаф-пени (*). Въ Англіи, сколько бы разъ въ одинъ день ни случилось перейти чрезъ мостъ или плошину, должно заплащать установленную цѣну. Здѣсь что шагъ, то должно иппи въ карманъ; это очень скучно и довольно накладно.

(*)Копѣйка.

Госпортѣ лежиѣ на правой споронѣ рѣки или гавани; расположеніе сего города показываеѣ, что онѣ недавно поспроенѣ. Круглая кирпичная крѣпость о ста пушкахѣ, защищающая его съ морской спороны, мѣстами еще строишся. Улицы въ Госпортѣ шире, дома снаружи опрятнѣе, и попому онѣ показался мнѣ лучше Портсмута.

Въ Портсмутѣ и Госпортѣ естѣ театры, въ которыхѣ играющѣ погодно. Я былѣ въ Госпортскомѣ и болѣе никогда не пойду. Предспавляли смерть Роллы, драму сочиненія Г. Коцебу. Акшерѣ, игравшій Роллу, былѣ лучше другихѣ. По окончаніи піесы, по здѣшнему обыкновенію одному изѣ акшеровѣ надобно было пѣть и плясать. Музыка начала народную пѣсню: *Rule Britannia* (Британія, правь волнами); но вдругѣ одна дѣвушка сняла съ Офицера шляпу, надѣла себѣ на голову, вскочила на скамейку и начала кричать: играй: *Боже, спаси Царя* (*God Save the King*); дѣвку поддержали громкими кликами и плесками—музыка продолжала играть, актерѣ пѣлѣ первую пѣсню, какѣ можно громче, и дѣло не обошлось бы безѣ драки, есплибы музыка не начала играть въ ея угодность. Вообразиѣ себѣ, какую наглость позволяющѣ здѣсь, такѣ называемымѣ, записнымѣ *ladys*.

Кромѣ Шекспировыхъ трагедій, которыя по малому числу хорошихъ актеровъ рѣдко удаются, національныя комедіи до того наполнены площаднымъ буфонствомъ, что не имѣютъ и малой занимательности. Актеры: одинъ ломается, другой важничаетъ, прешій выдаетъ себя за чудака, и кто изъ нихъ успѣетъ прежде разсмѣшить публику, тотъ и оспается любимцемъ ея. Я не думаю, чтобы въ здѣшній театръ ходили люди почтенные; партеръ и ложи бывають заняты молодыми людьми и наемными подругами (*): отъ того не проходитъ почти дня, чтобы не прибранили актеровъ, не забросали музыкантовъ гнилыми апельсинами, или не сдѣлалось какого другаго безпорядка и шума.

Не удивляйтесь сему, любезные друзья, это происходитъ отъ вольности. Въ Парламентахъ случающіяся явленія, не менѣе приспойныя. На улицахъ же Министровъ бранятъ, бросають въ нихъ грязью, иногда бьютъ; а они все таки на своемъ спавяютъ

(*) Здѣсь не почищается стыдомъ показываться въ обществѣ или гулять съ дѣвушкою, лишь бы она не была въ красномъ плащѣ. По справедливости красота, безкорыстіе и ихъ особеннаго роду честь заслуживаетъ сіе къ нимъ снисхожденіе.

и дѣла идуць своимъ порядкомъ. Мнѣ кажется, что Англійской народъ имѣетъ полное право дурачиться, пить, шумѣть, безчинничать, сколько кому угодно, и чернь такою свободою усердно и вполне наслаждается.

Въ Англіи всѣ вещи чрезмѣрно дороги; здѣсь на примѣръ, сукно дороже продается, нежели у насъ въ Россіи. Всемирная торговля доставляетъ трудолюбивому классу народа изобиліе, и не смотря на пятоспныя подапи самый бѣдный поденьщикъ всегда найдетъ нужное содержаніе своему семейству; промышленность достигла высочайшей степени употребленія. Англійскій народъ, кажется, только способенъ къ полезнымъ занятіямъ; ни одинъ ремесленникъ не унизилъ себя какимъ нибудь шуповствомъ ничтожнымъ. Фокусники Парижскихъ бульваровъ заслужили бы здѣсь одно презрѣніе и никого бы не заставили удивляться своему шарлатанству. Впрочемъ Англійскій художникъ не пренебрегаетъ никакимъ трудомъ, и изъ всего спарается извлечь деньги. Недавно одинъ гражданинъ Портсмутскій получилъ привилегію на испребленіе мышей. Бывши въ Адмиралтействѣ, я видѣлъ, какъ онъ вывелъ изъ корабля не одну тысячу сихъ вредныхъ животнохъ. Вотъ какимъ образомъ онъ дѣлалъ сію операцію:

На днѣ прюма разгруженнаго корабля поставилъ онѣ нѣсколько жаровенѣ съ раскаленнымъ уголемъ, на которое насыпалъ какой-то порошокъ, составленный изъ разныхъ специй и травъ. Мыши, какъ бы привлеченныя пріятнымъ для нихъ запахомъ, всѣ вышли изъ своихъ норъ и окружили курильницы. Сначала онѣ бѣгали отъ него, когда онѣ приближался къ жаровнѣ, а потомъ не смотря, что онѣ билъ розгами по небольшому памбурину, не прогались почти съ мѣста и не боялись его присутствія. Послѣ сего заливъ огонь въ курильницахъ и зажегши два факела, составленные изъ тѣхъ же травъ, онѣ вывелъ за собою всѣхъ мышей по доскѣ на берегъ и безъ малѣйшаго затрудненія собравъ ихъ въ пріуготовленную яму, побилъ и повезъ домой, чтобы выварить изъ нихъ сало.

Путешественники, какъ бы согласившись, похваляющъ красоту Англичанокъ; и подлинно, любезные друзья, здѣсь прекрасная женщина вся прекрасна. Представьте себѣ земное существо, ближайшее къ совершенству, и будете имѣть портретъ Англичанки, съ прелестнымъ станомъ, съ большими, помными голубыми глазами. Но я не совсѣмъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ: мнѣ кажется, что здѣшнія красавицы вставая по утру, берутъ лице свое изъ шкапулки, и

ложась спать опять его запирають, не измѣняя его днемъ ни малѣйшимъ движеніемъ страсти. Милыя Англичанки, какъ бы оплишья изъ бѣлаго воска рукою искуснаго художника, не имѣють ни какой живости; всѣ черты ихъ безъ души и огня. Напротивъ того, я нигдѣ не видалъ столь прелестныхъ и рѣзвыхъ дѣшей; ихъ лица нѣжныя какъ роза, и тѣло бѣлое, гладкое какъ апласъ, могутъ служить образцами для Амуровъ.

Мы пригопоставились разспаться съ Порпсмушомъ; но крѣпкіе, хопя впрочемъ благополучные вѣспры насъ удерживають. Съ первыхъ чиселъ Ноября началась здѣсь зима; морозы, а особливо по ушрамъ, доходятъ до 6 градусовъ. Воспомяна, что случилось со мною до сего дня, заключу описаніе пребыванія моего въ Англіи однимъ пропущеннымъ замѣчаніемъ:

На большой площади, что между Порпсмушомъ и Порп-си, я видѣлъ ученіе Англійскихъ солдатъ. Нѣсколько шестовъ съ разноцвѣтными флагами распавлены были пакъ, что если начальникъ захочетъ изъ фрунша зайти повзводно, свернуть въ колонны, или сдѣлать какой другой маневръ, то видно, кому куда ийти; аршикулъ и маневры очень просты, и никогда не перемѣняются; почему скоро и удобно можно

ихъ выучить. Предъ фрунтомъ стоялъ одинъ Маіоръ, который командовалъ : J say, Soldiers ! то есть : послушайте , солдаты ! и если они не слушали, то нѣсколько сержантовъ , поправивши ошибки, поненькими палочками во всю руку били виновныхъ. Вотъ тебѣ и вольность , думалъ я про себя. Мапрозы содержащія еще въ большей подчиненности. По объявленіи войны, сперва приглашаютъ охотниковъ , потомъ хватаютъ молодыхъ людей насильно , и кто попался на корабль , тотъ становится совершеннымъ невольникомъ. Часто по десяти и болѣе лѣтъ мапрозъ съ корабля своего ни на часъ на берегъ не опускается. Народъ Англійскій въ состояніи земледѣльца и ремесленника пользуется совершенною независимостію ; а какъ скоро поступитъ въ службу , теряетъ всѣ свои права , и что удивительно , привыкши къ буйству , съ смиреніемъ и терпѣливо повинуется неограниченному военному самовласцію.

Какимъ образомъ, спросите вы, люди свободные могутъ сносить такое ширанство ? побудительныя къ тому причины : любовь къ отечеству, общественная безопасность и уваженіе къ законамъ , и при томъ всякой увѣренъ, что лишь только кончится война, солдаты возвратятся къ своему семейству, и снова получатъ свои права. Вотъ самое

лучшее преимущество свободного правленія, въ коемъ Король почитается особою священною и неприкосновенною. Онъ можетъ по своей волѣ раздавать награды, производить въ чины и дѣлать всякое добро; однакожъ не можетъ и малѣйшаго зла причинить послѣднему своему подданному. За ошибки Короля отвѣчаютъ Министры. Отъ сего-то происходитъ, что при самыхъ большихъ безпокойствахъ, когда Министровъ изображаютъ въ обидныхъ каррикатурахъ, когда и самъ Король не избѣгаетъ осужденія, народъ отъ чистаго сердца поетъ свой гимнъ: *Боже, спаси Царя*.

Въ одной Англіи гражданская власть стоитъ выше военной; ибо Англичанинъ не признаетъ надъ собою другой власти, кромѣ закона, который ни въ какомъ случаѣ не зависитъ отъ причудъ человека, кто бы онъ ни былъ, и Король, и простой пахарь равно признаютъ и чувствуютъ его всемогущество. Такіе законы не вездѣ равно могутъ быть полезны; напрошивъ для народа менѣе просвѣщеннаго должны быть вредны и пагубны. Французская революція доказала, что если народъ не достигъ еще надлежащей степени просвѣщенія, то пышныя слова: *свобода, равенство*, пустая мечта; и для такого народа самодержавіе болѣе приличествуетъ, нежели правленіе республиканское.

ЗАПАДНЫЙ ОКЕАНЪ.

9 Декабря разстались съ Англіею. При сильномъ вѣтрѣ подъ малыми парусами мы прошли Нидельскимъ проливомъ, отдѣляющимъ островъ Вайпъ отъ материкаго берега. Съ обѣихъ сторонъ представлялись прекраснѣйшіе виды, особенно одинъ чрезвычайно мнѣ понравился на Вайпъ при рѣчкѣ, въ устьѣ которой стояли Остѣ-Индскіе корабли. На берегу ея видѣнъ великолѣпный замокъ Лорда Сеймура, недавно только оконченный. Я взялъ бумагу и карандашъ; но какъ мы шли по 14 верстѣ въ часъ: по мѣстоположенію безпрестанно измѣнялось, и я не имѣя дара снимать виды въ одинъ мигъ, старался расположить оный только въ умѣ. Между тѣмъ мы подошли къ самому узкому мѣсту пролива, усѣянному подводными камнями; суевѣливость лоцмана, который поперявъ хладнокровіе, не смотря на свою тучность, проворно бѣгалъ со стороны на сторону, и опривисшыя командныя слова Лейтенанта, правившаго фрегатомъ: *стоять по мѣстамъ*, принудили меня бросить свое занятіе. Быстро прошедъ другую крѣпость, которая еще строится и будетъ имѣть видъ стариннаго гошическаго замка, вдругъ увидѣли предъ собою необозримый океанъ, покрытый сѣдыми волнами.

Къ ночи вѣтръ очень усилился; мы убавили парусовъ, и не прибавляя оныхъ, шли скоро и благополучно до 14 Декабря. Подходя къ Плимуту, я со вниманіемъ разсматривалъ Еддиспонскій маякъ, уединенно стоящій посреди моря. Камень, на копоромъ построены маякъ, находится на SW $\frac{3}{4}$ къ W въ $10\frac{1}{2}$ Иш. миляхъ отъ мыса Рамсгида, и на SSW въ 14 миляхъ предъ самымъ входомъ въ Плимутскую гавань. Къ OSO отъ маяка протягивается на полмили каменная гряда, къ NO въ четверть милъ разстоянія лежитъ надводный камень, къ W въ проливъ между Рамсгидомъ и маякомъ, глубина простирается до 35 сажень, а у самого маяка на кабельтовъ разстоянія отъ 12 до 13 сажень. По Боудичеву измѣренію, маякъ находится въ 50 градусахъ, 30 минутахъ сѣверной широты.

Такое мѣстное положеніе Еддиспонской скалы, едва выходящей на поверхность моря, угрожало мореплавателямъ, идущимъ въ Плимутъ, великою опасностію; сооруженіе же на ней прочнаго зданія, подверженнаго юго-западному вѣтру, копорый, прошекая во всю длину Атлантического океана, производилъ у скалы самое ужасное волненіе, казалась всякому мыслию дерзкою, почти невѣроятною. Долгое время никто не осмѣливался на предпріятіе, представлявшее столь большія

трудности въ исполненіи. Но нѣкто *Генрихъ Винстанлей*, житель города *Липльбурга*, съ позволенія правительсва въ 1696 году построилъ маякъ, окончивъ оный благополучно въ четыре года. Винстанлей желая испытать прочность зданія въ продолженіе бури, къ несчастію погибъ, какъ бы въ наказаніе за свою самонадѣянность. 25 Ноября 1703 года, возставшая буря въ одну ночь истребила маякъ и всѣхъ въ немъ жившихъ. Отъ всего зданія осталась только желѣзная полоса, которою оно на скалѣ было утверждено. Спустя шесть лѣтъ купецъ *Джонъ Рюдіердъ* построилъ новый деревянный маякъ; но и сей по 46 лѣтъ сопротивленіи яроси стихій, также, какъ и прежній, бурею разрушенъ былъ до основанія.

Наконецъ правительство, убѣжденное въ необходимости и въ возможности построить прочнѣйшее прежнихъ зданіе, поручило *Г.Смитону*, искусному механику и инженеру, сочинить планъ и исполнить по оному. Смитонъ предложилъ построить гранишный фаросъ, врыть фундаментъ его, сколько будетъ возможно глубже въ самую скалу, и дать ему такой наружный видъ, который могъ бы устоять противу непреодолимой силы воды. Лорды Адмиралтейсва не смотря на собственное сомнѣніе и на многія

возраженія, возникшія прошиву споль смѣлаго изобрѣпенія, ушвердили предположеніе Смипона, и кѣ изумленію знаменитѣйшихъ Архитекторовъ Европы, чрезъ два года, на голомъ камнѣ, посреди бурнаго океана, въ 1759 году явился Фаросъ, кѣ подошвѣ ко-его яростныя волны и доселѣ падають въ безсиліи. Маякъ имѣеть одинадцать сажень сѣ аршиномъ вышины; діаметръ круглаго его основанія положенъ вдвое больше прошиву вышины, считая отъ вершины зданія до поверхности скалы. Наружная стѣна, обѣ которой Смипонъ долго разсуждалъ, отъ основанія до карниза, на коемъ поставленъ фонарь, образуешь вогнутую внутрь зданія дугу, по которой волны свободно всходятъ вверхъ, скользятъ по оной, и не встрѣчая прямоугольнаго упора, теряють почти всю свою силу. Въ семъ, по видимому проспомъ изобрѣпеніи, заключается замысловатая выдумка Г. Смипона; и прочностъ сооруженнаго имъ зданія, какъ нынѣ очевидно всякому, не подвержена малѣйшему сомнѣнію. Строеніе раздѣляется на четыре этажа, въ каждомъ по комнатамъ со сводомъ; верхъ Фароса покрытъ фонаремъ всякую ночь освѣщаемомъ лампами особеннаго устройства. Фонарь сей, или лучше, круглая стеклянная галерея покрытая свинцовымъ куполомъ, поставлена на полукругломъ широкомъ

нарнизѣ, который выпуклостію своею удобно отражаетъ при жестокихъ буряхъ восходящія до него волны. Еддиспонской маякъ по справедливости названъ знапоками чудомъ Архитектуры, и если Египетскіе пирамиды удивляютъ насъ своею бесполезною огромностію, то что должно сказать о семъ спасательномъ для бѣдствующихъ плавателей Фаросѣ, который до сего времени, безъ малѣйшаго поврежденія, сопротивляется усиліямъ грозной стихіи?

26 Декабря вошли въ Гибралтарскій проливъ, заключенный между высокими берегами. На разсвѣтѣ мы встрѣпились съ Португальскою эскадрою, состоящею изъ двухъ кораблей, фрегата и брига; они крейсируютъ для преслѣдованія Варварійскихъ разбойниковъ. Португальскіе корабли по наружности ничѣмъ не уступаютъ Англійскимъ;—и такъ первые мореходцы еще поддерживаютъ свою славу. Наши корабли легче на ходу: ибо Португальскіе подѣ всѣми парусами скоро опѣ насъ опспали. Около полудня мы прошли проливъ, придерживаясь ближе къ Испанскимъ берегамъ. Горы, составляющія, такъ сказать, стѣны Королевства, имѣютъ около вершны опѣснаго возвышенія. Гибралтарская скала такъ крута, что ежели съ вершины кинутъ ядро, оно скапится въ воду. Дороги веду-

щія на вершину, гдѣ видѣнъ Телеграфъ, извивающіяся улишкою. По причинѣ открывшейся въ Гибралтарѣ желтой лихорадки, мы прошли оный не останавливаясь.

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ.

На ночь 27 *Декабря* вступили въ Средиземное море. Двое сутокъ продолжался нестерпимый жаръ, съ полудня же 28 числа пошелъ проливной дождь съ градомъ и громомъ. Все предвѣщало бурю, однакожь ея не было. Къ ночи громъ усилился и до свѣту небо горѣло прекраснымъ огнемъ непрерывной молніи.

Не знаю, гдѣ бы можно жить безпечнѣе, какъ я теперь на фрегатѣ. Чистота воздуха, необыкновенная теплота и тихій благопріятный вѣтръ могли бы заспаивать забывъ, что нахожусь на морѣ; но все одно и то же мнѣ наскучило. Вотъ уже три недѣли, кромѣ неба и воды ничего не вижу; книги всѣ перечиталъ; а какъ по причинѣ болѣзни моей нѣтъ мнѣ никакого дѣла; то я часто по два часа сряду молчу, мыслю, разсуждаю, и наконецъ полагаю, что уменьшеніе дѣятельности, къ которой привыкъ, конечно было причиною такого мрачнаго расположенія.

29 *Декабря* захватилъ насъ проливной вѣтръ, и мы изъ одного берега упираемся

въ другой. Утромъ кланяемся Европѣ, а въ вечеру знакомимся съ Африкою. Въ ночь на 31 число, вдругъ вѣтръ перемѣнился, сдѣлался попутный, и мы поплыли по 18 верстѣ въ часъ. Всѣ офицеры были цѣлой день на верху, смотрѣли на быспрый полетъ фрегата, любовались, какъ вода пѣнилась подъ нимъ и около его. Ахъ, любезные друзья! вы себѣ представить не можете, какое это удовольствіе для плавателей, которые рѣдко пользуются благополучнымъ вѣтромъ. Я не спалъ до полуночи, чѣобы вспрѣшнть новый годъ. Прошедшимъ похвалиться не могу: надежда на лучшее не утѣшала, и какое-то неизвѣстимое печальное предчувствіе беспокоило меня.

1805 ГОДЪ.

Въ такихъ мысляхъ заспалъ меня пятый годъ девятнадцатаго столѣтія. Помня всѣ упрасы, кои посѣшили меня въ прошедшемъ году, смиряюсь и умоляю благое Провидѣніе сохранить то, что почиаю драгоценнѣйшимъ: вашу дружбу и жизнь милыхъ моему сердцу. Можете быть, и вы ошягчены горестями, можете, также не видите берега, предмета вашихъ желаній, и не знаете, къ чему спремнесь? — Не забывайте меня, любезные друзья, чаще воспоминайте о томъ, коему дружба ваша будетъ щипомъ прошивъ будущихъ напастей.

Генваря 3 проходили Сардинію, миновавши напередѣ острова Ивису, Маіорку и Минорку; однакоже не видали ихъ, и только по картѣ полагали, что они опѣ насъ были въ такомъ-то направленіи, и во сколько-то миляхъ.

5 Генваря. Въ жестокую качку, едва успѣвая водить по бумагѣ перо, безъ того, чтобы не провести лишняго крючка, между тѣмъ, какъ идетъ проливной дождь, гремитъ громъ и блещитъ молнія, я спарюсь сказать вамъ слова два, при. Съ вечера прешьяго дня вѣтръ началъ стихать, потомъ поворошилъ съ той стороны, куда намъ должно было идти. Перемена сія случилась въ то самое время, какъ мы были въ узкости между Сардиніею и подводнымъ камнемъ, и въ такомъ опасномъ мѣстѣ принуждены были лавировать цѣлую ночь. По воскресеньямъ бывалъ намъ благополучный вѣтръ. Я въ той надеждѣ засыпаю.

7 Генваря. Въ самомъ дѣлѣ вѣтръ вчера переѣнился, къ тому же намъ надлежало плыть *полѣе* (*), и такъ сего дня въ полдень мы пришли къ Мальтѣ. Командоръ хотѣлъ войти въ портъ: для сего остановясь на дрейфѣ, нѣсколькими пушечными

(*) Болѣе по вѣтру.

выспрѣлами требовалъ лоцмановъ; но ужасный бурунъ, видѣнный при входѣ въ гавань, не позволилъ ни одному кавалеру къ намъ выѣхать. По сигналу: *олѣдовать за Адмираломъ*, мы пустились прямо къ Корфѣ. Въ Мальтѣ я надѣялся увидѣть моего брата, служащаго волонтеромъ на Англійскомъ флотѣ; но мы только предъ нею показались.

До 8 Генваря плыли счастливо; когда же надобно было входить въ Корфу южнымъ проливомъ, шупъ вѣтръ вдругъ сдѣлался проливной. Въ продолженіи слѣдующаго дня онъ усиливался постепенно; а 10 Генваря сдѣлался жестокій шпормъ, какого нипо изъ насъ не запомнишь. Ужасно было смотрѣть, какъ насъ кидало изъ спороны въ спорону; ежеминутно ожидали мы гибели; ни одинъ корабль изъ эскадры не могъ держаться въ морѣ, всѣ пустились по вѣтру искать спасенія за островами, лежащими близъ Албанскаго берега. Два дни боролись мы, можно сказать, съ смертію, и когда дождь нѣсколько посмягчилъ вѣтеръ, наспушила новая опасность опъ грома, который глушилъ насъ своими опрывиспыми, похожими на близкой пушечной выспрѣлъ, ударами; наконецъ 12 Генваря съ тихимъ попутнымъ вѣтромъ чрезъ сѣверный проливъ прибыли въ Корфу.

К О Р Ф А.

Любители Греческой старины, конечно будущъ ожидать отъ меня пышнаго описанія, развалинъ древней Корциры, новой республики, новыхъ Аѳинъ; но нѣтъ, друзья мои, я не люблю смотрѣть на вещи воображеніемъ, а стараюсь видѣть ихъ глазами истины; увидѣвши же, что нынѣ Греческимъ называется, я едва могу вѣрить, что они были прежде, и предубѣжденіе мое очень по ослабѣло.

Скорый переходъ изъ Англіи въ Грецію дѣлаетъ сравненіе невозможнымъ. Поршмутъ и Корфа представляють двѣ разительныя противоположности. Англія и Греція въ отношеніи просвѣщенія, богатства и общественнаго порядка находятся въ антиподахъ. Въ первой, при суровомъ климатѣ, вѣчномъ туманѣ, и землѣ небогатой въ произведеніяхъ, сдѣлано все, что могутъ промышленность, искусство и трудолюбіе; въ послѣдней, земля изобильнѣйшая во всѣхъ дарахъ своихъ, оставлена почти въ дикомъ первобытномъ ея состояніи; и неблагодарный обитатель щасливѣйшей страны своимъ знаніемъ и трудомъ почти ничего не приумножилъ и ничѣмъ щедрой природы не украсилъ.

Первое впечатлѣніе при обозрѣніи Корфы, при томъ энтузіазмѣ, который питалъ ко

всему Греческому, было не выгодно. Въ городѣ вездѣ грязно, шѣсно; огромныя зданія преснули отъ тяжести и почернѣли отъ времени; вездѣ я видѣлъ бѣдность, и вмѣсто Перикловъ и Алцибіадовъ повсюду встрѣчалъ скудно одѣтыхъ; даже и въ шѣхъ, въ которыхъ умъ видѣнъ во взорахъ, кромѣ униженности, нѣтъ и шѣни Греческой гордости. Гдѣжъ эши герои, знаменишые философы, славныя художники? Гдѣ эши мужеспвенные республиканцы? Не уже ли Корфіоты могутъ назвашь себя ихъ попомками? — Я ищу ихъ, и вижу однихъ *покорныхъ слугъ*, которые вольности своей ничѣмъ доказать не могутъ, развѣ только республиканскимъ флагомъ, развѣвающимъ на крепостяхъ, на бастіонахъ коихъ спокойно похаживаютъ наши усашыя гренадеры.

Бышь можешъ, такъ мнѣ показалось при первомъ взглядѣ; посмотришь, не покажешся ли въ лучшемъ видѣ сіе цѣлое, расширявая оное по часпямъ. И такъ, по порядку дамъ вамъ отчетъ въ моихъ поѣздкахъ на берегъ.

Едва бросили якорь, я уже былъ въ кофейномъ домѣ, гдѣ между множеспвомъ морскихъ и сухопутныхъ нашихъ офицеровъ, нашелъ спараго моего поварища, О. Я. Кричевскаго, любезнаго и съ большими познаніями молодаго человѣка. Знакомство

его съ здѣшними жишелями послужило мнѣ къ разсмотрѣнію всѣхъ предметовъ съ надлежащей почки зрѣнія.

Мы пришли въ самое лучшее время для удовольствій: карнавалъ только что въ началѣ. По Венеціанскому обыкновенію и здѣшнія женщины выходятъ прогуливаться въ маскахъ. Представте себѣ мое изумленіе! Мы пришли на обширную площадь, покрытую тысячами красавицъ; однѣ изъ нихъ приходили, другія уходили, опять возвращались; иныя стояли въ задумчивости, или пригорюнившись, чего-то ожидали. Чешыре оркестра музыки гремѣли по угламъ; дома обращенные на площадь, были освѣщены; словомъ: площадь походила на большой маскерадной залъ. Все было въ движеніи; въ сумерки начался какой-то шопотъ; и скромныя боязливныя Нимфы, благопріятствуемыя вечерними тѣнями, сдѣлались посмѣлке. Увлеченный такимъ нечаяннымъ и пріятнымъ для меня явленіемъ, я полкался между женщинами, и не смотря, что благоприспособность не очень была снисходительна, нѣжныя движенія сердца моего говорили мнѣ за всякую. Видя прекраснѣйшія таліи, я воображалъ каждую Венерою; но лице копорыхъ, замѣшилъ опытный мой поварищъ, бытъ можетъ хуже самой маски. Такая колкая насмѣшка разочаровала мою нѣжность, и

якѣ красавицѣ на площади оставалось уже мало, то пошелъ въ театрѣ.

Кричевскій сперва представилъ меня первому здѣшнему актеру, который по всей Италіи почитается лучшимъ Буфомъ. Имя его Тонини. Эпопѣ шупѣ принялъ насъ важно, на похвалы отвѣчалъ съ горделивою умѣренностію. Опѣ него мы пошли къ первой балеринѣ (танцовщицѣ), которая, какъ актриса, будучи порядочною кокеткою, любезничала до пѣхѣ порѣ, пока наступило время ей одѣваться, и пѣмѣ заставила насъ присутствовать при ея туалетѣ. Меня представили ей, какъ молодого знаменитой фамиліи человека, знающаго въ изящныхъ художествахъ и сраснаго обожателя прекраснаго пола; что заставило ее употребить всю свою ловкость, и въ искусствѣ нравиться была она споль свѣдуща, что признаюсь, хотя она и не могла назваться красавицею, но въ полчаса я не былъ уже равнодушенъ.

Представленіе началось оперою. Музыка пронула меня чрезвычайно; не понимая словъ, я все опгадывалъ, все поспигалъ. Хорошая музыка подобно языку чувствъ, выражаетъ всѣ сраспи и малѣйшія движенія души. Удивительно, какимъ образомъ дошли до того, что семью музыкальными понами извѣсняютъ почти тоже, что и 34 азбуч-

ными буквами. Послѣ оперы былъ балетъ подѣ названіемъ: Дуо двухъ гитаръ. Я не думалъ и не ожидалъ, чтобы въ Корфѣ былъ такой хорошій театръ, расположенный удобно, съ партерами и ложами въ чешыре эшажа.

Первая пѣвица, по здѣшнему *La prima Donna*, имѣетъ препріятной голосъ; къ тому же она очень не дурна собою, многимъ нравишся, и пошому думаютъ сіи, что она ни мало не уступаетъ *al primo Buffo* Гну Тонини, который, особенно въ оперѣ, *голодный школьникъ*, удивительною своею игрою смѣшивъ зришелей до того, что иные выходятъ изъ театра съ коликою. Гжа Люиджики, по званію *la prima Grotteska*, то естъ изъ пѣхъ, которыя высоко скачутъ, танцуетъ безподобно, и неуступаетъ первой балеринѣ Гжѣ Гаепани. Словомъ сказаъ, здѣшняя театральная шруппа и въ большихъ городахъ Италіи не была бы послѣднею. Импрезаріо (*) даетъ актерамъ не большое жалованье; но лучшіе изъ нихъ собираютъ на бенефисахъ отъ 6 до 8000 рублей. Театральный домъ по архитектурѣ можетъ почестся лучшимъ въ Корфѣ. Будучи крайне доволенъ здѣшнимъ театромъ, я ѣздилъ въ оный ежедневно, и началъ учитья по Италіянски.

(*) Такъ называются содержатели театра.

К о р ф а. 13 Генваря 1805.

Для новаго знакомства съ полковыми и морскими офицерами Черноморскаго флота былъ у насъ на фрегатѣ обѣдъ. Всякой день по очереди на корабляхъ и на берегу давались балы, и мы праздновали здѣсь какъ Эней приславши въ Сицилію. Капитаны Сибирскаго полку П. и З. убѣдили меня ѣхать въ Кавалшино. Въ девять часовъ мы пришли въ театръ; изъ партера вынесены были скамейки, отъ чего образовался довольно большой залъ, въ которомъ дамы танцовали въ маскахъ, кавалеры жъ большею частию были безъ оныхъ. Я танцевалъ съ первою балериною, надѣлавшею мнѣ сколько учтивостей, сколько можетъ женщина актриса. Она очень хорошо говоритъ по Французски.

Полночь наступила, и балъ кончился. Не найдши у пристани шлюпки, пошли назадъ искать ночлегу. Переходя изъ улицы въ улицу, пришли наконецъ въ такую, въ которой, чтобы не задохнуться отъ спершейся духоты, принуждены были зажать носъ. Вошли въ одинъ домъ, и съ такою оспорожностію взобрались на чердакъ, съ какою крадущся воры. Охриплый голосъ, *кто тамъ?* принудилъ насъ скорѣе и съ такими же предосторожностями выпти изъ дома. Ночь была темна, сыра и холодна;

почему гдѣ только свѣтился огонекъ, смиренно просили укрыть насъ отъ непогоды; наконецъ приняты были въ полуразвалившемся домѣ; и такой духоты, запаху и шуму, какія я здѣсь чувствовалъ и слышалъ, не можетъ быть въ самой худой Еврейской горчмѣ. Одинъ изъ поварищей рѣшился помѣститься въ чуланѣ, болѣе не было мѣста; я съ другимъ знакомцемъ принужденъ былъ опять бродить изъ дому въ домъ, пока повѣселилось намъ найти оппертую дверь. Горница, которую намъ показали, не имѣла ни пола, ни пополока; земля была мокра, но мнѣ успавшему, въ при часа ночи покой былъ дороже всего. Знакомецъ не хотѣлъ оставить меня одного, и мы легли вмѣстѣ. Лампада погасала и слабымъ свѣтомъ своимъ освѣщала три или четыре повѣшенные рогожки, употребленные вмѣсто ширмъ, за которыми опдыхали другіе посѣпители. Подлѣ насъ на бѣдной кровати спалъ Албанецъ; ничто не казалось мнѣ такъ опаснымъ, какъ проводить ночь въ такомъ домѣ и съ такимъ сосѣдомъ. Я смотрѣлъ на кровлю, сквозь которую свисалъ вѣтеръ. Все это вмѣстѣ навело на меня такой ужасъ, что я рѣшился не смыкать глазъ, да правда, мнѣ было и не до сна, всякое движеніе Албанца приводило меня въ страхъ. Всю ночь я держался за свое плащье и коршикъ пригото-

вилъ къ оборонѣ. Било пять часовъ, я услышалъ мяуканье кошекъ, разговоры людей, разбудилъ товарища, вскочилъ, одѣлся, и спѣшилъ скорѣе уйти изъ сего ада.

Новый мой знакомецъ, премилой малой, пригласилъ меня на свою кварширу, оспавилъ у себя обѣдать, словомъ, принялъ меня, какъ роднаго брата. Отдохнувши послѣ обѣда, пошли за городъ, и что видѣлъ, разскажу.

Мы вышли въ ворота, которыя прежде назывались *Porta Reale*, но Французы, при занятіи Корфы, по сродной имъ хваспливости, переименовали оныя: *Porte Françoise*. За ними построены новыя укрѣпленія, которыя идутъ поперегъ узкаго перешейка. На обѣихъ сторонахъ полуострова, на коемъ построенъ городъ, видны удивительной вышины и прочности двѣ крѣпости, называемыя старою или Сант-Анжело, и новою или Жидовскою. Первая съ особенною въ ней цитаделью непреодолима; въ послѣдней, подземные переходы, тайнственныя лѣстницы, внутри горы просѣченныя, казематы и бастіоны, одинъ надъ другимъ усроенные, двѣичій монастырь съ подземнымъ ходомъ, словомъ . . . — чпобы въ точности изобразить вамъ сколько романическое, столько же почти и бесполезное построение сей чудесной крѣпости; то представше себѣ

крупную скалу, высокою отъ поверхности моря въ тридцать сажень, изрытую внутри и кругомъ обложенную толстою, гранишною спѣною.

Мы пошли долиною по дорогѣ, ведущей черезъ многія селенія, гдѣ намъ встрѣчались развалины домовъ, множество порубленныхъ деревьевъ, два запустѣлые женскіе монастыря, и нѣсколько совсѣмъ оставленныхъ церквей. Въ трехъ верстахъ отъ города показали остатки древней Корциры; но я, кромѣ высокой правы и кучъ камней, какихъ здѣсь отъ Французовъ много осталось, ничего не видалъ, и потому описывать старые обломки и пыль уступаю терпѣливымъ искашелямъ почтенной спарины. Мы безпрепятственно шли садами, гдѣ масличныя, апельсиныя и лимонныя деревья распушѣ, какъ у насъ березы; и хотя я не ботаникъ и цвѣтовъ не искалъ, но замѣтилъ много такихъ, какихъ мнѣ еще не случалось видѣть. Мы воропились, ибо пришли къ болопамъ, копорыя теперь очень грязны; однако же жилили чрезъ нихъ ходящѣ.

Одежда Корфіотовъ состоишѣ въ фуфайкѣ, похожей на мапрозскую, и въ широкихъ Греческихъ шиварахъ. Они ходящѣ большею частію босикомъ, въ красныхъ чулкахъ, и въ башмакахъ съ пребольшими пряжками.

Длинные волосы висятъ надъ глазами, а шея головы прикрыта маленькою красною скуфейкою. Здѣсь нѣтъ щеголей, и неопрятность происходитъ не отъ бѣдности, но отъ обычая, привычки, и быть можетъ отъ жаркаго климата.

Вставши очень рано, я пошелъ осматривать церкви, коихъ въ Корфѣ считается 48. Первая, которую мы посѣтили, называлась св. Спиридонія; въ ней почиваютъ мощи сего Святаго. Въ церковной прачезѣ, которая никогда не запирается, живутъ нищіе, не имѣющіе пристанища: ихъ здѣсь такъ много, что и сама церковь было бы недостаточна для помѣщенія. На каждой улицѣ сидятъ они рядами и весьма жалостно просятъ милостыни.

Вездѣ свои привычки и обычаи, которыхъ не должно осуждать; но одному изъ здѣшнихъ не много найдется подражателей. . . . Впрочемъ во всей Греціи, слѣдуя древнему обыкновению, церкви отдаются въ наемъ, и строитель пользуется доходомъ съ оной безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти.

Мы были еще въ соборѣ, (который отданъ теперь нашимъ войскамъ) и въ одной Каплической церкви, но ничего достойнаго вниманія не замѣтили. Живопись, особенно въ старыхъ Греческихъ церквахъ, похожа на Китайскую.

Цефалонія, 1 Феврала.

Послѣ труднаго плаванія немного отдохнувши, сего дня, для обозрѣнія семи Греческихъ острововъ, отправляемся въ крейсерство. Эскадра состоить изъ кораблей: Рашвизана, Елены и Азіи; фрегатовъ: Крѣпкаго, Венуса, Михаила и Авшройля.

3 Феврала. Прибывъ къ острову Цефалоніи, зашли въ губу Аргостоли такими изворотами, что послѣ нельзя было примѣнить, откуда пришли и куда выдемъ. Цѣль успешныхъ, высокихъ горъ, повидимому безплодныхъ и не имѣющихъ никакихъ признаковъ населенности, окружаетъ сей заливъ, или лучше сказать ковшъ, въ коемъ глубина простирается до 30 сажень; даже у самого берега не нашли менѣе 10 сажень. Болѣе 20 кораблей могутъ въ оной помѣститься, не опасаясь ни вѣтровъ, ни непріятеля. Увидѣвъ вдали въ лощинѣ нѣсколько Грековъ и Россійскихъ солдатъ, наши офицеры побѣхали на берегъ стрѣлять пшицъ и заходили въ одинъ монастырь, который съ фрегата не былъ видѣнъ. Тамъ купили они прекраснаго Цефалонскаго вина, похожего вкусомъ на Рейнвейнъ.

Островъ Цефалонія гористъ, и хопя со стороны, гдѣ мы пристали, кажется совершенно дикимъ; но всѣмъ нужнымъ для жизни

изобилуетъ. Здѣсь, какъ и на всѣхъ Ионическихъ островахъ, вѣчная весна, и не въ свои мѣсяцы бываетъ лѣто. Когда виноградныя лозы, масличныя и другія деревья отдыхаютъ и перемѣняютъ листъ, въ то же время цвѣтутъ роши апельсиновыхъ, померанцовыхъ и лимонныхъ деревъ опягчающіяся плодами, изъ коихъ нѣкоторыя произрастаютъ два раза въ годъ: въ Апрѣлѣ и Ноябрѣ. Въ продолженіи нашихъ зимнихъ мѣсяцовъ лѣса зеленѣютъ, долины украшаются благоуханными цвѣтами; погода стоитъ прекраснѣйшая, въ полдень бываетъ даже жарко; словомъ, природа здѣсь никогда не умираетъ, и климатъ очень здоровъ. Главнѣйшее богатство острова состоитъ въ славномъ мускатномъ винѣ, ликерѣ, маслѣ, медѣ, сырѣ и хлопчатой бумагѣ. Цефалонія имѣетъ 70 верстъ въ длину и отъ 20 до 30 въ ширину. Жителей считается около 60000. Главный городъ называется тѣмъ же именемъ. Крепость *Ассо* построена на вершинѣ скалы, висящей надъ моремъ. На всемъ островѣ городовъ и селеній 202. Изъ Грековъ Цефалонцы почищаются лучшими мафрозамы. Они расшутъ на морѣ, и нѣкогда славились морскими разбоями.

Дабы дать вамъ, любезные друзья, понятіе о республикѣ, нами занимаемой, скажу нѣсколько словъ о другихъ островахъ.

Паксо отдѣляется отъ Корфы такъ называемымъ южнымъ проливомъ. Островъ сей имѣетъ 25 верстъ въ окружности, и производитъ лучшее масло, превосходящее Прованское и Лукское. На немъ небольшой городокъ Санъ-Николо съ хорошею гаванью. Пропивъ его лежитъ Анпи-Паксо, изобильный виномъ, масломъ и миндалемъ. Сей небольшой островъ необитаемъ, его обрабатываютъ жители съ Паксы.

Санта-Мавра (древній Левкадъ) отдѣляется отъ мапераго берега узкимъ проливомъ, иногда совсѣмъ высыхающимъ. Левкадъ былъ некогда полуостровъ; но Карфагенцы, или, какъ другіе полагаютъ, Коринѳяне, перерывъ перешеекъ, сдѣлали его островомъ. Крѣпость Санта-Мавра защищаетъ сей проливъ, и сполнѣ въ споль выгодномъ положеніи, что Вице-Адмиралъ Синявинъ въ 1800 году, (служившій тогда Капитаномъ), взялъ ее съ великою трудностію. Главное богатство острова есть соль; плоды, свойственные здѣшнему климату, также родятся въ изобиліи. Для пристанища кораблямъ есть хорошая гавань Трапано.

Малая Цефалонія (древняя Ипака) населена 3000 жителей, лежитъ между Цефалоніею и Лепантскимъ заливомъ. При городкѣ

Валти есѣь весьма удобная и покойная гавань. Здѣшнія женщины извѣстны въ Греціи своею красою. Императрица Екатерина II, вскорѣ по возшествіи Своемъ на престолъ, желая имѣть хошя малую колонію на Средиземномъ морѣ, подъ видомъ уваженія опечесѣва Улисса и Телемака, предлагала Венеціанской республикѣ за сей островъ значительную сумму.

Занте (вдревле *Закинѣ*), названъ такъ по имени Дарданова сына, приведшаго сюда первое поселеніе изъ Трои. Удивительное плодородіе и пріятное положеніе Занте приобрѣло ему названіе Золотога острова и Цвѣтка Леванша. Главное богатство его состоиѣ въ коринѣ, вывезенной изъ Коринѣа (*): Англійская порговая компанія покупаетъ оной на 3 милліона рублей въ годъ. Вкусные здѣшніе персики бываюѣ въсомъ въ фунѣ. На семъ островѣ считается 48 селеній съ 40000 жителей. Главный городъ Занте лежиѣ на берегу обширнаго залива, опкрытаго съ запада; почему въ бурное время оставаться на рейдѣ не безопасно. Крѣпость, защищающая городъ, построена на горѣ.

(*) Которой, какъ извѣстно, нѣтъ теперь въ окрестностяхъ Коринѣа.

Городъ Занте особенно замѣчателенъ смоляными ключами, выпекающими изъ одного глубокаго болоша, въ двухъ миляхъ отъ города. Здѣсь ежедневно собирается болѣе 100 бочекъ особаго рода жидкой смолы, употребляемой для шированія кораблей. Сверхъ того плодоносный сей островъ приносишь ежегодно, полагая круглымъ числомъ, 40000 бочекъ вина, 200000 пудъ коринки, 60000 бочекъ деревяннаго масла, и значительное количество лимоновъ и померанцовъ. Въ городъ счисляется 10000 жителей Греческой націи. Улицы въ Занте вообще узки, а дома построены въ 4 и 5 этажей.

Цериго (древняя Цитера), здѣсь богиня любви и радости вышла изъ нѣдръ моря; но опечесиво Венеры не во всемъ оправдываетъ ея выборъ. Островъ состоитъ изъ дикихъ и голыхъ скалъ; одни только долины межъ ими украшаются вѣчно цвѣтущими садами, кои маняшь къ себѣ обиліемъ вкуснѣйшихъ плодовъ. Укрѣпленный городъ Санъ-Никола имѣетъ пристань, въ коей содержахся преступники.

Проспоявъ въ Аргосполи суши, вышли въ море, и по соединеніи съ эскадрою, копорая лавировала въ узкихъ изгибахъ между острововъ, получили повелѣніе итти къ западному берегу, и тамъ соединясь съ Венусомъ, дождахся Командора.

Февраля 7. За шпилями мы не могли удалиться отъ острововъ и два раза принуждены были бросать якорь въ самомъ опасномъ мѣстѣ. Въ послѣдній разъ отъ сѣвернаго берега Цефалоніи были только въ верстѣ. Еслибы къ несчастію подулъ сѣверо-восточный вѣтръ, то намъ не можно было бы ни сняться, ни споять на якорѣ; и мы должны бы разбились объ ужасные, отвѣсные утесы, въ коихъ видны глубокія пещеры. При опверспіяхъ оныхъ былъ сильный бурунъ, и страшный ревъ волнъ даже доходилъ до насъ. Капитанъ позволилъ мнѣ осмошрѣть эшотъ чудесный берегъ; насъ собралось человекъ 8, и мы подвѣхали къ острову. Представъше себѣ высокую стѣну изъ ноздреваго камня, промытаго водою; отъ чего въ основаніи его образовалось множество гробовъ. Съ нами былъ яликъ: я рѣшился вѣхаться въ одинъ изъ гробовъ, шириною не болѣе 8 сажень, а вышиною сажени въ четыре. Сопрошивляясь ужасному волненію, лишь только показали мы предъ входомъ гроба, какъ какое-то большое живошное, опдыхавшее въ ономъ, вдругъ бросилось со стѣны, и такъ близко упало подлѣ насъ, что яликъ заколебавшись, чуть не опрокинулся. Мы рѣшились однакожъ вѣхаться внутрь; машрозы разъ пять сильно гребнули, и мы очутились на водѣ и подлѣ зем-

лею. Игра природы подлинно здѣсь удивительна! Волны, ударяясь о прямыя стѣны, производили такой шумъ, что мы, крича во все горло, другъ друга не понимали; напротивъ на фрегатѣ слышали все ясно. Въ бокахъ гроша сочи до девяти пещеръ, изъ которыхъ инныя походили на коридоры, другія на маленькіе альковы и комнашки. Опасаясь, чтобы не выскочило изъ оныхъ какое животное и насъ не попопило, мы оставивъ гротъ, вершы при ѣхали вдоль острова, и подлѣ одного меньшаго гроша, какими весь берегъ наполненъ, вышли на сушу, въ намѣреніи взобраться на вершину горы. Цѣпляясь руками и ногами за неровности каменьевъ, ползли мы одинъ за другимъ, опасаясь безпрестанно, чтобы не упасъ въ море. Взошедши на довольноую высоту, увидѣли спадо барановъ; но здѣсь отъ любопытства нашего принуждены были опкаться: лужи, наполненныя соленою водою, которая во время бурь переносится сюда брызгами волненія, увеличивали опасность шѣмъ, что глубину ихъ нечѣмъ намъ было измѣрить; на высотѣ 30 саженой находили маленькихъ рачковъ и множество раковинъ.

Возвратившись на фрегатъ мы сказали товарищамъ, что есѣли на семъ мѣстѣ придется прешерпѣть намъ кораблекруше-

ніе, то нікто бы не надѣяся сохранити жизнь; но въ то самое время подулъ вѣтерокъ, помогшій намъ удалитися отъ пагубнаго сего берега. Мы немедленно вступили подъ паруса и вышли въ открытое море.

8 Февраля. Соединились съ Рапвизаномъ и Еленою, а прочіе корабли эскадры крейсеровали при другихъ островахъ Республики. Командоръ приказалъ намъ опросити видимое судно. На немъ не было флага, почему и полагали, что это корсеръ; догнали, спрашивали его на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ: откуда и куда идетъ? съ чѣмъ? и за чѣмъ? Кончилось однакожъ тѣмъ, что потерявъ цѣлыя сутки, узнали, что судно изъ Триэста.

12 Февраля. Когда всѣ корабли эскадры собрались, мы сражались, никого не побѣдили, нікто насъ не одолѣлъ, и пострѣлявши достапно, опять сдѣлались друзьями. На другой день пришли на видъ Корфы, а 14го Февраля послѣ почти непрерывныхъ шпилей, вся эскадра возвратилась изъ крейсерства, копораго цѣль, какъ кажется, была та, чтобы жителямъ Республики показати нашу силу и готовность защищать ихъ.

К о р ф а, 17 Февраля.

Въ послѣдніе дни масленицы площадь была покрыта множествомъ замаскированныхъ съ большимъ великолѣпіемъ одѣтыхъ, нежели въ

прежніе дни Карнавала. Три кадрили обра-
ли на себя особенное вниманіе : одинъ напо-
миналъ начало основанія республики; другой
былъ составленъ въ честь славныхъ мужей;
третій представлялъ крестьянъ, которые
храбро оборонялись противу Французовъ.
Все это мнѣ казалось не такъ славно , какъ
патріоты себѣ воображали ; ибо повинो-
вався тому , кто хошѣлъ Республикою по-
велѣвать , перемѣнялъ только господъ , не
такіе подвиги , которыми бы можно восхи-
щаться. . .

Сегодншній балетъ какъ содержаніемъ ,
такъ игрою актеровъ и музыкою по спра-
ведливости заслуживаетъ быть названъ
превосходнымъ. Каждый актеръ получилъ
лестное одобреніе публики ; а г. Фабрисъ ,
сочинитель балета , удивилъ своими смерш-
ными скачками и пантомимой. Чшобы
дать вамъ о немъ поняшіе , вотъ содер-
жаніе онаго , взятое изъ Шотландской
испоріи :

Два Лорда были влюблены и по спранныму
случаю женились каждый на невѣстѣ дру-
гаго. Одинъ изъ нихъ былъ добръ , другой
мстипеленъ. Въ окрестностяхъ ихъ зам-
ковъ жилъ славный разбойникъ. Балетъ
начинается шѣмъ , что добрый Лордъ по-
падаетъ съ женою въ руки разбойника ,
который предлагаетъ два условія : или ус-

шупиць ему жену, или сдѣлаться его товарищемъ. Фабрисъ представлялъ добраго Лорда; жену его, извѣстная въ Италіи гж. Оливьери; Ашамана г. Оливьери. Лордъ, желая сохранить честь своей жены, уступаетъ обстоятельствамъ, дѣлается разбойникомъ; и при первомъ выходѣ на промыслъ, беретъ прежнюю любовницу, жену соперника своего мстительнаго Лорда; они оставшись наединѣ, узнаютъ другъ друга. Гж. Гаепани неподражаемо изобразила свою радость, опчаяніе и надежду; пантомима ея оживотворена была языкомъ чувства. Мстительный Лордъ узнавъ, что жена его попалась разбойникамъ, съ войскомъ окружаетъ ихъ, сражается, побѣждаетъ; ловитъ ашамана, Лорда съ женою и свою также. Узнавъ, что соперникъ въ числѣ разбойниковъ, отдаетъ его вмѣстѣ съ прочими въ руки правосудія. Король наряжаетъ судъ; предсѣдателемъ онаго назначается отецъ Лорда. Разбойниковъ выводятъ къ допросу одного за другимъ. Отецъ узнавши сына, окаменѣлъ отъ удивленія; сынъ не оправдывается, и отецъ съ чувствомъ скорби, перзаясь родительскою нѣжносцію, подписываетъ разбойникамъ и сыну смертный приговоръ. Явленіе сіе такъ хорошо, что глубокое молчаніе зрителей доказывало, сколь всѣ были пронуты. Слезы у меня текли не-

волью, музыка раздирала мое сердце: теперь идешь къ развязкѣ.

Театръ представляетъ тюрьму. Ашаманъ ободряетъ товарищей не робѣть висѣлицы; его перваго уводятъ на казнь; разбойники засыпаютъ. Добрый Лордъ, одинъ мучимый совѣстію, приходитъ въ опчаяніе. Въ сіе время отецъ его прокрадывается въ темницу; они извѣсняются, отецъ признаетъ сына невиннымъ, примиряется, прощаетъ; но какъ закономъ онъ уже осужденъ, то дабы избавить его отъ постыдной смерти, и вмѣстѣ сохранить честь фамиліи, предлагаетъ и подаетъ ядъ; сынъ принимаетъ, думаетъ, колеблется и отвергаетъ. Преспарѣлый Лордъ закликаетъ его своими сѣдинами, честію, возбуждаетъ рѣшимость и предлагаетъ кинжалъ; сынъ беретъ оный, но проситъ позволенія проспитъся прежде съ женою, отецъ отказывается, и сынъ уже вознесъ кинжалъ..... Въ сію минуту вбѣгаетъ жена, вырываетъ кинжалъ и обезоруживъ мужа, успокоиваетъ пещя. За нею входитъ въ темницу жена мстительнаго Лорда съ милоспивымъ манифестомъ, исходяйствованнымъ ею у Короля. Радость отца и сына представлена удивительно; музыка, кажется, говорила вмѣстѣ съ ихъ панпомимою; балетъ кончился тѣмъ, что мстительный Лордъ перестаетъ ревновать

жену и примиряется съ добрымъ своимъ соперникомъ. Не знаю, что бы васъ болѣе распрогало, драма ли Коцебу, или сей балетъ.

На другой день на театрѣ представляли крестьяне свой балетъ, сочиненной въ честь ихъ храбрости, оказанной при защитѣ своего опечества. Это явленіе простыхъ мужиковъ на сценѣ, по новости своей, меня занимало и нравилось; но къ несчастію ихъ освистали и довольно посмѣялись неловкимъ ихъ движеніямъ.

Февраля 19 (прощальный день). Я оставался на фрегатѣ старшимъ. Служивели приходили ко мнѣ прощаться, одни говорили: что любя своихъ офицеровъ, побѣдя въ всякаго непріятеля; другіе, что поспараются *крѣпить паруса* скорѣе всѣхъ. Я съ удовольствіемъ слушалъ, что они говорили; ибо слова ихъ были согласны съ чувствами, и приказавъ дать каждому по двѣ чарки краснаго вина, позволилъ пѣть и плясать.

Февраля 24. Мы ѣздили ловить рыбу въ Гуви, гдѣ было Венеціанское Адмиралтейство. Французы разорили оное до основанія: неповрежденными остались только три голландіи (*); отъ прочихъ строеній

(*) Такъ называются высокіе сараи, гдѣ хранятся мачтовые и корабельные лѣса.

видны одні стѣны. Сіи развалины, дорога ведущая въ Корфу вымощенная плішою, монашери, церкви и загородные красивые дома, расположенные по скатамъ горъ, придающіе мѣстоположенію вокругъ Гуві особенно пріятный видъ.

Февраля 27. Я ходилъ въ Каполическую церковь слушать пріѣзжаго сюда проповѣдника. Ничего нельзя представить себѣ смѣлѣе его жестовъ. Онъ часто схватывалъ полу своей рясы, и махалъ оною на слушателей; иногда сильно спучалъ кулакомъ по каедрѣ; вдругъ съ прекраснымъ умиленіемъ обращался къ престолу и слезы текли у него ручьями: онъ рыдалъ; но зрители не выронили ни одной слезы, ниже вздохнули; я не могъ допроситься, какъ его зовутъ. Впрочемъ два библейскихъ часа, какъ меня увѣряли, онъ говорилъ умно, сильно и основательно.

При возвращеніи на фрегатъ, одинъ армейскій офицеръ увѣдомилъ насъ, что любезная *Signora Gaettani* сію минуту выѣхала въ Неаполь. Мы погнались за ея кораблемъ, догнали и проспились съ нашею знакомкою. Она не возвратится болѣе въ Корфу, потому что для театра нанята другая труппа. Надобно признаться, что гж. Гаепани, добрая и умная дѣвушка; съ нею не скучно было провести часа два, при, не опасаясь

упрековъ совѣсти; она жила здѣсь какъ Діана, и хотя съ лукомъ и стрѣлами Амура ходила на охоту, но никого ими не убивала.

Марта 2. Я свѣзжалъ на берегъ для прогулки. Прекрасными садами дошли мы до одного селенія, верстахъ въ пяти отъ города находящагося. На всемъ пространствѣ раскиданы были масличныя деревья; не рѣдко намъ попадался неразчищенной дикой виноградъ. Здѣсь теперь зима, погода споитъ пасмурная и дождливая; но случаются довольно несносные жары, и зелень начинаеть поправляться.

Марта 7. Командоръ приѣзжалъ любоваться, съ какимъ искусствомъ наши мап-розы стрѣляли въ цѣль; и въ самомъ дѣлѣ, изъ 10 пушечныхъ выстрѣловъ, при ядра попали въ бочку, на разстояніи 250 сажень. Послѣ ученія Капишанъ нашъ получилъ повелѣніе опираться въ Триестъ съ курьеромъ и пассажирами. Вечеру приѣхалъ на фрегатъ Россійской Министръ Графъ Моцениго, съ двумя дамами и множествомъ мужчинъ; послѣдніе обѣщали скорѣе перебраться; однако же по привезеніи ихъ скарба, мы ихъ долго ожидали. Въ числѣ пассажировъ были: гж. Тереза Фракасси, первая пѣвица, съ своимъ чичизбеемъ: ибо всякая порядочная женщина, особенно почешная любовница,

должна имѣть своего Кавалеръ - Сервенпю. Г. Бенкендорфъ, отправленный съ бумагами въ Россію, его слуга и еще одинъ молодой вояжеръ. Всѣ эти господа помѣстились какъ можно покойнѣе. Мы о томъ не сожалѣли, Италіянцы забавляли насъ отъ утра до вечера.

К о р ф а.

Скорѣе можно узнатьъ расположеніе улицъ, нежели людей; легче описать красоты мѣста, выгоды или неудобства города, нежели вникнуть въ характеръ его жителей. Нѣтъ ни одного переулка къ Корфъ, въ которомъ бы я не былъ; но пріятель, служившій мнѣ чичероніемъ, показавъ крѣпости, лучшія зданія и ничего не сообщилъ о нравахъ, обычаяхъ, торговлѣ и правленіи. Свѣденія по симъ предметамъ, мною собранныя, недоспапочны и невѣрны; по счастію мнѣ предложили подписаться на Исторію Корфы отъ героическихъ временъ до XII столѣтія, посвященную нашему Императору и только что вышедшую изъ здѣшной типографіи. Извѣстный въ ученомъ свѣтѣ Г. Муспоксиди долго прудился въ изданіи сей полезной книги, которую для упражненія въ Италіянскомъ языкѣ я перевелъ, и сей прудъ предлагаю вамъ, любезные друзья, какъ любителямъ историческихъ истинъ; но дабы не обременить читателей сухими подробностями.

Ч. I.

Д

спіями, я выберу изъ книги все, что можетъ бытъ занимательно, и такимъ образомъ познакомлю желающихъ, съ героическою исторією Корфы, по бывшимъ полипическимъ опношеніямъ ея къ Россіи доспойной вниманія моихъ соопечеспвенниковъ.

Имя. Корфа въ началъ вѣковъ называлась *Дрепано*: Аполлоній производитъ названіе сіе опъ косы, которою Сатурнъ убилъ олца своего Цело; другіе опъ наружности оспрова сходспвующей съ косою.

По продолговатому своему виду оспровъ также назывался *Макрисъ*; но поэпы производятъ имя сіе опъ Макри, кормилицы Бахуса.

Послѣ того оспровъ называемъ былъ *Скерія* и *Оеакія*. Первое изъ сихъ именъ Бохартъ производитъ опъ Финикійскаго слова *schara*, что значить портъ или портовый оспровъ. Оеакією же названъ Оеакійцами, на немъ обитавшими, или, если вѣримъ Конону, опъ Оеака, сына Неппунова.

Геродотъ первый началъ называть его *Корцирою*, и производитъ имя сіе опъ Нимфы сего же имени, дочери Азопо, копорую Неппунъ похишилъ изъ земли Оилази, и на семъ оспровѣ въ честь ея поставилъ статуи. Но Г. Муспоксиди, согласно съ

Діодоромъ и Павзаніємъ думаєть, что при-
личнѣ сіе имя присвоить острову Курцоло;
ибо Корцира не Греческое, а Илирійское
слово. Всего вѣроянѣе, что по завоеваніи
Корфы Либурнійцами, онъ названъ однимъ
именемъ съ Курцолою.

*Коренные жители и первые правители
острова.* Съ народами бываєть поже, что
съ рѣками, коихъ величественному печенію
хотя удивляющся, но не знають ихъ ис-
тока. Истинны опдаленныхъ вѣковъ, опъ
которыхъ не оспалось никакихъ памятни-
ковъ, чрезмѣру искажены баснословіємъ, до
коего особенно Греческіе писатели были
большіе охотники. Посему древняя Исторія
Корфы, подобно другимъ, покрыта мракомъ
неизвѣстности.

Оеакійцы, повѣствуетъ Гомеръ, дабы из-
бѣгнувъ припѣсненій сосѣдственныхъ Ци-
клоповъ, оставя обширную Иперію, первое
свое жилище, подъ предводительствомъ Ко-
роля Наузишу, обрѣли спокойнѣйшее убѣ-
жище въ Скеріи. Но Аполлоній, слѣдую древ-
нимъ поэтамъ, полагаетъ, что островъ
былъ прежде всѣхъ обитаемъ нѣкимъ бла-
годѣтельнымъ божествомъ, и божествомъ
симъ называетъ Макри, дочь Аристеея, ко-
торая научила коренныхъ жителей добы-
вать масло и употреблять медъ. Такія

подробности подвержены быть могутъ сомнѣнію; но то досповѣрно, что Факійцы, происходя отъ Финикійцевъ, оставили безплодные поля Сиріи, поселились на многихъ островахъ Средиземнаго моря, которыхъ богатства произведенія и выгодное положеніе для торговли общали имъ болѣе удобностей въ жизни.

Наузитъ, прибывъ въ Скерію, построилъ дома и храмы, обнесъ городъ стѣнами, раздѣлилъ поля и сдѣлалъ многія другія полезныя учрежденія. Переселеніе его на островъ полагаютъ за 66 лѣтъ до разоренія Трои. Около сего же времени полагають должно прибытіе на островъ Геркулеса, который влюбился здѣсь въ нимфу Мелипу, дочь Дориды и Нерей, и имѣлъ отъ нея сына Илло, по имени коего въ Иллиріи названъ городъ Иллейде, а въ честь жены Геркулесовой островъ Меледа названъ Мелипомъ.

Алциной по смерти брата своего Ресенора наследовалъ отцу въ добродѣтеляхъ и справедливости; въ царствованіе его Аргонавты и Улиссъ приспавали къ острову. Вскорѣ по прибытіи Язона и Медеи прибылъ въ Факію Колхидскій флотъ, начальникъ коего требовалъ выдачи похищенной Царевны и въ противномъ случаѣ угрожалъ Царю войною. Алциной, дабы не нарушить

права госпепрїимспва и правоты, по совѣту жены своей Арете, отвѣчалъ начальнику флота, что если Медея еще дѣвица, то онъ возвратитъ ее отцу; если же нѣтъ, то оставитъ ее съ Язономъ. Между тѣмъ Арете склонила Язона въ ту же ночь жениться на Медеѣ.

Спустя 44 года по опшесствїи Аргонавтовъ, должно полагать прибытіе на островъ сына Лаершы. Улиссъ по волѣ боговъ, оставивъ Калипсо, въ 17 дней переплылъ море на кораблѣ, имъ искусно построенномъ, и въ 18^й день, когда уже находился близъ Оеакїи, Непсунъ, раздраженный имъ, воздвигнулъ бурю, копорою разбило каравль и выбросило его на берегъ Скерїи при успѣ рѣки. Въ изнеможенїи своемъ искалъ онъ на ночь убѣжища въ близлежащей рощѣ, гдѣ отъ усталости скоро уснулъ. По утру Царевна Навзикая съ подругами своими, слѣдуя простотѣ того времени, пришла на рѣку мыть плащъ; вымывши же, въ ожиданїи, пока оное высохнетъ, начала съ подругами играть въ шары (*). Улиссъ, пробужденный радостными кликами, полный сомнѣнїя и

(*) Прекрасная Навзикая почитается изобрѣтательницею сей игры, доселѣ въ Греціи весьма употребительной.

надежды, прикрывши нагошу свою лисьями, приблизился к ним; но он испугавшись от него бѣжали, исключая дочери Алциной, которой Минерва внушила смѣлость. Претерпѣвшій кораблекрушеніе началъ похвалою ея прелестней, всегда пріятной женщинамъ, и ласковыми, льстивыми словами склонилъ ее дать ему одежду и позволить итти съ нею въ городъ. Прелестная дѣвица, состраданіемъ подвигнушая, дала просимое, и предложила итти въ городъ съ ея подругами, дабы самой успѣть предупредить опца о прибытіи иностранца, ищущаго его покровительсва.

Вечеру, когда Алциной съ супругою и старѣйшинами праздновалъ въ честь Меркурія, Улиссъ введенъ былъ въ черпоги. Простершись ницъ предъ Царемъ, объявилъ о своемъ имени, и просилъ пособія къ скорому возвращенію въ отечество. Алциной принялъ его учтиво, убѣдилъ оспаться съ нимъ на одинъ день, и послѣ, когда онъ разсказалъ ему свои приключенія, оппустилъ и надѣлилъ бѣльшими дарами, нежели получилъ онъ въ добычу при разореніи Трои. На разсвѣтъ слѣдующаго дня Улиссъ опплылъ изъ Скеріи и наконецъ благополучно прибылъ въ свою Итану.

Прибытіе Коринѣянъ; Колоніи. Отъ царствованія Алциной до прибытія въ Корциру

Коринѣянина Керсикрата, въ продолженіи пяти столѣтій, Испорія не описываетъ ничего замѣчательнаго; но послѣ сего времени баснословныя преданія героическихъ вѣковъ успупають мѣсто болѣе яснымъ и вѣрнымъ описаніямъ. Время, когда Керсикратъ привелъ колонію въ Оеакію, почто не извѣстно; но слѣдуя Фукидиду и Страбону, полагають должно прибытіе Коринѣянъ на островъ въ 756 году прежде Р. Х.

Городъ Эпидамнъ, построенный на восточномъ берегу Адриатическаго моря, былъ первымъ поселеніемъ Корцирцевъ, которые въ послѣдствіи населили многія другія. Корцира съ своими колоніями, подобно Коринѣю, общей ихъ Метрополіи, управлялись Олигархією (*) до того времени, какъ Чипсело похищилъ верховную власть въ Коринѣ. Періандръ, сынъ его, наслѣдовалъ ему и правилъ вмѣстѣ и Корцирою. Сей тиранъ, умерщвленіемъ жены своей Мелиссы навлекъ на себя ненависть меньшаго своего сына Ликофрона, который сперва былъ изгнанъ, а потомъ посланъ править Корцирою. Старшій братъ убѣдилъ отца поручить ему правленіе сего острова, но по прибытіи туда

(*) Малоначаліе, т. е. когда власть находится въ рукахъ нѣкошораго меньшаго числа гражданъ.

былъ убитъ народомъ. Раздраженный, Періандръ приказалъ 300 юношей отправишь въ Сарди, дабы сдѣлашь ихъ тамъ Каспратами. Корабль, на копоромъ они были отправлены, приспалъ къ Самосу, жители коего изъ сожалѣнія укрыли юношей въ храмъ Діаны, и въ слѣдующую ночь принесли имъ хлѣбъ изъ чечевицы и меда (*). Исполнили приказанія Періандрова не смѣя нарушишь святыню храма, возвратились домой безъ успѣха (въ 545 году до Р. Х.), а пооплышій ихъ опущены и юноши. Тиранъ, получа о семъ извѣстіе, отъ гнѣва и старости умеръ. Плиній прибавляетъ, что Ремора, по способности своей прилипаетъ къ кораблямъ, будто бы удержала корабль, везшій Корцирскихъ юношей, почему рыбу сію и чествовали въ Гнидійскомъ храмъ Венеры.

Война съ Коринѳянами. Корцирцы въ могуществѣ были равны многимъ Греческимъ республикамъ, и превосходя морскою силою Коринѳянъ, не хотѣли быть отъ нихъ въ зависимости. Причины первой ихъ войны Фукидидъ такъ описываетъ:

Въ 439 году до Р. Х. : правители города Эпидамна (отъ внутреннихъ несогласій утратившаго прежнее свое благосостояніе) не могли усмирить возмущившійся народъ,

(*) Хлѣбъ сей и донныи Греками употребляется.

просили помощи у Корцирцевъ. Когда просьба сія не была услышана, они обратились къ Коринѣянамъ, которые немедленно прислали берегомъ войска. Корцирцы узнавъ о семъ, осадили Эпидамнъ съ моря; а союзники ихъ Иллиріане, съ сухаго пущи. Коринѣяне выслали для освобожденія города 68 кораблей съ 3000 воиновъ. Корциряне съ 80 кораблями, подъ начальствомъ Ариспея, разбили непріятелей своихъ при входѣ въ заливъ Амбраціо, и взяли у нихъ 15 кораблей. Граждане Эпидамна во всемъ удовлетворили побѣдителей и выдали имъ Коринѣскій гарнизонъ.

Послѣ сей побѣды Корциряне разорили Левкадъ, сожгли въ Чиленѣ арсеналъ, и во весь годъ беспокоили союзниковъ Коринѣянъ. Въ продолженіи другаго года Корцирскій флотъ въ Левчимнѣ, а Коринѣскій въ Анціи, простояли безъ дѣйствія; между тѣмъ обѣ республики просили помощи у Аѣинъ. Аѣинскій народъ, по наспоянію Перикла, заключилъ наспупательный и оборонительный союзъ съ Корцирянами. Намѣреніе Аѣинянъ было однакожъ только то, чшобы войною ослабить обѣ республики и напасъ на побѣжденнаго. Съ такимъ повелѣніемъ 10 галеръ, подъ начальствомъ сына Кимонова, были посланы на помощь Корцирянамъ.

Коринѣяне со 150 кораблями подѣ предводительствомъ Сеноклида вспрѣпились въ морѣ близъ мыса Химера, что прошиву Корциры, со 100 Корцирскими кораблями и 10 Аѣинскими галерами. Сраженіе сіе, произшедшее въ 435 году до Р: Х:, почитается славнѣйшимъ, бывшимъ между Греками; оно было упорно и кровопролитно, корабли сѣпились на абордажѣ, и битва продолжалась какъ на сухомъ пупи. Правое крыло Коринѣяноу обратилось въ бѣгство; Корциряне истребивъ оное, вышли на берегъ, сожгли непріятельскій лагерь и взяли много добычи. Оставшіеся на мѣстѣ Корцирскіе корабли, имѣя прошиву себя превосходную силу, принуждены были опспупить къ своему берегу. Аѣиняне, до сего времени бывши зрители, вспупили въ бой, но были также разбиты и обращены въ бѣгство. Послѣ великой поперивъ людяхъ съ обоихъ споронъ, Коринѣяне опспупили въ Сибопу; Корцирцы собравъ свои разсѣянные корабли, и соединившись въ ночь съ 20 прибывшими Аѣинскими кораблями подѣ начальствомъ Главна, на другой день снова наспупили; но Коринѣяне, какъ побѣжденные, уклонились отъ сраженія и поспѣшно удалились въ свои Порты. Они попопили и взяли въ плѣнъ 70 кораблей и 1000 воиновъ; Корциряне, съ меньшею силою, попопили 30 кораблей, со-

жгли непріятельской лагерь и возвратили свои взятыя въ плѣнѣ корабли. По симъ причинамъ обѣ стороны съ нѣкоторою справедливостію присвоивали себѣ побѣду, бывшую первою побудительною причиною извѣстной Пелопонесской войны, въ продолженіе которой Корциряне помогали Аѣинянамъ 50 кораблями.

Междоусобіа въ 427 году до Р. Х. Коринѣяне, не могши силою оружія уничижитъ своихъ соперниковъ, достигли сего, посѣявъ между ими плевелы несогласія. Плѣнные Корцирцы, обманутые коварными убѣжденіями, по полученіи свободы, предложили гражданамъ распоргнутъ связи съ Аѣинами; но народъ рѣшился оспаться союзникомъ Аѣинянъ и другомъ Пелопонесцовъ. Злоумышленники, поклявшись предать опеченство Коринѣянамъ, и не успѣвши обвинитъ Пипіа, народнаго правителя, въ преданности его къ Аѣинянамъ, съ кинжалами въ рукахъ вошли въ Сенаѣ, умертвили Пипіа съ 30 Старѣйшинами, и принудили гражданъ оспаться неупральными, о чемъ и послали объявить Аѣинянамъ.

Измѣнники, подъ именемъ начальниковъ похищившіе власть, по приходѣ Коринѣской галеры, напали на народъ, который опещу-

пивъ на гору, на другой день побѣдилъ своихъ пришвснителей и принудилъ ихъ удалиться на прошивулежащей матерый берегъ. Оспавшіеся начальники съ 400 соумышленниковъ, по прибытіи 12 Аѳинскихъ кораблей, по договору оспавили городъ и были перевезены на островъ (*) прошивулежащій храму Каспора и Полукса.

Къ несчастію спустя пять дней пришли 53 Пелопонескихъ корабля, подъ начальствомъ Бразида и Алкида, которые разбивъ и взявъ у Корцирянъ 13 кораблей, удалились къ пвердой землѣ. На другой день Алкидъ, вышедъ въ Левчимнѣ на берегъ, предалъ все огню и мечу. Между тѣмъ народъ изготавилъ на скоро 30 галеръ; но Пелопонесцы, узнавъ о прибытіи въ Левкадъ 60 кораблей подъ начальствомъ Эвремедонша, поспѣшно отспушили. Въ семидневное пребываніе Эвремедонша въ Корцирѣ совершены были многія пресупленія: онъ не уважилъ ни свяспости храмовъ, ни безпомощной староспи; народъ буйспвовалъ безнаказанно. Въ сіе ужасное время сынъ отца, и братъ сеспру убивалъ безъ содроганія. Чипая крапкое, но сильное описаніе Оукидида о

(*) Должно полагать на Видо.

семь междоусобиц, душа исполняется невольнаго пренепа.

Пять соть спасшихся бунтовщиков сдались, подвергли себя суду Афинскаго народа, по рѣшенію коего они удалены были на остров Ппишія; съ тѣмъ, что если одинъ изъ нихъ бѣжитъ, то данное слово о сохраненіи ихъ жизни симъ уничтожится. Подосланные отъ народа увѣрили, что Афиняне хотѣтъ ихъ предать врагамъ, и для спасенія предложили корабль. Обманутые сею хитростію, они бѣжали, остановлены, брошены въ пюрму, и тамъ жестокииъ образомъ побиты народомъ.

Послѣ сего произшествія Корцира служила пристанищемъ флотамъ Афинскимъ, и въ 414 году до Р: Х: послала 15 кораблей противъ Сиракузъ.

Утрата свободы. Народъ, по излишней ревности къ сохраненію вольности и раздѣленный несогласіемъ, угождалъ желаніямъ то Спартанъ, то Афинянъ. Первые хотѣли учредить въ Корцирѣ вельможедержавіе, послѣдніе народное правленіе, и отъ первыхъ народъ просилъ защиты у послѣднихъ. Кононъ вмѣстѣ съ народомъ выгналъ болѣе 1000 начальниковъ изъ города. Изгнанные вскорѣ возвратились, взяли театральную площадь, и снова начали биться въ городъ;

сраженіе было прервано ночью, а на другой день согласились управлять республикою народу и начальникамъ совокупно.

Въ 347 году до Р: Х: Тимофей, сынъ Кона (*), разбилъ Спаршанскій флотъ подъ начальствомъ храбраго Николоко; между тѣмъ управляя республикою, онъ ни одного не изгналъ и не объявилъ никакого утѣснительнаго закона. Признательные Корцирцы поставили въ честь сего полководца статуи.

Вскорѣ Спаршанцы, за данное Тимофеемъ пособіе разбойникамъ Закинфскимъ, снова объявили войну Аѣинянамъ. Спаршанцы послали въ Корциру Алкида съ 22 галерами, подъ видомъ, будто бы онъ идущъ въ Сицилію, въ слѣдъ за нимъ Мназиппа прибылъ съ 65 галерами, принялъ на флотъ изгнанныхъ дворянъ, обѣщавшихъ предать ему опечесство, высадивъ на берегъ 1500 салдатъ и укрѣпился на островѣ. Аѣиняне, съ своей стороны ввели въ городъ 600 воиновъ; Тимофей, избранный народомъ въ начальники республики, защищалъ городъ 60 галерами. Мназиппо при нападеніи на самыхъ стѣнахъ былъ убитъ, и Эпермонъ, заступившій его мѣсто, свѣдавъ, что Ификратъ съ 70

(*) Афобо, учитель Демосоена въ семъ сраженіи начальствовалъ галерою.

галерами идеиъ для освобожденія острова, оставя больныхъ, раненыхъ и всѣ запасы, поспѣшно опсшупилъ въ Левкадѣ.

Ификратъ, прибывъ въ Корциру и узнавъ, что 10 галеръ, посланныхъ Діонисіемъ въ помощь Спаршанцамъ, остановились по близости города, выслалъ прошивъ ихъ 20 галеръ. Воины Сиракузскіе были на берегу, почему галеры ихъ взяты безъ сопротивленія. Аниппо, начальникъ Сиракузскаго флота, въ опчаяніи себя убилъ.

Въ послѣдствіи времени, какъ по рѣчи Демосѣена заключить можно, дворяне снова сдѣлались власпишелями народа.

Корцира, междуусобными и внѣшними войнами ослабленная, не могла болѣе сопротивляясь никакому непріятелю; республика переходила изъ рукъ въ руки, какъ легкая добыча; граждане, не дѣлая никакихъ усилій къ своему защищенію, привыкли наконецъ къ перемѣнѣ своихъ повелителей. Спаршанецъ Клеонимъ, идучи въ помощь Тареншинцамъ прошиву Римлянъ, по дорогѣ зашелъ и покорилъ островъ. Кассандръ Македонскій, за помощь, данную Аполоніи и Эпидамну, откуда изгнаны были его солдаты, окружилъ съ моря и сухаго пути въ 297 до Р: Х:, но Агаѳокъ Сиракузскій освободилъ Корциру, и ограбя опдалъ въ приданое дочери

своей Ланассѣ, супругѣ Пирра, которая въ послѣдствіи изъ ревности вышла за мужъ за Димитрія, сына Анпигонова, и оставя на островѣ войско, удалилась. Толомей, сынъ Пирра, съ 50 воинами нечаянно напалъ и взялъ крѣпость.

Островъ переходитъ во власть Иллиріанъ, потомъ Римлянъ. Съ того времени, какъ Корцира утратила свою независимость, древняя ея Исторія не представляла ничего замѣчательнаго; всѣ громкія дѣянія славы похищилъ одинъ могущественный народъ, въ многочисленныхъ областяхъ котораго, Корцира составляла сама малѣйшую часть, и потому, дабы пополнить сей промежутокъ, по неволѣ должно слѣдовать пому живописцу, который написавъ картину, пустыя мѣста замѣщаетъ облаками, деревьями и пому подобнымъ.

Въ 229 году до Р: Х: Теона, Королева Иллирійская, безпокоила своими морскими наѣздниками всѣ приморскіе города Греціи. Флотъ ея, не успѣвъ взять Эпидамна, осадилъ Корциру; и когда семь ея кораблей истребили у острова Паксо 10 Ахейскихъ и Эпольскихъ кораблей, то Корцира сдалась Димитрію Фаріо. Римляне, желая освободить моря отъ такихъ храбрыхъ повелителей, объявили Иллиріанамъ войну. Вскорѣ

Фульвіо съ 200 кораблей явился подъ спѣ-
нами Корциры. Димитрій былъ тогда подъ
гнѣвомъ своей Королевы, почему и сдалъ
городъ Римлянамъ безъ сопротивленія.

По заключеніи съ Эпольцами мира, Кор-
цира утверждена за Римлянами, копорымъ
положеніе ея доставило удобность вести
войну въ Македоніи и Акарнаніи. Подъ вла-
стію Римлянъ оспровъ управлялся своими
законами. Плиній называетъ Корциру воль-
нымъ городомъ, имѣвшимъ право чеканить
монету, на копорой съ одной стороны из-
ображалось прежнее народное знамя, съ дру-
гой ликъ Императора.

Въ продолженіи второй Пунической войны
Корцирцы служили въ Калабріи подъ началь-
ствомъ Фульвія (въ 216 году до Р: Х:). Они
задержали Сенофана, посланника Филиппа
Македонскаго, желавшаго впайнѣ заклю-
чить союзъ съ Аннибаломъ.

Капонъ Ушическій (въ 56 году до Р: Х:)
по покореніи Кипра, съ великими сокрови-
щами возвращаясь въ Римъ, приспавалъ къ
Корцирѣ. Около 52 года до Р: Х: была на
оспровѣ зараза; но начальникъ Римскихъ
воиновъ Варронъ, прекратилъ оную, прика-
завъ пробить въ домахъ окна къ Сѣверному
вѣтру.

Когда въ 48 году до Р: Х: Помпей и Цесарь учинились врагами, Корцира взяла спорону побѣдителя Азіи. При началіи междоусобія Корцира занята была Цесаревымъ войскомъ; но Бибуло, коему Помпей поручилъ хранить море, сжегши Цесаревъ флотъ въ портѣ Орико, принудилъ сдать себѣ городъ. Послѣ Фарсальской битвы, Капонъ съ остатками разбитой арміи переѣхалъ въ Корциру, гдѣ нашелъ весь флотъ, самого Помпея, Цицерона, Либона, Октавія и всѣхъ тѣхъ, кои не надѣялись получить пощады отъ Цесаря. Цицеронъ, облеченный званіемъ Консула, не принялъ начальства надъ войскомъ, и поперявъ мужество, расположился ѣхать въ Римъ, дабы тамъ преклониться предъ славою Цесаря; молодой Помпей, назвавъ его малодушнымъ, въ запальчивости обнажилъ мечъ; но Капонъ укротилъ гнѣвъ юноши, и выпроводилъ Цицерона изъ лагеря.

При началѣ ссоры между Октавіемъ и Антоніемъ, флотъ Октавія оплылъ въ Пелопонесѣ, а Антоніевы корабли вышедъ изъ Брундузіо, высадили гарнизонъ въ Корциру, и перешли въ портъ Долче.

Агриппина, возвращаясь въ Римъ съ пепломъ Германика, своего супруга, приспавала къ Корцирѣ въ 20 году до Р: Х:

Отъ сего времени до конца одиннадцатого столѣтія Исторія Корциры не представляе ничего занимательнаго, кромѣ того, что по раздѣленіи Римской Имперіи, она досталась на часть Восточнымъ Императорамъ и причислена къ числу 12 городовъ, сославлявшихъ Эпирскую провинцію; что Гошфы, посланные Топилою съ 300 кораблей, въ портахъ Греціи произвели великія грабительства; и что наконецъ городъ много претерпѣлъ отъ землетрясеній.

Робертъ Эвискардо, Князь Пулліи, желая возвратити Михаилу Паррапиначіо опіяныя у него владѣнія, объявилъ Грекамъ войну. Онъ однакожъ безъ успѣха нападалъ на Корциру; безъ успѣха предлагалъ мирныя условія: граждане великодушно отвѣчали ему, что если потеряютъ женъ и дѣтей, то не измѣнятъ въ вѣрности Алексію. Къ счастью Грековъ, Робертъ умеръ, и сынъ его Боемондъ послѣ тщетныхъ угрозъ возвратился въ Италію (въ 1081 году).

Въ 1123 году по Р: Х: предприимчивый Венеціанскій Дожъ Доменико Фальери, послѣ многихъ сраженій и великихъ потерь, не успѣлъ покорити Корциры.

Георгій Антіохійскій, великій Адмиралъ Рожера, Короля Сицилійскаго, былъ счастли-

вѣе другихъ. Корцирцы сдались ему на условіе безъ сраженія. Сіи легковѣрные люди, искавъ лучшаго, обрѣли худшее; ибо неблаго-разумный ихъ поступокъ былъ причиною тяжкой для нихъ войны.

Мануилъ Комненъ, Греческій Императоръ, рѣшился не только отмстить за Корциру, но возвратить Сицилію, Калабрію и Пуллію. Венеціане, какъ союзники, снабдили его 40 галерами и 12 линейными кораблями, подъ начальствомъ Дожа Полано. Греческое войско оказало достойное древнихъ временъ мужество: не смотря на то, послѣ трехъ-мѣсячной осады, всѣ усилія были тщетны. Императоръ приказалъ соорудить подвижную башню, пригото-вить лѣстницы, и избравъ 400 храбрѣйшихъ, послалъ на приступъ, обѣщая имъ славу и награду. Нѣсколько отважнѣйшихъ (*) уже взошли на стѣну: какъ вдругъ лѣстница подломилась, и воины, на ней бывшіе, упали въ море и всѣ погибли; одинъ Пупаче, къ удивленію, возвратился въ лагерь невредимый. Послѣ неудачнаго приступа, Венеціане, поссорившись съ Греками, на нихъ напали; но будучи отражены, удалились въ Аспериду, гдѣ разбила Греческій флотъ,

(*) Пупаче первый взошелъ на стѣну, за нимъ четыре брата Петралифа.

прибывшій изъ Негропонша. Мануилъ, скрывая гнѣвъ, помирилъ враждующихъ и стѣснилъ городъ болѣе прежняго. Сицилійцы, послѣ упорной защиты, по причинѣ голода, сдались и вышли изъ крѣпости съ оружіемъ и имуществомъ.

Фридерикъ II, Король Римскій, въ 1176 году намѣревался напасть на Корфу, и для сего писалъ къ Георгію Митрополиту оной; но сей представивъ, сколь малую пользу получилъ бы онъ въ семъ приобрѣтеніи, и сколь несправедливо было бы опнищать собственность другаго, убѣдилъ Короля отказаться отъ предпріянія. Мануилъ сильно укрѣпилъ Корфу, и отдалъ ее во владѣніе сестрѣ своей (*).

АДРІАТИЧЕСКОЕ МОРЕ.

Марта 8. Около полдня снялись съ якоря и пустились въ Тріэстъ съ курьеромъ и на курьерскихъ. Мы шли подъ всѣми парусами благополучно только до 10 числа, а послѣ того десять дней сряду лавировали при сѣверномъ вѣтрѣ. Погода была такъ холодна, какъ у насъ выдающіяся дни въ Сенябрѣ.

(*) Продолженіе Исторіи до нашихъ временъ смотри въ запискахъ Морскаго Офицера часть II, отъ 101 до 104 страницы.

Пассажиры наши чувствовали морскую болѣзнь, и ни одна изъ нихъ на верхъ не показывалась. Одинъ вояжеръ, очень скромный молодой человѣкъ, сидѣлъ на борту. Послѣ нѣсколькихъ присуповъ я успѣлъ съ нимъ познакомиться. Ты удивишься, когда скажу тебѣ, какъ его зовутъ; это мой поварищъ Анд. Мих. Корнѣевъ, о коемъ ты столько насказалъ мнѣ добраго. Три года онъ ѣздилъ съ извѣстнымъ Генераломъ Шпренгпорте-номъ, посѣтилъ съ нимъ Сибирь, Архипелагъ, видѣлъ развалины Аѳинъ, Эфеса, Трои и проч. . . нарисовалъ пристра видовъ, и теперь, получивъ отъ Государя Императора при тысячи рублей ежегоднаго содержанія, намѣревается осмопрѣть всю Италію.

Наконецъ, Марша 20, Непшунъ пересталъ гнѣваться; намъ сдѣлался попутный вѣтръ, и мы побѣжали мимо прекраснѣйшихъ городковъ Нола, Ровиньо, Фонпанте и другихъ. Весь берегъ Истріи имѣетъ обворожительный видъ: вездѣ представляются красивые города, большія селенія, въ коихъ дома бѣло на бѣло выбѣлены. Изъ Фонпанте выѣхалъ къ намъ на лодкѣ Императорской службы офицеръ и спрашивалъ насъ, откуда мы, куда идемъ, объ имени фрегата, сколько на немъ людей и пушекъ? Послѣдніе вопросы мы обрапили въ шутку, и отвѣчали,

что у насъ до ста пушекъ, а людей и пересчестъ нельзя. Подъ вечеръ пришли въ Триэсть и бросили якорь подлѣ Американскаго фрегата, не болѣе ста сажень отъ пристани. Къ намъ потчасъ пріѣхалъ нашъ Консулъ Г. Пелегрини съ запрещеніемъ не имѣть цѣлыя три недѣли сообщенія съ городомъ; но какъ офицеръ съ Г. Бекендорфомъ поѣхали въ карантинъ, и тамъ объявили, что мы шли изъ Корфы 40 дней: то намъ уменьшили карантинъ до 14 дней. Такимъ образомъ мы только смопримъ на Триэсть; а съ какимъ желаніемъ плыли!

Три недѣли прежде прибылъ сюда брига Бонасорте съ Генераломъ Шпренгпортомъ; жалко было слушать, что онъ перепѣлъ на пуши. Сильнымъ порывомъ вѣтра такъ брига наклонило, что онъ зачерпнулъ; вода хлынула на палубы, потопила каюшу, все загромѣло, жена Генерала отъ испуга ахнула и сдѣлалась больна. Брига чрезъ три дни пришелъ въ Триэсть; ему назначили 21-дневный карантинъ; Генерала съ женою свезли въ карантинной домъ; а поступающіе въ карантинъ должны другъ отъ друга удаляться. И такъ больную его жену положили на постель, а ему не позволили подходить къ ней ближе сажени. Самъ докторъ, присланный Губернаторомъ, не

смѣлѣ къ ней прикоснуться; ей подавали пищу и ѣсть на лопатѣ или длинными щипцами. Таковѣ карантинный законѣ, что и здоровые не могутѣ другѣ къ другу подходить. Бѣдный Генералѣ, каково было ему три недѣли!

Вѣ вечеру побѣхали кашаться на шлюпкѣ, и на пущи вздумали осмотрѣть новый карантинѣ. Мы пристали вѣ Бассейнѣ и вышли на чистой большой дворѣ, окруженный чепырьмя высокими стѣнами. Тутѣ было не мало народа, который однакоже опѣ насѣ бѣгалѣ. На дворѣ есть часовня и фонтанѣ сѣ прекрасною водою. Пріорѣ или Начальникѣ карантина далѣ намѣ человека, который сѣ одного двора водилѣ насѣ на другой; наконецѣ привелѣ къ пришедшимѣ изѣ Смирны и другихѣ мѣстѣ судамѣ, кои держатѣ карантинѣ. Мы напоследокѣ были на кладбищѣ, гдѣ хоронятѣ умирающихѣ заразою; также показывали намѣ покои, опредѣленные для чиновниковѣ и пассажировѣ, содержащихся вѣ карантинѣ. Есть и садѣ, но мы его не видали. Часовые и прислужники карантина не показались для насѣ такими спрашными, какими описалѣ Павелѣ Сумароковѣ прислужниковѣ карантина вѣ Очаковѣ. Тамѣ, онѣ говорилѣ, вѣ комнапахѣ, гдѣ находились зараженные, стояли на часахѣ напоржные, одѣтые вѣ черное кожаное

плашье, вооруженные бердышами. Здѣсь напрошивъ мы видѣли только пріятныя лица, одѣтыя въ обыкновенное плашье, съ палочками въ рукахъ. Всюду мы находили исправность и благоразумную оспорожность; и хотя на первый разъ спрөгосъ покажется чрезмѣрною, но она необходима: ибо Триэстъ торгуесть привозимыми изъ Леванша и Африканскихъ гаваней хлопчатною бумагою, шелкомъ и другими товарами, наиболѣе принимающими и удерживающими заразу. Суда, даже военныя, находясь въ морѣ, при малѣйшей оплошности, могутъ заразиться; и если по приходѣ ихъ въ портъ не возмунъ надлежащихъ мѣръ къ прекращенію чумы: то не только городъ, но и цѣлое Государство можетъ поспрадать. Для сего во всѣхъ торговыхъ городахъ Италіи, Испаніи и Франціи построены караншины, гдѣ пресупившій правила караншина, казнится смертію. Старый караншинъ, находящійся по другую сторону города, опредѣленъ для тѣхъ, которые хотятъ и могутъ имѣть сообщеніе съ городскими жишелями.

На претій день пребыванія нашего въ Триэстъ, Г. Бекендорфу и пассажирамъ вышло позволеніе перебраться въ новый караншинъ, гдѣ они, по причинѣ свирѣпствующей заразы въ Боко ди Капаро и Албаніи,

должны были выдержать 21-дневный карантинъ. Мы опшвели ихъ въ назначенное мѣсто, проспились и снялись съ якоря. Лавируя на рейдѣ вокругъ Американскаго фрегата, пушечнымъ выстрѣломъ увѣдомили Консула, который не замедлилъ доставить бумаги въ Корфу, и мы наполнивъ паруса, разспались съ Триэстомъ. Я радуюсь тому, что вы, послѣ долгаго моего молчанія, получили вдругъ нѣсколько писемъ съ предлинною повѣстью моихъ приключеній, чрезъ Г. Бекендорфа, идущаго прямо въ С. Петербургъ.

По оставленіи Триэста, на другой день, 24 Марта, встрѣ вдругъ спихъ, и попомъ сдѣлался прошивной. Мы долго лавировали подлѣ красивыхъ береговъ Истріи. Время стояло прекрасное, не было ни дождя, ни грома; одна зарница каждый вечеръ, по захожденіи солнца, блистаніемъ своимъ увеличивала великолѣпіе природы.

Адриатическое море имѣетъ особенное свойство: въ немъ дуютъ столь жестокіе вѣтры, что не возможно смотрѣть прямо прошивъ вѣтра; но по узкости моря и непомѣрной высотѣ береговъ, рѣдко бываетъ сильное волненіе. Въ сей переходъ мы едва подвигались впередъ; восемь дней сряду продолжалось маловѣтріе; но 1 Апрѣля, когда

мы смѣялись, обманывая другъ друга, на нѣсколько часовъ дунулъ споль жестокий вѣтръ, что мы на другой день были уже въ сѣверномъ проливѣ Корфы; но шупъ вѣтръ снова насъ обманулъ, и мы принуждены были спастъ на якорь.

Апрѣля 3. Съ разсвѣтомъ пустились лавировать при свѣжемъ вѣтрѣ; но по причинѣ высокихъ береговъ внизу была совершенная тишина, и пошому сдѣлавъ 27 поворотовъ, едва подвинулись на двѣ версты впередъ. 4 Апрѣля вѣтръ стоялъ въ той же силѣ; противное теченіе было очень быстро, и мы цѣлой день просполяли на мѣстѣ.

Апрѣля 5. Вѣтръ немного утихъ; но противное теченіе все еще продолжалось. Около обѣда нѣсколько офицеровъ, взявъ неводъ, поѣхали къ островамъ, лежащимъ къ Албанскому берегу, ловить рыбу. Ихъ было, считая съ гребцами, 25 человекъ; и не смотря на такое число, едва они закинули неводъ, какъ одинъ молодой Албанецъ, вооруженный съ ногъ до головы, подошедъ къ шлюпкамъ, повелительнымъ голосомъ требовалъ себѣ рыбы; наши мапрозы, смѣяся, указывали ему на пустую сѣть. Тогда онъ вынулъ изъ-за пояса пистолетъ, подошелъ къ лоцману, грозилъ убить его, если не отдастъ ему своего кушака и фуфайки.

Лоцманъ былъ Грекъ, не прусъ, отказалъ въ его пребываніи. Албанецъ приготовился выстрѣлить; лоцманъ грозилъ, что его самого убьютъ: какъ въ сіе время подошли другіе Албанцы и уняли своего храбреца. Теперь судите, каковы Албанцы; впрочемъ всѣ они такіе же удалцы, и кромѣ исправнаго оружія нѣтъ у нихъ ни порядочной одежды, ни покойнаго жилища. Они состоятъ подъ властію Али Паши, извѣстнаго своими убійствами и варварскою полишикою. Около 11 часа ночи сего же 5 Апрѣля, мы въ нѣсколько повороговъ пришли на мѣсто и остановились посреди эскадры.

К О Р Ф А.

Всѣ дни спраспной недѣли были въ городѣ безпрестанныя процессіи. Въ пятницу носили мощи св. Спиридонія, а въ субботу по утру изъ Каполической церкви гробъ Іисуса Христа, похожій на великолѣпный одрѣ, съ ножками. Я былъ въ церкви, гдѣ лежатъ мощи св. Теодоры; у ней нѣтъ головы; пѣло ея найдено въ то время, какъ привезли въ Корфу мощи св. Спиридонія.

Апрѣля 9. День Пасхи, конечно вы, друзья мои, проводите съ большимъ удовольствіемъ и радостію: въ заупреню, которая отправлялась на нашихъ корабляхъ точно также, какъ и у васъ, я искалъ кого бы поздравишь

сѣ полѣ радостнымъ днемъ для Христіанъ ; но всѣ казались мнѣ чужими. Друзья и родственники! Васѣ хотѣлось бы я обнять, и слова: *Христосъ Воскресе!* произнесѣ бы тогда сѣ особеннымъ сердечнымъ восхищеніемъ.

Апрѣля 13. Я познакомился въ казино (кофейный домъ) сѣ однимъ разумнымъ Грекомъ. Онъ рассказывалъ мнѣ , что доходы Корфы за одно деревянное масло , опускаемое за границу, простираются до полумилліона талеровъ (въ 5 руб.); разчисливши на число жителей острова , коихъ полагается 50,000, придетъ на каждого 10 талеровъ на годъ. Если бы народъ былъ трудолюбивѣе, то доходъ могъ бы увеличиться ; однакоже и сего достаочно на издержки Республики. Приложите къ сему сборъ сѣ вина, плодовъ и другихъ произведеній : то справедливо можно заключить , что здѣшніе жители не должны быть бѣдны ; они и въ самомъ дѣлѣ довольно богаты : но по дурной привычкѣ скудно одѣваются, кажутся нищими.

Апрѣля 19. Я далъ уже полный отчетъ о тѣхъ мѣстахъ, копорыя заслуживали вниманіе : все примѣчательное осмопрѣно, и я не знаю , о чемъ еще рассказывать. Если говорить о жарахъ , какіе здѣсь шеперь ; если говорить , что здѣсь нѣтъ дождей и грома : такъ это значитъ повторить или напомнить о томъ, что вы прежде знали.

Апрѣля 23. Снова встрѣтился я съ разумнымъ Грекомъ. Онъ возобновилъ свой разговоръ, и вошъ, что я отъ него слышалъ. Семь Ионическихъ острововъ каждые при года присылаютъ въ столицу Республики-Корфу по депутату, которые вмѣстѣ съ сенапами рѣшатъ всѣ дѣла. Здѣшній Сенапъ, подъ предводительствомъ Князя (Principe), невеликую имѣетъ власть, а силы никакой; попому всякая нація можетъ склонять волю Сенапа въ свою пользу. Что касается до гражданъ, изъ нихъ каждый имѣетъ личныя выгоды: польза такой бѣдной республики до нихъ не касается. Грекамъ все равно, кто бы имъ ни покровительствовалъ, лишь бы могъ ихъ защищать. Республика не имѣетъ своихъ денегъ; здѣсь ходятъ болѣе Турецкія, Австрійскія и Испанскія монеты. Золото принимается на всѣхъ.

Маія 12. Сего дня мы получили повелѣніе снова отправишься въ Триестъ за деньгами для войска и флота. Къ намъ явилось 10 человекъ пассажировъ. Мы надѣемся проспать въ Триестѣ нѣсколько недѣль; ибо я замѣтилъ, что какъ скоро дѣло идетъ о деньгахъ, то всегда должно долго ждать.

На пути къ Триесту.

Маія 13. Въ вечеру мы снялись съ якоря и съ тихимъ вѣтромъ пошли изъ Корфы съ-

вернымъ проливомъ, который въ одномъ мѣстѣ такъ узокъ, что разстояніе между Албанскимъ берегомъ и островомъ едва ли будетъ при версты. Проливъ идетъ колѣнами, и въ одномъ изъ нихъ, при входѣ ближе къ Корфѣ, есть два камня, для обхода коихъ должно держаться ближе Албанскаго берега. Въ 8 часовъ захватилъ насъ проливной вѣтръ, и какъ быстрое печеніе обыкновенно поворачивается вмѣстѣ съ вѣтромъ: то мы и принуждены были положить якорь подлѣ самаго берега. На другой день Капитанъ съ пассажирами поѣхали на островъ и къ вечеру привезли множество рыбы.

Майя 15. Ясное небо предвѣщало шпиль, и въ самомъ дѣлѣ едва опошли версшу, какъ принуждены были за безвѣтріемъ, еще до разсвѣта, снова спастъ на якорь. Послѣ обѣда мы поѣхали на островъ, гдѣ были вчера. Мнѣ очень понравилось сіе мѣстечко, обнесенное пѣнистою рощею, у которой вверху не видно солнца, а внизу прекрасная зелень.

Между нашими пассажирами было двое Корфіотскихъ дворянъ Г. Б... и Г. П...; послѣдній имѣетъ свои земли за холмомъ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы приспали. Они очень меня полюбили и говорящъ со мной по Италіянски, а я отвѣчаю имъ по

Французски. Глубокія свѣденія старика Б., проведеннаго 12 лѣтъ въ Парижѣ, много служили мнѣ въ познаніи обоихъ языковъ и въ полученіи нѣкотораго понятія объ оспровѣ. Неохотно говорили они о своей опчизнѣ; пошому, можетъ быть, что не довольны своимъ правительствомъ, и конечно, не безъ видовъ и козней, жили долгое время за границею; ибо здѣсь давно въ обыкновеніи: ешлы дома худо, опправляясь въ какую либо сполицу и предлагає услуги на щетъ своего опечества, гдѣ они уже попережали себѣ цѣну. Г. П. . . почиается богатѣйшимъ дворяниномъ республики; но онъ не имѣетъ большихъ доходовъ, ибо его оливковыя роци опданы на опкупъ земледѣльцамъ. До срока опкупа арендашоры владѣютъ землею, какъ своею собсвенною, и часпо лѣность и нерадѣніе доводитъ ихъ до крайней нищеты. Дворянство не могло избавиться опъ такихъ арендашоровъ, ниже принудило ихъ къ работѣ и платило себѣ условную сумму, дѣлаєся врагами крестьянъ; и эшо яблоко раздора давно между ими брошено. Французы первые симъ воспользовались; они обѣщали дворянству привестъ въ послушаніе мужиковъ, и были приняты въ Корфѣ съ распротертыми руками; но Французы обѣщанія своего не исполнили, и чшобы ушвердиться во власши, опняли по

праву завоеванія земли у шѣхъ, кои имъ не нравились, и отдали шѣмъ, которые болѣе имъ помогали. Посему большая часть дворянства выѣхала; и сіи склонили нашъ Дворъ за нихъ вступиться. Адмиралъ Ушаковъ, послѣ четырехъ-мѣсячной осады, выгналъ Французовъ изъ Корфы вмѣстѣ съ ихъ приверженцами. Правительство наше теперь возвращаетъ изгнанныхъ и принимаетъ крошкія мѣры, дабы земледѣльцы исправно плащили условленную повинность. Но надобно много времени, чтобы излѣчить слѣдствія многихъ злоупотребленій. Г. П... выхвалялъ мнѣ миръ и изобиліе, бывшія въ правленіе блаженной памяти Венеціанской республики; но я не очень ему вѣрю: *покойники*, какъ говорится, *всегда хороши*... Не смотря на развалины, которыми Французы покрыли островъ, есть однакожъ *патріоты*, которые и объ ихъ правленіи вздыхаютъ.

Въ плаваніи Адріатическимъ моремъ, уже въ другой разъ безпрестанно имѣемъ прошивные вѣтры. Около полдня всегда шпиль; къ вечеру, ночью и упрямъ сѣверный легкій вѣтерокъ освѣжаетъ воздухъ, и вмѣсто бурь, мы наслаждаемся яснымъ небомъ; въ полуденный жаръ природа кажется опдыхаетъ. Ночью луна въ эмалевыхъ облакахъ свѣтитъ какъ фаросъ; воздухъ,

нагрѣтый палящими лучами солнца, остається иногда безъ всякаго движенія, такъ, что естли бы пуспипъ съ высоты перо, оно упало бы дѣйствительно по опвѣсу. Сонъ въ сіе время такъ томишь, что стоя на вахѣ, едва можно удержаться, чтобы не заснуть. Въ сіи продолжительные шпили, непріятные для мореплавателей, мы убивали время за хорошимъ споломъ. Пассажиры наши все добрые и веселые товарищи, изъ нихъ одинъ купецъ Грекъ, а другой Докторъ Философіи Виршембергецъ, смѣшили насъ своими шутками. За споломъ мы всегда пьемъ за здоровье отсутствующихъ друзей, и это освобождаетъ меня отъ скуки.

Маія 25. Опять шпиль удержалъ насъ нѣсколько часовъ въ виду Триэста, за то въ 50 часовъ мы перешли 700 верствъ, включая въ сіе время и случившіяся безвѣтрія. Пассажиры замѣтили, что я былъ счастливѣе другихъ, и въ самомъ дѣлѣ я снялся съ Корфинскаго рейда, первый пошелъ благополучнымъ вѣтромъ, и поставилъ фрегатъ на якорь въ Триестъ.

Т р і э с т ь, 1805.

На рейдѣ нашли мы фрегатъ Крѣпкій и шкуну Экспедиціонъ, съ которой должны мы были взять 700 тысячъ червонныхъ для отвозу въ Корфу; однакоже это перемѣни-

лось, Крѣпкій повезеѣ деньги, шкуна отпра-
 вившя сѣ самонужнѣйшими бумагами, а
 мы останемся здѣсь до 15 Іюня. И такѣ
 дастѣ Богѣ выспоимѣ карантинѣ, и я могу
 сказать вамѣ что нибудѣ о Тріестѣ. На
 претій день рано по утру Крѣпкій пошолѣ
 вѣ море сѣ Тайнымѣ Совѣтникомѣ Дми. Пав.
 Тапищевымѣ, который назначенѣ Министр-
 ромѣ вѣ Неаполь. Намѣ опредѣленѣ 21-днев-
 ный карантинѣ. Пассажировѣ перевезли вѣ
 старый карантинѣ.

Пріятель мой Г. П. . . не смотря на зна-
 мениый родѣ свой, не вмѣшивается вѣ дѣ-
 ла республики и будучи двоюроднымѣ бра-
 томѣ Принцу Правивелю, не ищетѣ ни-
 чего. Изѣ Венеціи онѣ намѣревается ѣхать
 вѣ С. Петербургѣ; вы увидите эшаго чѣ-
 ловѣка, благородное лице котораго есть
 истинная выѣска добрѣйшаго сердца. Онѣ
 хотя Грекѣ, но простѣ душою; уста его
 произносяѣ только то, что онѣ думаетѣ;
 откровенность соотвѣтствуетѣ его по-
 ступкамѣ и дѣйствіямѣ. Я надѣюсь, что
 письма мои, которыя отправляю сѣ нимѣ,
 доставятѣ ему знакомство, хотя не столь
 выгодное, но пріятное.

28 Маія. Пришелѣ изѣ Мальшы сѣ конво-
 емѣ Англійскій военный бригѣ *La jalouse*
 о 18 пушкахѣ. Капитанѣ онаго Чарль

Спрахлей сказывалъ мнѣ, что братъ мой на шлюпѣ Софіи находится въ Нельсоновомъ флотѣ, который теперь въ Гибралтарѣ ожидаетъ появленія въ морѣ Французскаго флота. Поговариваютъ, что и у насъ будетъ война съ Наполеономъ. Какъ бы я желалъ, чтобы сіе случилось скорѣе, и чтобы намъ досталось подраться и раздѣлить славу съ Нельсономъ.

Почти каждый день я провождалъ по нѣскольку часовъ съ нашими любезными пассажирами. Карантинному Пріору дано повелѣніе принимать насъ съ опличіемъ, и доставлять все, что намъ угодно. Пассажиры, въ знакъ признашельности за госпепріимство, угощали насъ великолѣпнымъ столомъ. Кажется все, что было лучшаго у добраго Франца II, было перенесено въ домъ карантина; цѣлые три часа мы пили и ѣли.

Іюля 5. Отъ высокихъ горъ, окружающихъ съ сѣверной стороны заливъ, здѣсь на рейдѣ почти безпрестанно дуютъ сѣверо-западные вѣтры. Жары продолжаются неносные, и вотъ уже нѣсколько дней сряду, по захожденіи солнца, небо освѣщается такою зарницею, что небесная твердь кажется зазженною и во многихъ мѣстахъ отверсною. Отъ сего въ продолженіе ночи

зной ни мало не уменьшается; и мы опиваемся пивомъ, о которомъ въ Корфѣ и во всей Италіи понятія не имѣютъ. По карантиннымъ правамъ оное намъ споитъ въ четверо дороже, нежели продается оно въ городѣ. Спорожъ, опредѣленный на каждое судно, не исключая и военныхъ, покупаетъ чрезъ своего поварища, уже выдержавшаго карантинъ, всякія вещи, и если кто до нихъ безъ умысла допронесся, онъ воленъ сколько захватитъ за оныя, сколько придется ему въ голову.

Недавно пришло сюда небольшое Турецкое судно съ 24,000 земляныхъ черепахъ: счастливый Турокъ, покупая оныя въ Албаніи по копѣйкѣ, въ пять дней всѣ здѣсь распродалъ, взявъ за каждую по 34 копѣйки. Предшественникъ его симъ ничтожнымъ торгомъ составилъ капиталъ въ миллионъ червонцевъ, и теперь вмѣсто своей лодки построилъ корветъ, на кормѣ коей поставилъ чистаго золопа въ настоящую величину черепаху.

Іюня 12. Въ Ивановъ день въ городѣ пустили болѣе тысячи ракетъ. Ночью на всѣхъ высокихъ мѣстахъ загорѣлись огни; загородные дома и всѣ корабли были иллюминированы. Ночь была самая тихая, и небо украшалось полною луною. Высокія горы,

идуція кругомъ Трієспскаго залива , въ которомъ рѣдко случается волненіе, и воздухъ, при тишинѣ остающійся какъ бы въ чашѣ, безъ движенія , придаєтъ облакамъ видъ купола свѣтло-лазурнаго цвѣта. Какая разница, мои друзья , между здѣшнимъ и нашимъ Бореальскимъ небомъ.

Наконецъ послѣ прехъ-недѣльнаго полишическаго заключенія , мы выпущены изъ карантина , и я въ первый разъ спустился на Италіанскую землю. Приспавъ обыкновенно подлѣ театра, прекраснаго зданія, украшеннаго Тосканскими колоннами. Трієспскія улицы не хуже нашихъ Пепербургскихъ , и вымощены большими плитами. Мы прошли прямо въ домъ къ Консулу Пеллегрини ; онъ живетъ по философски въ двухъ покаяхъ. Напившись у него кофе , оставили его заниматься бумагами , и пошли во первыхъ осмотрѣть верфь. Здѣшня суды вообще очень хорошей правильной постройкой , и припомъ на видъ весьма красивы. На строеніе по большой части употребляются кленовыя и масличныя деревья , копорыя несравненно тверже и легче нашего дуба. Въ рѣзной мы видѣли назначенныя для кораблей прекраснѣйшія снапуи. Изъ верфи мы пошли по городу и всюду находили прямыя и широкія улицы ; дома большею частію въ пять этажей.

Посѣпивъ Трієстскаго Губернатора Графа Бриджидо, мы пригласили Консула и пассажировъ обѣдать на фрегатѣ. Къ вечеру свѣхавъ на берегъ, Консулъ ввелъ насъ въ богатой казино (кофейной домъ), гдѣ всегда можно найши газетны и лучшее общество. Въ 9 часовъ Консулъ пригласилъ насъ въ свою ложу въ театръ, и я никакъ не могъ ожидать, чѣмъ въ такомъ провинціальномъ городѣ, каковъ Трієстѣ, могла бытъ такая опера, такія декораціи, и такія двѣ пѣвицы и одна танцовщица.

Въ Трієстѣ всѣ вѣры терпимы и для каждаго исповѣданія не запрещается спростить церкви; у Славянъ и Грековъ есть двѣ церкви. Италіанскій языкъ во всеобщемъ здѣсь употребленіи: военные только говорятъ испорченнымъ Нѣмецкимъ. Ксанапъ коснувшись о военныхъ: одинъ Полковникъ Принцова полку съ женою и Маіоромъ были у насъ на фрегатѣ, а потомъ пригласили въ свои казармы. Австрійскіе солдаты ведутъ наспоющую военную жизнь; содержаніе ихъ не совсѣмъ скудно, и правительство дозволяетъ имъ работать на себя, женами даже помогаетъ. . . Они живутъ просторно и очень опрятно. Бѣлый мундиръ съ зеленымъ или инаго цвѣта воротникомъ, сшитый широко, придаетъ имъ

тяжелый видъ; впрочемъ въ одеждѣ ихъ, кошорая никогда не перемѣняется, нѣтъ ничего неудобнаго, ни излишняго. Римскіе ихъ шишаки, украшаемые дубовыми вѣтками, очень красивы.

Городъ сверхъ бапарей, построенной на опмѣли подлѣ спараго караншина, защищающагося замкомъ, на вершинѣ холма, по скапу коего расположенъ старый городъ. Въ замкѣ поднимается Имперскій флагъ. Мнѣ не вздумалось взбираться по косогору, чпобы осмопрѣть древнюю церковь св. Августина, и самый замокъ, попому, что было поздно, и я не имѣя проводника, могъ бы заблудиться въ узкихъ улицахъ.

Въ книжной лавкѣ видѣлъ я картину, съ изображеніемъ Императора Павла I^{го}, освобождающаго Костюшку изъ Пепропавловской крѣпости. Императоръ похожъ, но важный видъ Поляка, сидящаго въ креслахъ и гордо взирающаго на Царя, своего благодѣтеля, копорый споймѣ предъ нимъ, облокотясь на прость, мнѣ не понравился.

Юня 18. Представляли оперу Инеcсу де Каспро: театръ былъ полонъ. Первая пѣвица Италіи, славная Сесси, по превосходному своему голосу заслужившая наименование Императрицы, удивила и восхишила

всѣхъ одною арією, гдѣ она обѣяснилась въ невинной любви своей Принцу. Гжа Басси, также знаменипая пѣвица, представляла Принца любовника; ролю Короля игралъ славный же пѣвецъ Давидъ и два или три прію были безподобны. Слушатели не знали, кому опдасть изъ нихъ преимуще-ство; но когда Королева осуждаетъ Инессу выпить ядъ или заколоться, и когда Инесса рѣшившись принять ядъ, въ шюрмѣ прощається съ двумя малолѣпными дѣшми: то въ первой аріи, ея опчаяніе, въ послѣдней, ея горестъ до того восхищили слушателей, что никто не смѣлъ ей аплодировать; дамы въ ложахъ рыдали, даже и въ партерѣ многіе утирали слезы; и есшлы бы пошъ, кто поднесъ Инессѣ ядъ, не измѣнилъ Королевъ и не далъ ей вмѣсто оправы воду, то я расплакался бы какъ ребенокъ. Опера кончилась прекраснымъ хоромъ, справедливо заслужившимъ громкія рукоплесканія; но голосъ Сесси надъ всѣми поржесшвуешъ; я не вѣрилъ глазамъ и слуху своему, и думалъ, что это не та Сесси, которая въ опчаяніи прощалась съ дѣшми. Опъ радости, произведенной щасшливымъ окончаніемъ піесы, голосъ ея, до того слабый, нѣжный и прогательный, восходилъ теперь до послѣдней музыкальной ноты, съ такою удобностію, какъ голосъ соловья перекашывается опъ

нижней до высшей октавы. По опущеніи занавѣса, публика требовала Сесси, и она явилась, ведя съ собою Гжу Басси и перваго тенора. Тупѣ изъ крайнихъ ложъ начали бросать на нее цвѣты, конфекты, наконецъ кошельки съ золотомъ, *Браво! Брависсимо!* продолжалось болѣе получасу, и конечно шумъ не кончился бы въ часъ, есѣли бы музыка не заиграла маршѣ. Здѣсь оперы раздѣляющіяся не на дѣйствія, но судя по трудности арій, на періоды; Инесса де Каспро была раздѣлена на два, и между ними представляли балетѣ, въ которомъ Г. Бедопши, первой танцовщицѣ, наиболѣе отличился.

АДРІАТИЧЕСКОЕ МОРЕ, *Іюня 19, 1805.*

Мы снялись съ якоря, и лишь показали носѣ въ море, встрѣ сдѣлался проливной. Лавируя въ виду Тріэста, воспоминанія удовольствій увеличивали мои мечпанія. Стоя на вахтѣ я сердился на себя, на погоду: все шло не по моему, и все дѣлалось не въ попадѣ. Я думалѣ, что это скоро пройдетѣ, но два дни оставался все въ томѣ же дурномѣ нравѣ; сонѣ мой походилѣ на сонѣ человѣка, спраждащаго лихорадкою. Нашѣ Докторѣ совѣщывалѣ мнѣ взять нѣсколько холодныхъ ваннѣ изъ морской воды. Ванны конечно не помогли бы мнѣ, есѣли бы не спарался охлад-

дипть мое разгоряченное воображеніе разсудительностію; ибо очень зналъ, что моральная болѣзнь гораздо опаснѣе физической. Сколько было жертвъ отъ излишняго самолюбія, гордости: а чего я никогда не могъ перпѣть въ другихъ, поущу ли себѣ? Припадокъ мой прошелъ безъ дальнѣйшихъ слѣдствій.

Въ семъ моемъ положеніи я надъ собою испыталъ, что мореплаваніе пребуетъ необыкновеннаго терпѣнія и дѣятельности; пребуетъ неповрежденнаго воображенія и разума, не ослабленнаго мечтательностію. Я не суевѣренъ, однакоже не могъ надивисься, почему, вопъ уже въ четвертый разъ, какъ переходимъ Адриатическое море, всегда намъ дуютъ прошивные вѣтры; почему мы шпильюемъ, а въ двухъ верстахъ видимъ судно, идущее съ свѣжимъ вѣтромъ. Все это могло случиться и съ другими; но я искалъ симъ прошивностями иныхъ причинъ, и не находя оныхъ, сердился на неносные юго-восточные вѣтры.

Іюня 24. Солнце едва взошло, и юго-восточный вѣтръ обратился въ знойное удушливое дыханіе. Словомъ, началъ дуть *Сироко*. Мы находились въ 60 верстахъ отъ Италіанскаго берега и почти въ такомъ же разстояніи отъ Далмаціи. Въ 4 часа утра,

когда вступилъ на вахпу, воздухъ такъ сперся и сдѣлался теплъ, что я въ минупу вспошѣлъ, какъ бѣдный Савоярдъ, который прудился цѣлой день. Туманъ и жаръ въ полчаса увеличился до того, что всѣ люди въ лицѣ перемѣнились и начали засыпать. Самъ чувствуя удивительную слабость, и зная, что лишняя работа, даже небольшое движеніе еще вреднѣе, нежели самый сонъ, я оставилъ служителей въ покоѣ. Къ ща-спію часа чрезъ два въпрѣ отошелъ къ югу; солнце потчасъ выяснилось, туманъ исчезъ, и другой въпрѣ нѣсколько освѣжилъ воздухъ. Я не физикъ, у меня не было тогда при себѣ термометра, и потому не могу сказать, до какой степени просширался жаръ; однакоже думаю, что *Сироко* можетъ произвести очень легко и скоро лихорадку. Въ слѣдующую ночь продолжалась зарница, издававшая такой же жаръ, какъ лучи солнечные; небо казалось раскаленнымъ, и воздухъ былъ столь же горячъ, какъ и въ полдень.

Юня 29. Идучи благополучнымъ въпромъ увидѣли мы въ горизонтѣ чешыре судна, шедшихъ къ намъ на встрѣчу. Сблизившись, мы опознали, что то были разбойничьи галеры. Какъ скоро они разсмотрѣли, что нападеніе на нашъ фрегатъ было бы для нихъ не очень выгодно: то всѣ вдругъ под-

нявъ большіе преугольные паруса, пуспи-
 лись бѣжать въ разныя стороны. Мы по-
 ставивъ всѣ паруса, погнались за тою, ко-
 торая была къ намъ ближе. Нашъ фрегатъ
 шелъ очень скоро и примѣрно догонялъ; но
 не имѣя повелѣнія останавливать какія либо
 суда, Капитанъ намѣренъ былъ только по-
 спрашивать Варварійцевъ; почему подошедъ
 ближе, при пушечномъ выстрѣлѣ подняли
 свой флагъ; на галерѣ также при пушечномъ
 выстрѣлѣ показался Салемской флагъ или
 общій разбойничей. Послѣ сего намъ нечего
 было дѣлать, какъ оставить погоню. Идучи
 своимъ путемъ, увидѣли близъ фрегата ос-
 тавленный Алжирцами каперъ; мы къ нему
 подошли, легли въ дрейфъ, и чтожъ ты ду-
 маешь, нашли въ немъ? 12 веселъ, нѣсколько
 прубокъ, мѣшокъ табаку, парусъ и мѣсто,
 гдѣ споялъ фалконетъ. Привязавши каперъ
 за кормою фрегата, послѣ двухъ часовъ мы
 догнали впереди шедшія галеры, которыя
 спустя паруса, по обычаю купеческихъ су-
 довъ, опдали намъ симъ маневромъ Chesъ.
 Мы прошли между ими очень въ близкомъ
 разстояніи, и видѣли на нихъ множество
 людей; каждая галера вооружена была че-
 тырью большими пушками, на носу и кормѣ
 поставленными, и нѣсколькими фалконе-
 тами по бортамъ. И такъ, любезные друзья,
 съ нами не случилось того, что обыкно-

венно описывается въ романахъ: Разбойники не только не посмѣли на насъ напасть, но даже опдѣдали намъ честь. Нашъ лоцманъ рассказывалъ, что Алжирцы грабятъ приморскихъ жителей Италіи безъ наказанія. Не смотря на то, что семь Неаполитанскихъ фрегатъ крейсеровъ для защиты торговли, и по свойственной однимъ Италіянцамъ тактикѣ, не смѣя раздѣлившись, допускаютъ почти въ своихъ глазахъ грабятъ. Алжирцы обыкновенно ночью приближаются къ берегу, и посадивъ на такой катеръ, какой мы поймали, до двадцати вооруженныхъ удалцовъ, нечаянно нападаютъ на малыя селенія, хватаютъ людей, и уносятъ съ собою все, что попадаетъ имъ подъ руки, или берутъ только то, что имъ наиболѣе нужно. Значительный выкупъ, посылаемой правительствомъ для освобожденія плѣнныхъ, и слабая защита береговъ поощряютъ дерзость Варварійцевъ, копорые за честь себѣ поставляютъ наживаться грабежемъ. Удивительно и непонятно, какъ они при столь незначущихъ морскихъ силахъ, до сего времени смѣютъ разбойничать. Расположить такую безпечность можно только тѣмъ, что народъ давно уже къ сему злу привыкъ. Правительство Италіи не имѣя порядочнаго флота, платя выкупъ или лучше добровольную дань, употребля-

юпѣ, какѣ кажется, самое ненадежное средство для усмиренія Варварійцевѣ. Но это было и всегда будетѣ у народа, болѣе суевѣрнаго, нежели мужесшвеннаго.

Іюня 27. Послѣ продолжительнаго свѣжаго вѣтра, когда мы шли по 17 верстѣ вѣ часѣ, вдругѣ зашпилѣло, и черезѣ при минутьѣ фрегатѣ остановился на мѣстѣ. Бывшимѣ волненіемѣ стало насѣ качать такѣ, что есшлы бы не поспѣшили убрать паруса и спустить брамспенги, то фрегатѣ могѣ бы потерять мачты. Такія непріятности случающа у высокихѣ береговѣ, которые преграждаютѣ свободное теченіе вѣтровѣ свѣ оныхѣ дующихѣ.

Штиль продолжался до полудня; мы были вѣ виду Корфы и лишь подулѣ вѣтрѣ, то пришли на рейдѣ вѣ полчаса. Всѣ наши знакомые кѣ намѣ свѣхались.

К о р ф а.

Весь Іюль мѣсяцѣ пребыванія вѣ Корфѣ провели очень весело и шумно; безпреспанные были балы и обѣды, то у насѣ на корабляхѣ, то вѣ лагерѣ нашихѣ войскѣ, близѣ города расположенныхѣ. Всякой вечерѣ посѣщаль я театрѣ. Здѣсь это удовольствіе дешево: за кресла платятѣ 48 парѣ, вѣ партерѣ 13 паровѣ (13 коп.). Опера: *Мужья*

соперники, мнѣ чрезвычайно понравилась: въ ней мужъ обманываетъ прехъ женъ, а жена дурачитъ прехъ мужей; піеса сія очень замысловата и смѣшна.

Жары здѣсь увеличились до того, что мнѣ кажется, будто я перенесенъ изъ Европы въ знойную Африку. Въ полдень солнце такъ палило, что естли нѣсколько минуто останешься на воздухѣ, то голова начинаетъ кружиться. Вечеру, и даже по утру, воздухъ наполненъ бываетъ удушающими парами.

Эскадра, состоящая изъ прехъ кораблей и прехъ фрегатовъ, ходила въ море на 20 дней для практики и обученія людей пушечной экзерциціи. Нашъ фрегатъ оставался въ Корфѣ, гдѣ я приобрѣлъ новыя знакомства; и хотя время проводилъ съ удовольствіемъ, однакоже иногда и спрашивъ его напрасно.

Въ началѣ Августа фрегатъ Венусъ, котораго мы давно ожидали съ нетерпѣніемъ, пришелъ изъ Мальшы, и привелъ съ собою купленной у Англичанъ изъ числа Французскихъ призовъ прекрасный военный бригъ, которому Командоръ далъ имя Лепунъ.

НА ПУТИ ВЪ НЕАПОЛЬ.

Вчера получили мы повелѣніе отпра-
вляться въ Неаполь, и отпра-
вились въ распоряженіи нашего Посланника Тайнаго Совѣт-
ника Дмитр. Павл. Тапищева. 9го Августа
отправили мы Корфу. Друзья, приготовьтесь
только слушать; я запасусь всѣми чуде-
сами сей столицы: опишу вамъ изверженіе
Везувія, нагрузу цѣлый ящикъ обломками
подземныхъ городовъ и проч. и проч. . . Вѣ-
рѣ намъ хорошѣ.

11 Августа. Открылась Этна, Сицилія и
Калабрія. Крупныя и голыя горы въ Калаб-
ріи представляють прекрасную прошиву-
положность съ ихъ подошвами. Первые со-
вершенно безплодны и сѣраго цвѣта, послѣд-
нія покрыты зеленью, лѣсами и садами;
усѣяны множествомъ городовъ, замковъ и
селеній. Съ этой стороны Италія изобра-
жаетъ картину грознаго и величественнаго
великолѣпія. Съ нѣкоторымъ страхомъ взи-
ралъ я на вершины сихъ обожженныхъ горъ,
касающихся небеснаго свода; сихъ тиган-
товъ, произведенныхъ землетрясеніемъ: и
человѣкъ, обитая надъ вѣчно горящею безд-
ною, не боится сего ужаснаго природы раз-
рушенія! Признаюсь, этихъ Италіанцовъ,
дерзающихъ населять сіи горы, не смотря
на общее предубѣжденіе, нельзя почесть
робкими, и я назову ихъ мужественными.

Предъ входомъ въ Мессинскій проливъ дулъ безпрестанно прошивной вѣтръ или были штили; есѣли на угадъ попадали мы въ попутную намъ спрую теченія, то и шупъ едва подвигались впередъ. При всемъ томъ мы обогнали Англійскій фрегатъ. Взявши лоцмана за при червонца, мы съ помощію его спали лавировать гораздо выгоднѣе. Я скажу этому причину: Мессинскій проливъ, спѣсненнй берегами, имѣетъ спорныя и по разнымъ направленіямъ идущія теченія; онъ безпрестанно перемѣняющся, непримѣпно для пѣхъ, копорые въ первой разъ здѣсь ходятъ; но лоцмана, по долговременному опыту, примѣнившіеся къ неправильнымъ симъ теченіямъ, искусно ими пользуются, и въ два оборота вывели насъ выше города. 12 Августа въ вечеру мы положили якорь, а съ кормы канатомъ привязались за дерево.

Вскоръ подѣхало къ намъ множество лодокъ; на одной изъ нихъ находился карантинный начальникъ, на другой нашъ Консулъ Г. Беккеръ. Хотя мы и показали, что уже 28 дней, какъ вышли изъ Корфы, однако же, по причинѣ свирѣпствовавшей тамъ эпидемической лихорадки, намъ опредѣлили двухъ-недѣльный карантинъ. Капитанъ поручилъ Консулу доставить свѣжей провизіи, воды, и промѣнять Венеціянскіе чер-

вонцы на Испанскіе шалеры. Во всю ночь ѣздили вокругъ фрегата караульные изъ каранпина.

Мессина расположена на низменности и по косогору. Множество огромныхъ церквей и домовъ опличной архитектуры придаетъ городу самую пріятную наружность. Но какъ въ немъ жили ежедневно подвергаются опасности быть раздавленными собственными домами: то я право не согласился бы жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ столь часто земля колеблется подъ ногами. Не смотря на сіе, Италіянцы ни мало не опасаются сихъ ужасныхъ потрясеній, и вопреки природы, на развалинахъ и пеплѣ строятъ огромныя и тяжелыя зданія.

Августа 13. Возвратившись изъ каранпина, куда ѣздили повидаться съ своими офицерами, находящимися въ Мессинѣ для принятія купленныхъ судовъ, мы снялись съ якоря. Предскавъше себѣ, любезные друзья, вътерѣ былъ себѣ; но мы подъ всѣми парусами не прогались съ мѣста. Наконецъ частыми поворотами, переходя изъ спруи въ спрую, воспользовались попутнымъ теченіемъ и обошли Фаросскій маякъ. Я любовался удивительному положенію пролива, и особенно пестротѣ водной поверхности: въ иныхъ мѣстахъ море было гладко, какъ

спекло; а гдѣ встрѣчались спорныя печенія, тамъ оно сильно волновалось; въ другихъ мѣстахъ только что рябѣло. Шумъ воды подобенъ былъ тому, который могли бы произвестъ нѣсколько сотъ вмѣстѣ поставленныхъ мѣльницъ.

Предвѣщаніе лоцмановъ сбылось: ночью подулъ намъ тихій попутный вѣтръ, и мы 15 Августа прибыли къ Спромболи, имѣющей отъ другихъ огнедышущихъ горъ то опличіе, что она безпрестанно куришся и постоянно минутъ черезъ десять выбрасываетъ пламя. Другое свойство Спромболи спасаетъ Италію отъ гибели. Когда Везувій и Этна находятся въ изверженіи, Спромболи только куришся; когда же первыя спокойны, то Спромболи безпрестанно извергаетъ лаву, пепелъ и каменья.

Шшили, и шшили самые досадные. Спромболи, какъ Малшпромъ, вершитъ и удерживаетъ насъ близъ себя уже прешьи супки. На сѣверной сторонѣ острова примѣтили мы нѣсколько спроеній и замковъ съ башнями. Каменья, которые выкидываетъ огнедышущая гора, конечно перелешающъ чрезъ головы жишелей сихъ мѣстъ; удивительные смѣльчаки! Къ щасію, что лава печетъ всегда по прошивулежащей пологости горы.

Всякой вечерѣ собираемся мы на шканцахѣ, и въ сіи прекрасныя ночи, подѣ чистымѣ сводомѣ неба Италійскаго, просиживаемѣ до полуночи. Читая описаніе ночныхѣ прогулокѣ, изображенныхѣ золопымѣ перомѣ Петрарка и Аріоспа, мнѣ казалось до сего, что они слишкомѣ предавались поэпическому своему воображенію: но теперѣ я имѣ вѣрю.

Изѣ числа пассажировѣ нашихѣ, Графѣ Чика съ женою прекрасно поютѣ. Тонино (*), всегда окруженный нашими Гардемаринами, втпориѣ имѣ на гитарѣ. Италіянскія и Греческія аріи вамѣ бы понравились, но во мнѣ онѣ умножали задумчивость; дни чепыре бродилѣ я, какѣ упомленный болѣзнію; зеркальная вода и медленный ходѣ фрегата наводили на меня скуку. Непонятное дѣло: сколько ни спарался заняѣ и развлечѣ себя, печальныя размышленія наполняли мою душу. Я ожидалѣ какого-то нещаспія и нѣсколько дней не бралѣ пера въ руки.

22 Августа. Вѣттерѣ—и воѣ мы въ Неаполѣ! Вчера при 10 узлахѣ ($17\frac{1}{2}$ верспѣ въ часѣ) хода, мы пришли сюда. Неаполь и Везувій предѣ моими глазами. Перспектива, копорую представляѣ сей прелестный

(*) Первый буфѣ Корфіотскаго театра, бдущій въ Неаполь для набора труппы.

городъ, и всѣ его окрестности, есть конечно наилучшая картина, какую только самое живое воображеніе представлять можетъ.

Мы близко проходили островъ Капри, напоминающій позоръ Тиверіа. Наружность острова и безъ сего имени очень безобразна. Съ ужасомъ взглянулъ я на развалины дворца, въ коемъ обладатель вселенной, убѣгая людей, не могъ избѣгнуть угрызений своей совѣсти, и на ту скалу, съ копорой пирани для забавы приказывалъ бросать въ море Министровъ и Сенаторовъ.

Неаполь. 23 Августа 1805.

Приславши къ гавани, пошли прямо къ Министру, (*) нанимающему домъ въ части города, называемой Каія, весьма далеко отъ приспани. Министръ принялъ насъ очень ласково и пригласилъ остаться у себя обѣдать. Онъ живетъ по Руски и занимаетъ великолѣпной домъ. Я отказался отъ обѣда и пошелъ смотрѣть городъ.

Я намѣренъ всякой день ѣздить на берегъ, и возвращаясь на фрегатъ, буду давать вамъ отчетъ, друзья мои; но напередъ объявляю, что не стану описывать подробно и по порядку все, что видѣлъ. Жары, отъ копорыхъ

(*) Дмитрій Павловичъ Ташищевъ.

мы почти таємъ, да будушъ моимъ предъ
вами извиненіемъ; впрочемъ излишнія под-
робности болѣе запрудняшъ меня, нежели
займушъ васъ, и потому опишу только то,
что мнѣ захочется или понравится.

Не возможно не восхищиться положеніемъ
Неаполя: обширный заливъ, загражденный
живописными островами и Миссенскимъ
мысомъ; городъ занимающій по берегу болѣе
двадцати верстъ, и возвышающійся по
скапамъ холмовъ амфітеатромъ, увѣнчан-
нымъ крѣпостью готической архитектуры;
цѣпь горъ Салернскихъ; лазуревое море, усѣ-
янное бѣлыми парусами рыбачьихъ лодокъ;
загородные дворцы; древнія развалины и
близость Везувія, который самимъ спокой-
ствіемъ своимъ говоритъ вамъ: спѣшите
наслаждаться шѣмъ, что видите! Все это
вмѣстѣ представляешъ нѣчто необыкно-
венное, очаровательное.

Неаполь по своему положенію можетъ на-
зваться прекраснымъ городомъ. Поспавлен-
ный при подошвѣ вѣчно горящаго волкана,
котораго обыкновенныя явленія суть рѣки
расплавленныхъ металловъ и пемзовые дожди;
тамъ, гдѣ воздухъ наполненъ электриче-
ствомъ; гдѣ лучи солнца убійственны; гдѣ
земля, какъ раскаленное горнило, испаряешъ
горячіе пары; тамъ, гдѣ амфітеатры Августа

и Помпея, град Цицерона и алтари Калигулы и Тиберія разрушены дѣйствиємъ подземнаго огня; и близъ тѣхъ мѣстъ наконецъ, гдѣ долины на другой день могутъ обратиться въ горы, Неаполь гордо и спокойно показываетъ удивленному зрителю великолѣпныя зданія свои, воздвигнутыя на развалинахъ угасшаго волкана.

Сегодняшняя моя прогулка была въ срединѣ города отъ пристани, мимо Королевскаго дворца по Каіѣ. Огромныя зданія, площади украшенныя водомедами, повсюду видимое великолѣпіе, вездѣ встрѣчающіеся памятники изящныхъ художествъ, останавливаютъ на каждомъ шагу. Толедо можетъ назваться прекраснѣйшею въ свѣтѣ улицею; но всѣ другія вообще узки или гористы, грязны, наполнены соромъ, и часто все это вмѣстѣ. Набережныя или очень широки, или весьма тѣсны и вездѣ неправильны. Архитектура домовъ и церквей вообще стараго готическаго вкуса; посему Неаполь уподобить можно большой древней медали. Каію, лучшее гульбище въ городѣ, составляютъ низкія и рѣдко посаженныя деревья. Къ сему прибавить должно общую черту для Италіи, неопрятность; и особенную для Неаполя, толпы нищихъ и безчисленныя свѣспныя лавки, изъ копорыхъ во всякой часъ дня выходятъ испаренія кипящаго деревяннаго

масла, заражающего воздухъ. Вотъ, что при первомъ обзорѣнїи Неаполя мнѣ показалось. Не моя вина, когда вы ожидали отъ меня прошивнаго.

Королевскій дворецъ, обращенный однимъ фассадомъ къ площади, другимъ къ морю, едва ли то, чѣмъ бы долженъ бытъ: многіе частныя дома и старѣе и великолѣпнѣе его; онъ состоишь изъ кучи домовъ мрачной наружности, раздѣленныхъ небольшими дворами. Предъ дворцемъ замѣчанія достойна колоссальная статуя, изображающая старика: она съ подножіемъ въ $5\frac{1}{2}$ сажень высокою. Подлѣ статуи въ стѣнѣ сдѣланъ водометъ: Непшунъ, окруженный дельфинами, какъ замѣшшь можно, древней изящной работы. Вообще всѣ фонтаны въ городѣ украшены мраморными и бронзовыми изображеніями опличнаго вкуса и пріятныхъ формъ.

Публичныя зданія, и особенно театръ Санъ-Карло, суть тяжелыя громады: есшьли бы пыльная ихъ наружность была подновлена какою нибудь свѣтлою краскою, то они имѣли бы наспоющій свой блескъ и видность.

Взглянувъ на главныя улицы, я довольно вамъ сказалъ о внутренности Неаполя. Теперь обратимся къ его рейду: оный свер-

шенно опкрытѣ западнымѣ вѣтрамѣ, копорые даже въ гавани разводятѣ такое волненіе, что корабли и не въ жестокія бури подвергаются опасности бытѣ выброшенными на берегѣ. По обширности залива Неаполитанскаго, длиною въ 35, шириною въ 31 версту, острова Капри, Искья, Прочида и Низида ни мало не защищають рейда отѣ морскихѣ вѣтровѣ.

Подлѣ насѣ спойтѣ Неаполитанскій корабль Архимедѣ, очень красивой наружности; но дурно вооруженѣ и еще того хуже маневрируетѣ. Италіянцы самые жалкіе мореходцы. Капитанѣ сего корабля, также Англійскаго Экселента и фрегатовѣ Амбюскеша и Си-Горса, пріѣзжали къ намѣ поздравитѣ съ прибытіемѣ.

Неаполь защищается четырьмя замками, или лучше, только ими украшается. Сант-Эльмо стоитѣ на горѣ и командуетѣ лучшею частію города, котораго всѣ входы впрочемѣ опкрыты непріятелю. Каспель-дель-Ово, Каспель-Ново и гавань вооруженная пушками, слабо могутѣ сопротивляться нападенію кораблей.

Ночью любовался я изверженіемѣ Везувія. Море и небо освѣщенныя онымѣ, и огненная рѣка лавы, медленно текущая по оплогоспи, составляли такое явленіе, которому нѣтъ

подобнаго вѣ природѣ. Вѣ восторгѣ , безѣ мыслей и желаній , споялѣ я на палубѣ по цѣлымѣ часамѣ , и смопрѣлѣ , не сводя глазѣ сѣ сей величественной карпины. Уже двѣ недѣли лава печепѣ по одному направленію; но если немного уклонися вѣ право , то Порпичи и другіе загородные дома погибнупѣ.

Неаполь. 24 Августа.

Путешественникѣ долженѣ имѣть и болѣе денегѣ и болѣе глазѣ; но гдѣ взять ему сполько времени , чѣобы хошя мимоходомѣ взглянуть на чудную природу , на древніе храмы , монументы , взглянуть на Везувій , Геркуланѣ и Помпею? Для осмопрѣнія всѣхѣ рѣдкостей вѣ окрестностяхѣ Неаполя я опложилѣ всю мою наличную сумму и опредѣлилѣ начатѣ обозрѣніе сѣ того , что будепѣ у меня подѣ рукою.

Сегодня я также бродилѣ по городу , но болѣе и лучше вчерашняго ничего не замѣпилѣ. Неаполь повсюду одинаковѣ: стоипѣ сполько взглянуть на одну часпѣ , и все увидишь. Обращимся кѣ другому.

Чрезвычайное многолюдство , толпы нищихѣ и монаховѣ , наводняющихѣ улицы , вѣчный восторгѣ народа , его неопряпность , лѣнность и свобода дурачиться , сущѣ такіе

предметы, къ которымъ только Неаполитанцы могли привыкнутьъ. Праздность и безпечность, царствующія въ Неаполѣ, уподобляють сію столицу всегдашней ярмаркѣ, на которую стекаются люди набожные и суевѣрные. На многихъ перекресткахъ, въ часовняхъ и въ стѣнахъ почти каждаго дома я видѣлъ восковыя статуи святыхъ, наряженныхъ въ модное платье. Предъ одною чудотворною иконою, изцѣляющею прокаженныхъ (какихъ здѣсь вспрѣчаемъ на каждомъ почти шагу), народъ, что вы думаете дѣлаетъ? Не многіе молятся, а прочіе, при звукѣ волынокъ и гитаръ, пляшутъ и поютъ. . . . Здѣшній климатъ благопріятствуетъ нѣгѣ и дѣйствительно опасенъ для добродѣтели. Неаполитанецъ полунагой, довольный тѣмъ, что живетъ подъ небомъ вѣчно яснымъ и благодашнымъ, праздно проводитъ почти всю жизнь свою на солнечномъ жару. Какъ скоро вырабатаетъ онъ нѣсколько карлинъ для дневнаго пропитанія, идетъ въ шинокъ, и довольный собою, всѣмъ міромъ, ночью ложится на улицѣ, въ портикѣ церкви, или гдѣ случится, и засыпаетъ, не помышляя о будущемъ.

Говоришь о правленіи, о нравахъ и почти о всѣхъ другихъ предметахъ, значишь писать сапиру. Я не хочу быть лжецомъ, и

пошому лучше умолчать. Спрасть кб азартнымб играмб здѣсь чрезмѣрна: многіе отб нее раззоряюшся, никпо не обогащаешся, только правишельство получаешб чистый доходб. Не смонря на выгодное положеніе Государства и богатство его произведеній, торговли почти нѣтъ, и можно ли сб Италіянскою лѣнностію бышб дѣятельными и предпріимчивыми промышленниками? Спросите самихб Италіянцевб, и они вамб будущб опвѣчаютъ: *dolce far niente*, пріятно ничего не дѣлать!

Театровб здѣсь пять. Санъ-Карло, по огромности своей и внутреннему убранству, почищается первымб въ Европѣ; на немб даюшб героическія оперы и балешы. Новый и Флорентинскій театры славяшся оперою Буффа. Иль-Фондо, котораго архитектура не дурна, опредѣленб для трагедіи. Пятаго имени не припомню. Въ вечеру я былб въ Новомб театрѣ, гдѣ вмѣсто оперы давали академію, по нашему концерту или орапорію. Италіянцы рождены для музыки; таланта сего никпо у нихб оспаривать не можешб; скипетрб сего искусства они навсегда удержашб при себѣ. Наслушавшись гармонической музыки и пѣнія, душа моя настроена была ко всякому добру. Съ пріятными мечтами ложусь спать. Прощайте до завтра.

Р. S. Забылъ сказать вамъ о женщинахъ : модныя барыни большую часть жизни спящъ или играющъ въ карты ; танцующъ или поющъ ; ѣздящъ на бульвары блеснуть наружноспію ; но и въ семъ онѣ обманываются. Природа, кромѣ черныхъ полныхъ огня глазъ и стройнаго спана, не надѣлила ихъ цвѣтущею красою. Вообще онѣ присвоили себѣ права мужчинъ, и столь же смѣло наслаждаются своею молодоспію, какъ у насъ полувоспитанные молодые люди заглядываютъ подъ шляпки скромныхъ красавицъ.

Путцولي. 25 Августа.

Еще вчера наняли мы кареты, и сего дня въ 9 часовъ утра Каппанъ, я, Докторъ и при Гардемарина отправились въ Путцولي.

Нѣкто Соссейусъ, какъ свидѣтельствуешъ Спрабонъ, для сокращенія дороги въ Путцоли, вздумалъ просѣчь насквозь Павзилипскую гору. (*) Сей подземный корридоръ, извѣстный подъ именемъ Павзилипскаго

(*) Павзилипа на Греческомъ языкѣ значитъ безпечность. Названіе сіе гора получила конечно потому, что она служила мѣстомъ отдохновенія и прогулокъ. На конечности мыса и теперь видны остатки дома Лукуллова и храма Фортуны.

грома, длиною въ 428 саженой, вышиною въ $8\frac{1}{2}$ и только въ $2\frac{1}{2}$ сажени шириною, не споймѣ многихъ похвалъ, ему приписанныхъ: не трудно было пробить гору, состоящую изъ мягкаго камня; находящаяся же надъ нимъ гробница, хотя также сама по себѣ ничего не значить, но всегда будетъ какъ магнитъ привлекать къ себѣ путешественниковъ. Каковъ бы ни былъ памятникъ пѣвца Георгикъ, его слава переживетъ еще многіе вѣки, и многихъ путешественниковъ.

Прѣзжая гротомъ, не лзя избѣжать непріятнаго впечатлѣнія; но оное, равно какъ и спукъ капящихся экипажей, сырость, темнота, потчасъ забываются, какъ скоро выйдешъ на другую сторону горы. Съ вершины Павзилиппа, копорой Греческое названіе означаетъ пріятное ея положеніе, представляюща множество острововъ, классическихъ по событіямъ и прелестныхъ по наружности. Дорога, обсаженная пѣнистыми пополями, пролегаетъ долиною живописною, почти несравненною. Представьте себѣ, что вы изъ большаго города перенесены въ необитаемую пустыню, гдѣ вокругъ представляюща огромныя горы, обѣненные лавровыми и миршовыми кустами, масличными и померцовыми деревьями. Горы сіи съ морскаго берега поспе-

пенно поднимаюшся выше и выше, и Камальдульскій монастырь, стоящій на вершинѣ крупной скалы, кажется вознесеннымъ къ облакамъ. Далѣе на правой рукѣ тихія воды Аньянскаго озера и Королевскій звѣринецъ въ Аспруни, замѣтный по густой рощѣ, единственной въ окрестностяхъ Неаполя, которая можетъ напомнить наши сѣверные, непроходимые лѣса. На лѣво представляются двѣ крупныя скалы, какъ бы нарочно разсѣченныя, и между ими блещетъ обширное пространство залива, всегда покрытаго кораблями. Узенькія пропинки идутъ во всѣ стороны въ чащу плодоносныхъ деревъ, обвитыхъ виноградными лозами; предъ вами лугъ, раздѣленный небольшимъ журчащимъ ручьемъ; холмы, горы и салфара, безпрестанно испаряющая сѣрные пары, ясно показываютъ, что земля подъ ногами вашими горитъ пагубнымъ огнемъ. Нигдѣ не видно ни деревни, ниже какого дома; ужасное землетрясеніе, кажется, недавно превратило сіи долины въ горы, и наполнило всю видимую окрестность минеральными ключами. Зрѣлище сіе, можетъ быть, единственное въ свѣтѣ, поражаетъ удивленіемъ и страхомъ. Здѣсь развалины времени и людей, прекрасныя и въ своемъ разрушеніи, представляющъ многіе предметы для изысканія антикварія, живописца,

напуралиста и философа. Неаполь, воспѣ-
тый Гораціємъ и Виргиліємъ, наминаєтъ
на каждомъ шагу или славу героевъ, или
пресупленія пирановъ различныхъ эпохъ
Исторіи. Здѣсь-то, посреди мирсовыхъ лѣ-
совъ и луговъ благоухающихъ, орошенныхъ
кипящими ручьями и горящими полями
окруженныхъ, безсмертный Виргилій помѣ-
стилъ Ахеронъ, Стиксъ и Елисейскія поля;
и здѣсь-то, забывшись отъ пріятныхъ вос-
поминаній, возвращаюсь къ описанію.

Итакъ, спустившись къ морю на песокъ
и нечувствительно опять поднявшись въ
гору, пріѣхали мы въ Пупцолі, въ 12 вер-
стахъ отъ Неаполя находящійся.

Пупцолі, построенный на небольшомъ
мысу, представляется бѣднымъ, ничтож-
нымъ городкомъ, стоящимъ посреди велико-
лѣпныхъ развалинъ, коими нѣкогда горди-
лись власпители вселенной. Едва примѣтны
остатки той Дикеархіи (Dicaearchia), сла-
вившейся своимъ правительствомъ, той
Пупеолі (Puteoli), превозносившейся сво-
ими храмами, амфитеатромъ, гаванью и
цѣлебными источниками. Улицы въ немъ
неправильны, дома тѣсны, спары, и нѣтъ
ни одного порядочнаго, хотя многіе изъ
нихъ не кспати украшены опломками ко-
лоннъ и карнизовъ съ Греческими надписями.

Соборная церковь стоит на мѣстѣ храма, посвященнаго Августу, отъ котораго осталось нѣсколько колонн Коринтскаго ордена. Неудивительно, что Августъ однимъ изъ своихъ придворныхъ льстецовъ сопричтенъ къ богамъ: ихъ язычествомъ вымышлено было весьма много такихъ, которыхъ и между людьми можно назвать веселыми шалунами; но нельзя не удивляться, нельзя не гнушаться пышнымъ *монументомъ*, воздвигнутымъ двѣнадцатью Африканскими городами *Тиберию*, сему пирану, которому однажды вздумалось показаться добрымъ Государемъ и послать нѣсколько денегъ, ему ничего неспоющихъ и ненужныхъ, на воспановленіе сихъ городовъ, потерпѣвшихъ отъ землетрясенія! Пьедесталь, на коемъ стояло Тиберіево изваяніе, и теперь еще украшаетъ площадь Пунцоли; а могила добродѣтельнаго Сципіона Африканскаго, погребеннаго въ окрестностяхъ Неаполя, не почтена и простымъ памятникомъ! Неблагодарное опечесство лишило прахъ сего величайшаго изъ Римлянъ послѣдней почести. Ссылка и цѣлая жизнь побѣдителя Аннибалова обвиняютъ Римлянъ. О! еслибъ не было другой жизни, гдѣ добрая дѣла и вѣрная служба опечесству получають свое возмездіе: то сколь ничтожны были бѣ дѣла мужей знаменитѣйшихъ! Одно благодареніе

Тиберія не послуживъ ему въ оправданіе, и монументъ, ему воздвигнутый, вопреки мнѣнію людей того вѣка, всегда будетъ напоминать болѣе его пороки, нежели низость характера соорудившихъ ему оный.

Карепы остановились у практира, мало похожаго на Англійскую гостиницу, описанную нашимъ славнымъ Рускимъ путешественникомъ. Намъ указали другой, столь же нечистый, и мы въ немъ оспались; ибо и въ Неаполѣ едва ли есть такіе, въ которыхъ можно было бы уснуть; а по чему? весьма непрудно отгадать. Позавтракавъ и заказавъ обѣдъ, взяли мы Чичероніевъ (такъ называютъ здѣсь проводниковъ), которые показываютъ рѣдкости и рассказываютъ о ихъ происхожденіи; но на слова ихъ нельзя положиться, особенно потому, что они умѣютъ прикрывать свое невѣденіе краснорѣчіемъ.

Сѣли въ лодку, и первое, что намъ представилось, былъ *мостъ Калигулы*. Отъ него сохранились только принадацаъ столповъ, служившихъ для укрѣпленія моста, наведеннаго чрезъ заливъ отъ Пунцолы къ Баіи. Безполезное сіе предпріятіе служивъ нынѣ только къ обьясненію того, какимъ образомъ строились древнія гавани. Если нынѣшнія, огражденныя каменными стѣнами,

опущенными на дно морское, стоятъ великихъ суммъ и трудовъ и должны бытъ предпочтены древнимъ *моламъ*, построеннымъ такъ, что волны свободно проходятъ во внутренность порта, слѣдственно и корабли, въ оныхъ стоящіе, не совершенно защищаются отъ бурь: то нельзя не отдать преимущества Римскимъ архитекторамъ, которые вмѣсто цѣлой стѣны умѣли утверждать на днѣ морскомъ каменные столпы на глубинѣ въ 20 и 25 сажень!

Мы пристали къ берегу около середины Байской губы, чрезъ садъ вышли къ озеру Лукрино, изъ котораго, во время землетрясенія, возникла *новая гора*; отъ того глубина озера увеличилась и, говорятъ, простирается до ста сажень.

Въ концѣ прекрасной долины, находящейся между Авернскимъ озеромъ и Байскимъ заливомъ, остановились у *Сибиллиныхъ бань*, называемыхъ иначе Авернскимъ гротомъ. Узкимъ переходомъ, шириною въ сажень, изсѣченнымъ въ горѣ и простирающимся на $3\frac{1}{2}$ вершны, спустились мы въ подземелье; но обвалившіеся своды скоро принудили насъ поворошить на право въ другой коридоръ (не болѣе двухъ аршинъ шириною), наполненный водою и грязью по колѣна. Вско-
чивши каждый на спину своего проводника,

я примѣшилъ, что они съ крайнею оспороженостію шли одинъ за другимъ и безпрестанно палкою мѣряли глубину. Свѣтъ факеловъ, отъ сырости и мрака, едва скользилъ по сводамъ и разливалъ только слабый блескъ. Признаюсь, я начиналъ разсуждать о томъ, куда насъ несуть, и не дорого ли заплашимъ за наше любопытство; но вдругъ очутились мы въ огромной подземной залѣ. Вокругъ стѣнъ ея подѣланы мраморныя ванны, наполненныя пропечною холодною водою; въ стѣнахъ еще примѣтны трубы, коими нагрѣвалась сія зала съ верху. Отсюда прямо къ дому Сибиллы, коего развалины видны на вершинѣ, проведена была лѣстница. Мы взошли по ней довольно высоко и спустились назадъ только потому, что сыпучая земля не позволила ийти далѣе. Тобій, такъ назывался одинъ изъ нашихъ Чичероніевъ, принялся разсказывать, что Сибилла была любовница Нерона, а какъ она не всегда была ему вѣрна, то и велѣла сдѣлать другую поштенную лѣстницу, по которой мы вышли на свѣтъ. Мостъ Калигулы и сіи Сибиллины бани доказываютъ, что развратные властители языческаго Рима, для удовольствованія своимъ прихотямъ, преграждали море и порочныхъ наслажденій искали даже подъ землею.

Надобно прежде побывать подъ землею, чтобы въ полной мѣрѣ почувствовать кра-

сошны природы. Эпѣ горы, изъ коихъ Барбаро славилась Фалернскимъ виномъ, и Кумская украшенная древними развалинами, составлявшими нѣкогда Греками населенный городъ; эпѣ горы, говорю, голыя, безплодныя, окруженныя сѣрными, желѣзными, холодными и горячими минеральными ключами; эпѣ чистое, какъ зеркало, озеро Авернское, на берегу коего стоишъ круглый храмъ Прозерпины, и всѣ сіи ужасные слѣды землетрясенія привели меня въ невольный ужасъ.

Мы сѣли опяшь въ лодку и подвѣхали къ крупому мысу, на коемъ находяшся *Нероновы бани*. Тобій на аршинъ отъ моря разрылъ песокъ: поспѣхъ выступила вода, которая, какъ и песокъ, была горяча такъ, что я, допронувшись, ожегся. Поднявшись по лѣспницѣ на гору, вошли мы въ гротъ, раздѣленный на множество комнатъ, которыя называютъ оспашками Неронова дворца. Симъ гротомъ, для сокращенія пути, проѣзжаютъ теперь изъ Пупцѣли въ Баію. Поднявшись еще выше, вошли мы въ покои, изсѣченныя внутри горы: крайніе изъ нихъ очень высоки и освѣщены окнами, а дальніе темны и низки. Изъ сихъ послѣднихъ пробишъ свѣшлый коридоръ для выхода на другую сторону горы, а другіе два темные коридора идущъ во внутренность и наполнены столь сильнымъ паромъ, что въ

нихъ можно париться, какъ въ нашихъ баняхъ. Скинувъ верхнее платье, вошли въ одинъ изъ коридоровъ; жаръ былъ нестерпимый, мнѣ показалось, что нахожусь въ жерлѣ огнедышущей горы. Мы принуждены были прибавить шагу, бѣжать по скользкому илу, и понуждая впереди идущихъ, кричали: *скорѣе! скорѣе!* Я едва пущѣ не задохся, и съ трудомъ отдохнулъ въ залѣ, нѣсколько прохладной, копорой стѣны были покрыты сѣрною накипью. Отсюда спустились въ нижнюю пещеру, гдѣ течетъ сѣрный ручей, коего горячіе пары проникаютъ гору насквозь. Мальчикъ почерпнулъ въ чашку воды, положилъ въ нее лицо; чрезъ минуу выплеснулъ воду, и лицо сварилось. Судите по сему о степени теплоты сего источника! Возвратясь на верхъ, вошли мы въ холодные покои, отдохнули на мраморныхъ лежанкахъ, одѣлись и пошли далѣе. Бани сіи необходимы и полезны для Неаполя.

Продолжая путь по берегу моря къ Баи, Тобій остановилъ насъ у малаго отверстія, высѣвъ на прутѣ огня, бросилъ въ оное, и чрезъ нѣсколько секундъ показался густой дымъ, какъ изъ запыленной печи. Не беруъ объяснять сего: здѣшняя природа чудесна, и на каждомъ шагу представляетъ предметы, достойные удивленія. Простите! уже полночь.

П у т ц о л и , 26 Августа.

Вчерашняя прогулка такъ была продолжительна и такъ меня утомила, что я не успѣлъ описатьъ всего , что видѣлъ въ окрестностяхъ Пушцолы. Теперь продолжаю.

Уже было около трехъ часовъ по полудни, какъ показали намъ *Діанинъ храмъ*. Въ кучахъ каменьевъ и подземелій ничего порядочно нельзя разсмотрѣть : половина храма, пощажженная временемъ и землепрясеніями, представляетъ огромную овальную залу , покрытую сводомъ безъ всякихъ украшеній. Болѣе тысячи лѣтъ существуетъ сіе зданіе.

Меркуріевъ храмъ , недалеко отъ Діанина находящійся , весь уцѣлѣлъ ; только стѣны кое-гдѣ преснули. Храмъ имѣетъ видъ эллипсиса, 26 аршинъ въ поперешникѣ, очень высокъ и освѣщенъ съ верху четырьмя круглыми окнами. Сводъ смѣло повѣшенъ въ воздухъ и не поддерживается колоннами ; стѣны голы , безъ дверей ; отверстіе же, чрезъ которое теперь входятъ , вновь пробито. Поклонники Меркурія, ожидавшіе его оповѣстовъ, помѣщались въ низкихъ и темныхъ погребахъ , расположенныхъ вокругъ храма при его основаніи. По причинѣ сырости и грязи мы не могли ихъ осмодрѣть. Зданіе

сіе сохранило и донинѣ свойство увеличивать голосъ: если прислонясь къ стѣнѣ, скажешь что нибудь очень тихо, то на противной сторонѣ слова будутъ слышны довольно внятно; естли же, ставъ посрединѣ, произнесешь рѣчь громкимъ голосомъ, то храмъ, отъ сотрясенія воздуха, покажется колеблющимся. Сначала это меня удивило; но осмопрѣвшись, я примѣшилъ, что стѣны кругомъ въ дырахъ, и за ними, какъ и подъ поломъ, есть пустоша, которая произнесенныя внизу слова доводила до слуха жрецовъ, входившихъ въ храмъ попаежною лѣстницею, прикрытою опускающею дверью, посреди храма на полу находящеюся.

На берегу моря, на равномъ испещренномъ цвѣтами и мягкой муравою лугу, возвышается круглое, чрезвычайной высоты зданіе, безъ купола и стоящее посреди развалинъ. Это храмъ Венеры. Для богини любви не возможно было избрать лучшаго мѣстоположенія: недалеко на утесѣ Байская крѣпость съ готическими башнями; на противъ, чрезъ заливъ, стоитъ почтенный древностію Пупцолі; вправѣ море, Капри и другіе острова; наконецъ къ Везувію простирается хребетъ красивыхъ горъ и холмовъ, покрытыхъ виноградными садами. Естли вамъ случится, любезные друзья,

быть когда въ Неаполѣ: поне забудьте сѣсть у подножія храма Венеры и бросить взглядъ на его окрестности. Храмъ освѣщенъ двумя рядами оконъ, стѣны были убраны грубымъ мозаикомъ. Въ сихъ-то мѣстахъ прелестныя Римлянки, увѣнчанныя цвѣтами, приносили жертвы богинѣ любви, и въ мирповыхъ рощахъ пѣли гимны Діанѣ; здѣсь-то во времена язычества, побѣдители міра роскошествовали и нѣжились въ объятіяхъ сладострасія.

Можетъ быть, не безъ основанія сказалъ одинъ путешественникъ, что здѣшнее солнце располагаетъ къ лѣни и разврату, и нынѣ Неаполь можно назвать храмомъ, служенію Венеры посвященнымъ.

Било пять часовъ, а намъ оставалось еще много осматривать; посему, опложивъ намѣреніе ѣхать въ Баію, возвратились чрезъ заливъ въ Пупцолі; въ гостинницѣ наскоро отобѣдали, сѣли въ кареты, выѣхали изъ города и остановились подлѣ одного сельскаго домика. Въ саду сошли мы въ погреба, освѣщенные окнами и прещинами въ сводахъ. Отъ сырости я началъ зябнуть; но прошедъ подъ землею версты двѣ, вышли на свѣтъ и увидѣли предъ собою *амфитеатръ*. Предъ онымъ разведенъ садъ. Площадка, устланная бѣлымъ мраморомъ,

ромъ, гдѣ были логи Царскія и судейскія, мало пошерпѣла отъ времени; ступени, для помѣщенія зришелей, мѣстами довольно хорошо сохранились; остальное завалено кучами сору и каменьева. Погребѣ, въ копорыхъ содержались львы, шигры и другіе лютые звѣри, также бѣльшею часшю упали, а другіе служатъ нынѣ для поклажи земледѣльческихъ орудій. Обширность амфитеатра доказываетъ, сколь нѣкогда Пупцолі былъ многолюденъ. Взошедъ на террасу къ логамъ, долго любовался я сими развалинами, удивлялся искусству Римлянъ и боялся думать, что въ послѣдній разъ все сіе вижу: такъ мнѣ хотѣлось еще разъ побывать на семъ мѣстѣ.

Оставя амфитеатръ, принадлежащій со всѣми развалинами одному креспьянину, мы пришли къ монастырю, предъ окнами котораго на площадкѣ, выспланной мраморомъ, стоить храмъ Юпитера *Серанійскаго*; развалины самыя великолѣпныя изъ всѣхъ мною видѣнныхъ, по которымъ можно судить о правилахъ древняго зодчества. Храмъ былъ четвероугольный и раздѣлялся на три террасы: на высшей было святилище; вторая служила помостомъ храму; нижняя, составляющая основаніе зданія, служила для жертвоприношеній. Сіе основаніе, на которое вѣдущіе покойныя ступени, украшалось сорока

восемью спапуями, отъ коихъ оспались теперь одни только подножія и кольца для привязыванія жертвенныхъ воловъ. Принадлежавшіе къ храму сорокъ восемь жрецовъ помѣщались въ каморахъ позади спашуй, въ основаніи сокрытыхъ. Двумя спупенями входящъ въ храмъ, утвержденный на сорока восьми колоннахъ. Діаметръ ихъ конечно будетъ болѣе полушоры сажени; шрое, со мною бывшихъ, не могли ихъ обхватишь обѣими руками. Крыша храма упала и только при цѣлыя колонны безъ капишелей споящъ уныло, какъ сиропы. На обломкахъ разбитыхъ карнизовъ сохранились лѣпныя фигуры въ полшора аршина вышины, прекраснѣйшей опдѣлки. По шолщинѣ колоннъ, ширинѣ карнизовъ и другихъ украшеній можете судишь, сколько огроменъ былъ храмъ. На бѣломъ мраморномъ помостѣ, заваленномъ кучами опломковъ, выспупаетъ горячая минеральная вода, служившая для омовенія жрецовъ и цѣленія больныхъ. На оставшихся шрехъ колоннахъ видно множесшво скважинъ, пропоченныхъ морскими черепокожными червями, (называемыми каменопочецъ); посему полагашь должно, что храмъ сей нѣсколько вѣковъ покрытъ былъ моремъ. Множесшво разрушенныхъ спроеній и теперь находится подъ водою близъ Пушцолі и далѣ по берегу къ Баіѣ.

На среднемъ изъ трехъ столповъ я вырѣзалъ мое имя подлѣ имени Триспрама , конечно какого нибудь Англійскаго путешественника. Въ 9 часовъ оправились мы обратно въ Неаполь. На небѣ не было ни одного облачка ; съ лѣвой стороны свѣшилъ молодой мѣсяцъ , и блескъ его , крошкій и блѣдный, падалъ на лице успокоившейся природы. Любуясь чистою небесной лазури, я задумался и подсаживалъ , когда , привѣздъ въ Павзипскій гротъ , зажгли факелы ; шувъ кучеръ пустилъ лошадей во весь духъ , и ни въ размышленій моихъ прервалась. Я хотѣлъ сообщить вамъ мои мечты ; но въ минуты высокихъ и сильныхъ чувствованій нельзя много умствовать и говорить. Огромные дома , толпы людей , множество каретъ , прескъ и шумъ показали, что мы пріѣхали въ Неаполь.

Не смотря на то , что мы удерживались плащью щедро , прогулка сія намъ стоила 25 талеровъ. Мой совѣтъ : не казаться иностранцемъ , а не то заплашишь за все втрое. Путешествовать нигдѣ не дешево.

Н е а п о л ь . 6 С е н т я б р я .

Цѣлые десять дней не имѣлъ времени побесѣдовать съ вами , мои милые. Былъ занятъ иногда не совсѣмъ пріятными для

меня дѣлами, и только теперь, улучивъ нѣсколько часовъ, беру перо, чтобы сообщить вамъ то, что случилось со мною въ продолженіи сего времени.

27 Августа, для торжественнаго праздника Гротской Богородицы (*La Madona della Grotta*), покровительницы Неаполя, наши, Англійскіе и Неаполитанскіе корабли и фрегаты построились въ при линіи подлѣ Кастель дель-Ово. Гвардейскіе и другіе конные и пѣхотные полки пришли къ гропу въ 5^{мъ} часовъ послѣ полудня, и лишь выпянулись по сторонамъ улицы, какъ Король со всею фамиліею проѣхалъ между ими въ старомодныхъ парадныхъ каретахъ. Всѣ жители Неаполя толпились на ближнихъ улицахъ и по набережной; церемонія кончилась фейерверкомъ, криками виватъ и пальбою со всѣхъ крѣпостей. Мы вмѣстѣ съ Англичанами, поставя людей по рядамъ, крикнули ура! и салютовали Королю 31 выстрѣломъ.

Въ день Тезоимеништва Государя Императора, всѣ офицеры наши приглашены были къ Дмитрію Павловичу на вечеръ. Въ 9 часовъ мы уже нашли у него много гостей. Послѣ вокальнаго концерта, Гжа. Фалци съ Г. Л. пѣла дуэтомъ весьма удачно. За ними другіе актеры пѣли всѣмъ хоромъ. Музыка и пѣніе сіе разпрогали меня до

чрезвычайности. Я чуть не плакалъ. Но когда одна благородная дѣвица сѣла за арфу, и легкими смѣлыми перстами перебирая по струнамъ, возвышала или понижала тоны: то я не могу изъяснить вамъ, что я тогда чувствовалъ. Неподражаемая гармонія ея игры коснулась моей души: мнѣ казалось, что я слышу небесную музыку и вижу предъ собою ангела утѣшителя. Всѣ сидѣли какъ испуканы, никто не смѣлъ нескромнымъ восклицаніемъ нарушить выразительнаго молчанія; но когда она акомпанируемая искуснымъ мастеромъ на форте-піано и нѣсколькими отборными музыкантами, концертъ своего сочиненія кончила, раздались рукоплесканія; все пришло въ движеніе; каждой наперерывъ старался изъяснить ей свой восторгъ, свое восхищеніе. Она вѣжливо поклонившись и, по скромности, не примѣчая пріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго въ слушателяхъ, удалилась въ другую комнату. Послѣ нее еще пѣли и играли; но она одна достойна была удивленія: послѣднихъ піесъ никто почти не слушалъ.

Всюду видѣлъ я то Камергерскіе ключи, то леншы, и вездѣ повсюрялись громкіе пистулы Герцоговъ и Маркизовъ. Конечно тутъ не было ни одного простаго дворянина. Между множествомъ знатныхъ особъ, мнѣ ука-

зали Кардинала Руффо: сего великаго чело-
вѣка Неаполитанскаго царства, я и такъ
бы узналъ. На шеѣ висѣла у него наша Анд-
рѣевская лента, на груди вмѣсто лапъ, кре-
сты и звѣзды почти всѣхъ Государствъ въ
Европѣ; кафтанъ же на немъ былъ обыкно-
венной, какіе носятъ духовно-мірскіе Абба-
ты. Руффо имѣетъ такую фізіономію,
какую по Лафатеровымъ правиламъ долж-
ны имѣть всѣ необыкновенные люди. Ро-
стомъ онъ высокъ, сухощавъ, лице продол-
говатое, блѣдное, большое, глаза живые и
проницательные; всѣ черты обѣщаютъ
больше хитрости, чѣмъ доброты; больше
принужденнаго, чѣмъ искренняго; и наконецъ
больше честлюбія, чѣмъ гордости. Карди-
налу уже за 60 лѣтъ, но онъ не даетъ себѣ
покоя и ведетъ еще самую дѣятельную
жизнь. Онъ почитается, и справедливо, са-
мымъ тонкимъ дипломатомъ, и по предубѣ-
жденію, хорошимъ Генераломъ.

Въ полночь открылся балъ; танцы про-
должались до самаго свѣта. Представъше
себѣ моряка, который цѣлый годъ боролся
съ вѣтрами и опвыкъ опъ танцовъ; пред-
ставъше себѣ лучшихъ красавицъ въ Неа-
полѣ, съ легкостію Зефира летающихъ по
паркету, и чпожъ вы думаете? милая Фран-
цузенка, съ которою танцовалъ я во весь

вечерѣ, сказала миѣ: Monsieur, vous dansez bien! Почтенный нашъ Министръ былъ очень веселъ, и болѣе казался госпемъ, нежели хозяиномъ.

Августа 31. Дмипрій Павловичъ вмѣстѣ съ Австрійскимъ Посланникомъ Графомъ Кауницомъ обѣдали у насъ на фрегатѣ. На другой день Папаніопи, Капитанъ фрегата Крѣпкаго, далъ также пренарядной сполъ. На третій день Англійскіе Капитаны Содронъ и Денбей попчивали насъ Спромбольскимъ и всѣми винами, какіе были въ Неаполь. При пушечныхъ громахъ пили мы за здоровье Императоровъ и Короля, пили также за здоровье опсуществующихъ и проч. . . и проч. . .

Везувій во время изверженія. 9 Сентября.

Вскорѣ послѣ изверженія, въ то время, когда надъ Краперомъ вздувалась лава и огненная рѣка стекла по скапу горы, когда бorenіе стихій, прескѣ распаливаемыхъ металловъ потрясалъ еще Неаполь и его окрестности: я былъ, любезные мои, на краю жерла, слышалъ громы, смотрѣлъ на изверженіе вблизи, видѣлъ раскаленные каменья, летящіе надъ головою и падающіе къ ногамъ моимъ; и видѣлъ все это только для того, чтобы слабымъ начертаніемъ моимъ представить вамъ зрѣлище возмущительнаго

разрушенія, и потѣ грозный и вмѣстѣ великолѣпный видѣ природы, которыхъ, какъ неизмѣримости океана и безконечности небесъ, ни живописецъ, ни поэтъ изобразить не могутъ.

На двухъ каперахъ отправилось насъ шестнадцать человекъ Офицеровъ и Гарде-мариновъ. Мы прислали къ Порпици. Присутствіе Короля воспрепятствовало намъ осмотрѣть сей прекрасный городокъ, подобный по назначенію своему нашему Царскому селу. Въ ожиданіи захождения солнца, время, въ которое путешественники обыкновенно пускаются въ путь, мы остановились въ бѣдномъ неопрятномъ прачширѣ, гдѣ претолстый хозяинъ былъ самая замаранная вещь между его мебелью и поваренною посудой. Сопутствовавшій намъ Неаполитанскій Офицеръ, довольно изрядно говорившій по Руски, нанялъ лошаковъ съ проводниками, и когда все было готово, въ половинѣ седьмого часа вечера, въ числѣ 60 человекъ (считая проводниковъ, гребцовъ и слугъ нашихъ) мы выѣхали.

Дорога сначала была широка и оплога; мы пробирались между стѣнъ на лавѣ возвращенныхъ садовъ, гдѣ виноградныя лозы *Лакриме Кристи*, обвившись вокругъ фиговыхъ и померанцовыхъ деревъ, предлагали намъ

зрѣлые свои плоды. Съ сего мѣста виды постепенно начинали перемѣняться: вмѣсто прекрасныхъ садовъ и покойной дороги, изрѣдка являлись сосны и вязы, печально склонившіе вѣтви свои къ землѣ обгорѣлой, но еще мѣстами украшенной зеленью, кустарниками и душистыми цвѣтами. Далѣе, представлялись трещины, черные камни, и наконецъ озеро лавы, которая 35 лѣтъ назадъ грозила поглотить Неаполь; но Божіимъ Промысломъ обратилась въ другую сторону къ Порпичи.

Солнце заходило, и когда послѣдніе лучи его исчезли въ безднѣ моря, мы спустились на первую площадь горы. Дикая пустыня, изрытая въ пропасти и покрытая лавою, пошопившею Геркуланъ и Помпею, предстала взорамъ нашимъ. Отсюда все пространство отъ Капри до Капуи, и отъ развалинъ Спалби до города Нолы, лежало подъ ногами нашими. Надъ Неаполемъ носилось легкое облако паровъ; оспроконечная вершина волкана высилась надъ нами съ права. Густыя облака насались ея Соммѣ (*), холодный вѣтръ началъ проникать меня. Перебравши чрезъ холмъ лавы, снова покрывшей Геркуланъ, спустились мы на долину, гдѣ подъ

(*) Такъ называется коническая вершина Везувія.

разрушенія, и потѣ грозный и вмѣстѣ великолѣпный видѣ природы, которыхъ, какъ неизмѣримости океана и безконечности небесъ, ни живописецъ, ни поэтъ изобразить не могутъ.

На двухъ наперахъ отправилось насъ шестнадцать человекъ Офицеровъ и Гарде-мариновъ. Мы прислали къ Порпици. Присутствіе Короля воспрепятствовало намъ осмотрѣть сей прекрасный городокъ, подобный по назначенію своему нашему Царскому селу. Въ ожиданіи захожденія солнца, время, въ которое путешественники обыкновенно пускающіяся въ путь, мы остановились въ бѣдномъ неопрятномъ прачирѣ, гдѣ преполный хозяинъ былъ самая замаранная вещь между его мебелью и поваренною посудой. Сопутствовавшій намъ Неаполитанскій Офицеръ, довольно изрядно говорившій по Руски, нанялъ лошаковъ съ проводниками, и когда все было готово, въ половинѣ седьмого часа вечера, въ числѣ 60 человекъ (считая проводниковъ, гребцовъ и слугъ нашихъ) мы выѣхали.

Дорога сначала была широка и оплога; мы пробирались между стѣнъ на лавѣ возвращенныхъ садовъ, гдѣ виноградныя лозы *Лакриме Кристи*, обвившись вокругъ фиговыхъ и померанцовыхъ деревъ, предлагали намъ

зрѣлые свои плоды. Съ сего мѣста виды постепенно начинали перемѣняться: вмѣсто прекрасныхъ садовъ и покойной дороги, изрѣдка являлись сосны и вязы, печально склонившіе вѣтви свои къ землѣ обгорѣлой, но еще мѣстами украшенной зеленью, кустарниками и душистыми цвѣтами. Далѣе, представлялись прецины, черные камни, и наконецъ озеро лавы, которая 35 лѣтъ назадъ грозила поглотить Неаполь; но Божіимъ Промысломъ обратилась въ другую сторону къ Поршичи.

Солнце заходило, и когда послѣдніе лучи его исчезли въ безднѣ моря, мы спустились на первую площадь горы. Дикая пустыня, изрытая въ пропасти и покрытая лавою, потопившею Геркуланъ и Помпею, предстала взорамъ нашимъ. Отсюда все пространство отъ Капри до Капуи, и отъ развалинъ Стабіи до города Нолы, лежало подъ ногами нашими. Надъ Неаполемъ носилось легкое облако паровъ; остроконечная вершина волкана высилась надъ нами съ права. Густыя облака касались ея Соммъ (*), холодный вѣтръ началъ проникать меня. Перебравши чрезъ холмъ лавы, снова покрывшей Геркуланъ, спустились мы на долину, гдѣ подъ

(*) Такъ называется коническая вершина Везувія.

сѣнію высокихъ деревъ, составляющихъ небольшую рощу, сошли съ лошаковъ и легли на праву.

Пустынникъ, обрадованный такимъ числомъ гостей, поспѣшно оставилъ хижину, вышелъ съ своею книгою и просилъ вписать въ нее наши имена. Мы дали ему червонецъ и позволили писать, что ему угодно. Довольный такою щедростію, онъ еще поспѣшнѣ принесъ изъ кельи хорошаго вина и не постыдился взять въдесять разъ дороже. Оподохнувъ и подкрѣпившись, поѣхали далѣе.

Проводники, ведшіе лошаковъ, несли предъ нами зажженные факелы. Шествіе наше уподоблялось погребальной процессіи. Одинъ за другимъ, поспешенно восходили мы выше и выше, а дорога становилась опчасу труднѣе. Мрачное небо скрывало отъ насъ предметы; изрѣдка только изверженіе пронизало темношю: какъ вдругъ клубящіяся волны текущей лавы освѣпили путь нашъ подобно опдаленному пожарному зареву. Казалось, мы присупили къ предѣламъ самаго ада и видимъ предъ собою пламенѣющій Спиксъ. Вы не можете вообразить, милые друзья, какого рода опасностями путь мы были окружены! Съ правой стороны рѣка лавы, подобная раскаленному желѣзу, раздѣлялась на многіе неширокіе пропоки, которые, об-

разовавъ небольшіе острова, снова сливались, и лава быстро текла шириною саженой на 50 и болѣе; съ лѣвой стороны зіяли стремнины и пропасти, засыпанныя рыхлымъ пепломъ. Глыбы камней преграждали дорогу. Многіе не отважились ѣхать къ самому Краперу, другіе пошли пѣшкомъ; что до меня касается, я вѣрилъ болѣе лошаку, чѣмъ моимъ ногамъ. Съ крайнею осторожностію перебравшись чрезъ исковерканные рвы, вымытые лавою, которая текла въ 60 году по Р. Х., мы взошли на послѣднюю площадку, находящуюся близъ вершины Везувія.

Только миля оставалась до Крапера, но эта миля стоила двадцати. Тутъ надлежало идти пѣшкомъ по отвѣсной высотѣ горы, идти между kloчущею лавою и неизмѣримою пропастію. Не смотря на сіи ужасы, посреди ночи, окруженные опасностями, будучи какъ сказать въ челюстяхъ смерти, никто изъ насъ не хотѣлъ отшатнуться назадъ. Италіянцы наши въ отчаяніи кричали: невозможно, невозможно! но нѣсколько палеровъ придали имъ мужества, и мы, перекрестясь, пустились далѣе.

Мы надѣли желѣзные туфли, а провожатые изъ кушаковъ сдѣлали лямки и давъ каждому по палкѣ, пошацили насъ на верхъ. Сперва по отвердѣлому шлаку подвигались

мы довольно скоро; но на половинѣ пуги сыпучій пепелъ началъ скользить подъ ногами; шупъ невозможно было спускаться шага, чѣмбы не поскользнуться назадъ. Принуждены будучи часто останавливаться и отдышаться на камняхъ, едва отдышавшись, мы видѣли уже предъ собою разверзшійся гробъ; но скрѣпя сердце и употребя послѣднія силы тѣла и духа, наконецъ вскарабкались на самую вершину, и не прежде остановились, какъ достигли небольшихъ скважинъ, откуда выходили дымъ и пламя.

По узкой спесѣ, заваленной каменьями, увязшими въ пепелъ, перешли мы на навѣтренную сторону Крапера, откуда лучше и безопаснѣе было разсмотрѣть изверженіе. О ужасъ! Въ двухъ шагахъ только шагахъ отъ меня лава, вскипая, вздымалась и переливаясь чрезъ жерло сей обширной липейной печи, спремилась внизъ огненнымъ водопадомъ, шириною иногда болѣе ста сажень. При каждомъ изверженіи ужасный громъ потрясалъ гору; пламя, милліонами искръ окруженное, вырывалось вверхъ огромною колонною, и вдругъ земля утверждалась, огненный столбъ упалъ и непроницаемый мракъ снова окружалъ насъ. Гулъ отъ кипящихъ металловъ и свистъ каменьевъ, съ высоты необыкновенной обратно низвер-

гающихся въ жерло и капящихся внизъ по горѣ, приводили меня въ невольный прелесть. Я былъ въ изскупленіи, внѣ себя, и стоялъ какъ бы подъ выстрѣлами непріятельской крѣпости. Созерцаніе сихъ ужасовъ смерти и сего неподражаемаго смѣшенія тьмы и свѣта, огня и дыма, доставляло мнѣ въ первую четверть часа удовольствіе. Но напоследокъ, когда горячій пепелъ спалъ чувствительнѣе ногамъ моимъ, а жаръ отъ лавы чрезмѣру тягостенъ глазамъ, когда дымъ красного цвѣта и сѣрнаго запаха занималъ дыханіе, когда наконецъ, при пятомъ изверженіи, земля близь насъ разверзлась: мы въ одинъ голосъ, какъ бы согласившись, вскрикнули: назадъ! назадъ!

Въ одиннадцать часовъ сожгли фалшфейеръ (*) (который съ фрегапа видѣли), и одинъ за другимъ пошли внизъ. Я просился съ Везувіемъ съ умиленіемъ и оставилъ его послѣдній. Проводникъ подалъ мнѣ руку; мы побѣжали очень скоро, факелъ погасъ; но мнѣ не страшны уже были пропасти, ибо близь крапера привыкъ къ бѣльшей опасности. ~~Въ часъ по полуночи возвратился~~

(*) Факелъ изъ горячаго состава, неугасающій ни отъ дождя, ни отъ вѣтра, и видный, особенно на морѣ, въ большомъ разстояніи.

я въ Порпици , нашелъ тамъ двѣ коляски до Неаполя , откуда на лодкѣ благополучно прибылъ съ чепырма поварищами на фрегатѣ.

Кусокъ лавы , взятый мною на вершинѣ Везувія , сохранивъ въ памяти моей ужасное его изверженіе. Взирая на сей грозный пожаръ , стоя на почвѣ обожженной и безплодной , гдѣ природа кажется умершею , невозможно не благоговѣть предъ волею Всемогущаго, Котораго рука, снимая съ бездны печаль, повременнымъ изверженіемъ облегчаетъ земную утробу отъ горючихъ веществъ , коихъ воспламененіе , превращая металлы въ жидкость , мететъ камни къ небесамъ , лавою и пепломъ попопляетъ и засыпаетъ города , погубляетъ жителей цѣлаго царства , но тѣмъ спасаетъ шаръ земной и весь родъ человѣческій. Кто извѣстилъ силу и дѣйствіе огня? кто измѣрилъ то подземное горнило, въ которомъ и твердѣйшіе металлы клочуютъ? кто скажетъ намъ, что могли бы они произвестъ , еслибъ на поверхности земли не было сихъ оплущинъ?

Везувій и Этна безпрестанно угрожаютъ Италіи ; все , что окружаетъ и поддерживаетъ Неаполь , назначено рано или поздно къ гибели ; и если сія великолѣпная Пар-

еенопа (*) имѣетъ лучшее , красивѣйшее въ свѣтѣ положеніе, то напрошивъ, нѣтъ другаго болѣе опаснаго. Впрочемъ Неаполишанцы о семъ не думаютъ; одни только иностранцы о томъ разсуждаютъ.

КАСТЕЛЬ-А-МАРЕ. 18 Сентября.

Сентября 10. Получили мы отъ Министра повелѣніе, пройдя островъ Капри , распечатать секретной ордеръ. На другой день, рано утромъ при маловѣтріи вышли въ море. Капитанъ открылъ тайное повелѣніе и ничего намъ не сказалъ; видно содержаніе его было очень важное.

На третій день пришли въ Мессину: Капитанъ тотчасъ побѣжалъ на берегъ, а Офицерамъ приказалъ оставаться на фрегатѣ и приготовиться идти опять въ походъ. Въ два часа по полуночи пріѣхалъ къ намъ Генералъ Лейтенантъ и Главнокомандующій Неаполишанскихъ войскъ въ Сициліи, Графъ Дамасъ съ однимъ только Адъютантомъ. Мы тотчасъ снялись съ якоря, но шпиль и пучины Сцилла и Харибда, которыя обратили фрегатъ на одномъ мѣстѣ

(*) Древнее имя Неаполя. Стихотворцы весьма остроумно выдумали, будто Парѣенопа построена на гробѣ Сирены.

два раза съ такою скоростію , какъ будто щепку , принудили по разсвѣтѣ остано-
виться предъ фаро.

Въ сіе время Генералъ вышелъ на шканцы, и удивилъ насъ , начавъ говорить по Руски. Ласковость его и Георгій второй степени , полученный за взятіе Очакова, внушали все должное къ нему уваженіе. Графъ, переодѣвшись, побѣжалъ вмѣстѣ съ нами посмотрѣть маякъ , однакожъ , боясь быть узаннымъ, осмался съ Адъютантомъ и Капитаномъ возлѣ шлюпокъ. На песчаной узкой косѣ , равной съ моремъ , нашли мы небольшую лоцманскую деревушку; подлѣ ее возвышающ-
ся споль необходимый для мореходцевъ Фаросскій маякъ. Низъ его подобенъ четверо-
угольной крѣпости: на семъ основаніи по-
спавлена не очень высокая круглая колонна, верхъ копорой покрытъ фонаремъ , всякую ночь освѣщаемымъ 16 большими лампадами.

16 Сентября. Къ вечеру теченіе перемени-
лось , подулъ тихій благопріятный вѣтръ;
мы подняли якорь , наполнили паруса и до
самой пристани положеніе ихъ не измѣня-
лось. Дни жаркіе и тихія ночи, освѣщенные
сребристымъ блескомъ луны , волненіе без-
сильное поколебать фрегатъ , заставило
меня забыть , что нахожусь на морѣ. Гори-
стое побережіе, покрытое лѣсами и пере-

сбченное веселыми долинами, на каждом шагу представляло намб романическіе, прелестные виды. Восхищенный взорб мой обращался то на синеву зыбкой сшихіи, то на тѣни зеленѣющихб лѣсовб; первое погружало меня вб задумчивость, послѣднее уменьшало ее, и мысли мои наполнялись сладкими мечпаніями.

18 Сентября. Вошедб вб Неаполипанскій заливб, повернули кб Каспель-а-Маре. Графб поручилб мнѣ сбѣздитъ вб городб, сыскавъ по даннымб мнѣ примѣшамб другаго Адьюпанша его Барона ла Рока, и сказать ему, что Генералб прибылб сб нами; а Губернапору только давъ знавъ, что мы пришли изб крейсерства для починки небольшихб поврежденій. Есхъли же не встрѣчусь я сб ла Рокомб, то отправивъ вб Неаполь другаго нашего Офицера кб Дмипрію Павловичу сб письмомб.

Приспанъ и набережная наполнены были любопытными; однакожб вб продолженіи часа, какб мы ходили по городу взадб и впередб, никто кб намб не признался, а по примѣшамб мы ничего не видали сходнаго сб Барономб. И такб пошли кб Губернапору, копорый служа на флотѣ, обрадовался намб, какб землякамб, и не ожидая отвѣта, обременилб вопросами о полипическихб дѣлахб. По

прозьбѣ же моей потчасѣ отпавилѣ товарищамоего въ Неаполь. Губернаторѣ со слезами рассказывалѣ о прагической кончинѣ славнаго Карачіоли. Возвратившись на фрегатѣ, когда оный пришелѣ на рейдѣ, я опятѣ часу въ девятѣмѣ ночью сбѣжалѣ на берегѣ вмѣстѣ съ Графомѣ и его Адъютантомѣ. Графѣ надѣлѣ мою треугольную шляпу, шинель и припворился больнымѣ Рускимѣ Офицеромѣ. Мнѣ надобно было нанятѣ для него домѣ. Оставивѣ его у приспани гулятѣ по набережной, я пошелѣ, куда глаза глядѣтѣ; ибо куда было иппи тому, кшо въ первый разѣ въ городѣ. По щасію скоро нашелѣ я въ одномѣ домѣ шесть покоевѣ и кухню; и не смотря, что они были сыры, рѣшилсѣ нанятѣ поттому, что въ частномѣ домѣ удобнѣе житѣ инкогнито, чѣмѣ въ публичѣ. Генералѣ очень соскучилсѣ, ожидая меня и очень благодарилѣ за компанш. Пришедѣ на кварширу, надобно было подумать о желудкѣ: но кромѣ куска свинины съ чеснокомѣ, худаго хлѣба и сыра, ничего въ домѣ не было. Для Француза и Дамаса такой ужинѣ былѣ конечно скуденѣ. Къ щасію сыскалѣ я въ одной горницѣ парелку раковѣ; Селесшина, деревенская кухарка, сварила ихѣ, какѣ умѣла, и мы, взявши съ фрегата вина, за ужиномѣ довольно развеселились. Графѣ, ломая языкѣ, говорилѣ со мною

по Руски , шушилъ , смѣялся , а Адьюпаншъ его кавалеръ Гаэши молчалъ , чтобы и виду не подашь , что онъ Италіянecъ . Я съ кавалеромъ легъ въ одной комнашѣ , а Генералъ всю ночь писалъ .

На разсвѣшѣ возвратился изъ Неаполя мой поварищъ . Я разбудилъ потчасъ Графа и подалъ ему письма отъ Короля и нашего Министра . Вотъ , друзья мои , я сдѣлался нѣкоторымъ образомъ въ службѣ у Дамаса ; это мнѣ болѣе мнѣ нравилось , что все происходило подъ завѣсою тайны . Въ 10 часовъ , поварищъ мой Шеспаковъ опять отправился въ Порпици къ Графинѣ Разумовской , которая конечно была избрана посредницею политическихъ дѣлъ . Генералъ легъ отдохнуть , а я пошелъ гулять , вскорѣ отыскалъ Рока , и привелъ его къ Графу . Къ обѣду Шеспаковъ возвратился изъ Порпици , куда и Графъ въ 7 часовъ вечера отправился . Любезный Дамасъ обременилъ меня ласками и поручилъ благодарить Капитана за гостепріимство , и увѣрить Офицеровъ во всегдашнемъ его къ Рускимъ уваженіи .

Кастель-а-Маре находится отъ Неаполя на юго-востокъ въ 22 версхахъ . Обширная губа образуется съ правой стороны Везувіемъ , съ лѣвой прикрыва съ моря островомъ Капри и небольшою мулою . Рейдъ

безопасенъ только въ лѣтнее время , и хотя находится здѣсь Адмиралтейство и главная верфь для построения военныхъ кораблей, однакожъ Королевскій флотъ всегда споитъ въ Неаполѣ. Городъ лежитъ при подножьи высокой горы у моря. Улицы въ немъ узки , неправильны , дома готической архитектуры , только набережная имѣетъ не дурной видъ. Четвероугольный замокъ, защищающій рейдъ, и въ немъ домъ, въ которомъ живутъ морскіе Офицеры, и Арсеналъ, единственные зданія, въ коихъ можно похвалить опрятность и порядокъ. Королевскій дворецъ, построенный на горѣ, имѣетъ незначительную наружность. Король проводитъ въ немъ Апрельъ и Май и забавляется пшичьею охотою. Присутствіе Двора, минеральный источникъ, помощію трубы проведенный въ самый городъ, и воздухъ, лѣтомъ освѣжаемый часто дующими съ моря вѣтрами , привлекаютъ сюда лучшее общество столицы. Люди праздные и богатые оспаютъ здѣсь до Августа, а въ Сентябрѣ, когда близость моря начинаетъ беспокоить шуманами и сыростию, переѣзжаютъ на зиму въ Неаполь. Множество монастырей и женщинъ, и еще болѣе того праздношатающихся, вотъ все, что можно видѣть въ Кастель-а-Маре.

19 Сентября. Съ свѣжимъ вѣтромъ, не болѣе какъ въ часъ, перешли въ Неаполь.

Неаполь. 21 Сентября 1805.

Угадайше, гдѣ я нынѣ былъ? Въ кукольномъ театрѣ. Былъ для компаніи съ Гардемаринами и пошелъ съ ними изъ снисхожденія, ибо почишалъ сіе увеселеніе приличнымъ только для дѣшей: но обманулся, и въ Санѣ Карло представляющъ не лучше. Движенія куколъ, ихъ пантомимы и танцы привели меня въ заблужденіе; я думалъ, что вижу живыхъ актеровъ. Куклы величиною въ аршинъ, при соопвѣпспвенной высотѣ кулисъ, приводятся въ движеніе помощію тонкихъ шелковинокъ сверху; мушны и женщины говорящъ за нихъ. Италіянцы созданы на выдумки, хошя иногда пусшыя, но выгодныя для кармана. Я видѣлъ, чѣмъ они наживающъ хлѣбецъ. Иные, распянувшись, лежатъ обнаженные посреди улицы въ грязи, и спрадальческими криками вымучивающъ подаяніе; другіе въ хорошемъ кафтанѣ и маскѣ убѣдительно доказывающъ, что имъ должно дать.

24 Сентября. Позавтракавши въ Англійскомъ пракширѣ, пошли гулять. Здѣсь на каждомъ шагу представляется что нибудь достойное замѣчанія. Мимоходомъ зашли мы въ церковь Святаго Януарія, почишаемаго покровителемъ Неаполя. Послѣ Французской революціи, копорая наполнила

сумазбродствомъ и здѣшнія головы, теперъ не вѣряю, чтобы мученическая кровь Св. Януарія въ день, посвященной его памяти, разжижалась. Монахъ, насъ провожавшій, не хотѣлъ съ нами о семъ распространиться. Архитектура церкви есть памятникъ отдаленныхъ временъ и смѣлаго готическаго искусства. Время покрыло храмъ сей своею мрачною краскою. Подземныя пещеры, обложенныя мраморами и наполненныя гробницами Королей, еще мрачнѣе и великолѣпнѣе самой церкви.

Я заходилъ также въ Картезіанской монастырь, построенный ниже крѣпости Сант-Эльмо. Видъ съ террасы монастыря одинъ изъ прекраснѣйшихъ. Весь городъ предъ глазами. Эспаньіолетъ украсилъ куполъ церкви 12-ю Пророками; смотря на Пророковъ, кажется они говорятъ, движутся, точно живые. Куполъ храма имѣетъ и собственное достоинство: онъ великъ и смѣло повѣшенъ въ воздухъ. Архитектура всѣхъ зданій въ Неаполѣ часто оригинальна, всегда живописна, иногда безобразна; но никогда не лишена той красоты, которая наиболѣе дѣйствуетъ на воображеніе. Изъ 300 церквей, находящихся въ Неаполѣ, многія весьма достойны замѣчанія. Самая древнѣйшая изъ нихъ церковь Св. Доминика,

построена въ 1284 году. Монастырь св. Клары, основанный въ 1318 Королемъ Робертомъ, почитается богатѣйшимъ и великолѣпнѣйшимъ въ Италіи. Въ немъ-то благородныя дѣвицы знаменистѣйшихъ фамилій заключающся на всю жизнь, дабы старшимъ сестрамъ своимъ доставить богатое приданое. Старые Неаполипанскіе вельможи, разорившіеся отъ каръ, гордые, честолюбивые и набожные по наружности, слѣдуя древнему предубѣжденію, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, погребаютъ заживо прекрасныхъ дочерей въ семъ монастырѣ, или лучше гробѣ, откуда онѣ уже никогда не возвращаются въ свѣтъ.

Богатствомъ, даже архитектурою и внутреннимъ расположеніемъ церкви мало различествуютъ между собою. Вездѣ я видѣлъ кучи золота и серебра. Мраморы, бронзы, кристаллы, мозаикъ, сшатуи и драгоценныя каменья украшаютъ даже не самыя большія церкви. По живописи только можно дать одной предъ другою преимущество. Не будучи знакомъ въ семъ изящномъ искусствѣ, но разсматривая картины своими глазами, я не видѣлъ причины, подобно многимъ путешественникамъ, восхищаться и выдавать хорошее за превосходное, и посредственное за образецъ искусства живо-

писнаго. Вошѣ мое мнѣніе о трехѣ обра-
захѣ, которые видѣвши, не лѣзя забыть и
не лѣзя не замѣшитъ.

Вѣ *Страшномѣ судѣ* (твореніи Микель-
Анжело), вѣ превосходной мысли и предметѣ
примѣшенѣ дурной вкусѣ. Кому пріятно
смотрѣть на перзанія мучениковѣ. Парящіе
его Ангелы очень тяжелы и весьма не кспа-
ти тупѣ нарисованы. При пѣрвомѣ взглядѣ
я принялъ ихѣ за демоновѣ; ужасное безоб-
разіе наспоющихѣ демоновѣ почерпнуто изѣ
Даншовой поэмы. Не можно понять, для чего
сей великій художникѣ, еще вѣ то время,
когда пылали Инквизиціонныя костры, Хри-
стіанскую картину украсилъ міѣологиче-
скимѣ Харономѣ.

Вѣ картинѣ, изображающей Св. Пепра,
разбужденнаго вѣ темницѣ Ангеломѣ, и вѣ
другой, когда сей Апостолѣ выходилъ изѣ
пюрѣмы, не возможно не замѣшитъ что-то
необыкновенное, неизбѣяснимо-превосходное.
Св. Пепрѣ хошя имѣетъ незначительную
фізіономію простаго рыбака Тиберіад-
скаго, но его смиреніе равняется красотѣ
прелестнаго небожителя. Исходящій опѣ
Ангела свѣтѣ и проникающій сквозь же-
лѣзную рѣшетку во внутренность тем-
ницы, естѣ чудо вѣ искусствѣ смѣшенія
темноты со свѣтомѣ, естѣ лучший свидѣ-

тель шаланша Рафаеля. Сей великій живописецъ оставилъ образцы, въ коихъ расположение цѣлаго и сила въ выраженіяхъ каждой части особо всего болѣе удивительны. Никто не постигнулъ еще его тайны, одинъ Рафаель достигнулъ совершенства; труды его до сего времени почиаются превосходными, первыми и лучшими.

Сего дня минулъ годъ, какъ я расстался съ вами, мои милые. Сего дня же получили мы секретное повелѣніе отправиться въ море. Полипическій горизонтъ покрывается мрачностію и грозитъ бурю; здѣсь съ нѣкошораго времени замѣтно большое движеніе; мы также спѣшимъ, наливаемся водою, принимаемъ и покупаемъ провизію, простились уже съ знакомыми и ожидаемъ только попушнаго вѣтра.

Морѣ. 28 Сентября 1805.

Оставивъ Неаполь въ 5 часовъ послѣ обѣда, мы успѣли еще насладиться великолѣпнымъ видомъ его съ моря. Перспектива, которую представляетъ сей обширный городъ, есть конечно наилучшая, какую Творецъ вселенной могъ создать; но не должно однакожъ разсмащивать его вблизи. Одинъ путешественникъ справедливо сказалъ, что въ Италію надобно ѣздить не для описанія, но для наслажденія взора. Прошедшую ночь

свѣшилъ намъ Сѣпромболи, и какъ вершящійся маякъ то угасалъ, то снова возгорался.

Вотъ уже проходимъ Мессину, идемъ далѣе, и Богъ знаетъ куда, и для чего? Капитанъ молчитъ какъ рыба, отъ него только могли добиться, что путь нашъ недалекъ, а куда придемъ, тамъ долго будемъ стоятъ. Въ субботу на моей вахтѣ (*) встрѣпились съ Англійскимъ фрегатомъ Амбюскедомъ: довольно странно, что оба наши фрегата идутъ по секрету, а еще страннѣе, что перваго Англійскаго Лейтенанта зовутъ (King Королемъ, втораго (Royal) Королевскіи, третьяго (Queen) Королевою.

Попутный вѣтерокъ доставилъ намъ удовольствіе смотрѣть на Сицилію вблизи. Этна покрыта снѣгомъ и курится. Сумракъ и ясность непрестанно смѣнялись на ея вершинѣ; ужасное безплодіе, дикій цвѣтъ горъ, недавно землетрясеніемъ превращенныхъ, и сіи богатые великолѣпные города, на развалинахъ поспроенные, сіи печальные остатки древнихъ замковъ, сторожевыхъ башенъ, тѣнію плодоносныхъ деревъ, вѣчною зеленью и вѣчною весною окруженныхъ и лелѣемыхъ, составляютъ такіа пропивопо-

(*) Четырехъ-часовой караулъ.

ложности, въ которыхъ адъ и рай спорящъ о преимуществѣ. Эпна и силою и величиною гигантъ пропивъ Везувія. Безъ препеша не могъ я сморѣть на ужасную ея высоту; густой дымъ и облака, скопившіяся у жерла, кажешся, угрожающъ скорымъ изверженіемъ.

М а л ь т а. 2 Октября 1805.

Сего дня по утру пришли сюда и узнали болѣе, нежели въ шайномъ повелѣніи было сказано: Капитанъ привезъ отъ Англійскаго Министра Генералу Крейгу, командующему въ Мальтѣ, повелѣніе: соединившись съ нашимъ флотомъ и войсками иппи въ Неаполь. У Англичанъ всѣ транспорты готовы, и уже стоятъ на рейдѣ. И такъ война съ Французами неминуема; жаль, что мы морскіе будемъ только зрителями, ибо у непріятелей нашихъ нѣтъ и лодки на морѣ.

Доступъ въ Мальту съ моря совершенно неприступенъ; ширина входа не болѣе 125 сажень, по обѣ стороны и впереди двухъ-ярусныя крѣпости. Мы спали на якорь подлѣ самой Валетты (такъ называется главный городъ на Мальтѣ), наружность которой не имѣетъ никакого подобія, ни сравненія съ городами, видѣнными мною доселѣ. Дома улѣплены по горѣ, одинъ надъ другимъ, высокіе, темные: каждое окно закрыто

краснымъ рѣшетчатымъ балкономъ; и вездѣ, куда ни обратишься, пушки, амбразуры, солдашы и мапрозы.

Въ три часа по полудни, въ сопровожденіи нашего Консула Антоніо Каркаса, который отправляетъ также должность и Турецкаго, поѣхалъ я съ 4 поварищами на берегъ. Консулъ привелъ насъ въ свой магазейнъ, предложилъ свои деньги для покупокъ; а какъ мы не имѣли ни въ шомъ, ни въ другомъ надобности, то онъ поручилъ насъ сыну своему, любезному молодому человѣку, недавно съ поварами пріѣхавшему изъ Константинополя. Мнѣ кажется два званія, Консулъ и купецъ, не совмѣстны и не приличны одной особѣ.

Въ Валеттѣ только одна улица съ площадью, прочія ни что иное, какъ лѣспницы, высѣченныя въ горѣ. Англичане такъ ихъ вычислили, что нѣтъ нигдѣ пылинки. Церковь Іоанна Іерусалимскаго, не смотря на то, что Бонапарте лишилъ ее богатыхъ украшеній, заслуживаетъ особенное вниманіе. Наружность ея очень проста, внутренность же напрошивъ того удивляетъ своею огромностію и соразмѣрностію всѣхъ подробностей архитектуры. Надгробныя плиты, покрывающія прахъ славнѣйшихъ кавалеровъ, составляютъ великолѣпный мозаи-

ческій помостъ храма. На стѣнахъ также видны мозаическіе образа изящной работы. Придѣлъ Св. Екаперины украшенъ двумя хорошими карпинами, въ которыхъ нѣтъ ничего свяшаго. Мы сходили въ подземелье, гдѣ лежатъ кости Гросс-мейстеровъ, описавшихся какимъ нибудь полезнымъ подвигомъ. Такимъ образомъ герои и воины своими гробницами и своими профеями занимаютъ верхній храмъ; мужи, гражданскими добродѣтелями знаменитые, скромно покоятся подъ землею. Сіи послѣдніе имѣютъ по преимуществу, что по нимъ всякой день служатъ панихиды; а герои преданы забвенію. Монахъ, у котораго на груди нашитъ Малпійскій крестъ, изъ подземелья, темнымъ коридоромъ, перевелъ насъ въ придѣлъ, посвященный святому Іоанну Іерусалимскому. Придѣлъ сей очень мраченъ, ибо по величинѣ своей освѣщенъ малыми окнами, и тѣ помѣщены подъ крышею. Кромѣ образа усѣкновенія главы Свяшаго Іоанна Предпечи, стѣны усѣявлены большими карпинами, сохраняющими память славныхъ дѣяній рыцарей: на нѣкоторыхъ изъ нихъ изображены монахини; но не ужели, спросилъ я кавалера монаха, сіи женщины принадлежали къ ордену? Онѣ также служили братству, опѣвчаль мнѣ кавалеръ, ходили за больными и проводили жизнь свою въ гошпиолахъ.

Придѣлъ Магдалены показался мнѣ довольно богатымъ; серебряная литая рѣшетка и при золошья паникадила украшають престолъ.

Мальтійскіе кавалеры сполучили лучшей участи. Въ теченіи прѣхъ вѣковъ непрерывно сражались они съ Турками, врагами, тогда сильными и честлюбивыми; защищали торговлю Европейскую отъ Варварійцевъ и покоили Средиземное море.

Французская революція нанесла рыцарямъ послѣдній ударъ. Великій Магистръ Фердинандъ Гомпешъ, человекъ тихій, доверчивый, не былъ одаренъ прозорливостію. Ошдѣленія Французскія давно уже не существовали (*). Парижская директорія повѣла взять богатыя помѣстья кавалеровъ въ казну, а ихъ лишить жизни. Мальта, наполненная Французскими Агентами, готова была къ возмущенію. 10 Іюня 1798 года, когда Французскій флотъ съ высадными

(*) Ошдѣленій, называемыхъ языками, было восемь: три Французскихъ, два Германскихъ, одинъ Испанскій, одинъ Италіанскій и одинъ Англійскій. Въмѣсто послѣдняго, уничтоженнаго въ 1777 году, учрежденъ былъ Англо-Баварскій языкъ; къ нему присоединилось потомъ Россійско-Польское Пріорство.

войсками, подв предводительствомъ Генерала Бонапарте, отправленнаго для покоренія Египта, появился предъ Мальтою, обнаружилась измена. Начальники войскъ, будучи въ заговоръ съ непріятелями, встрѣтили ихъ какъ друзей. Все взволновалось; жишли въ негодованіи врывались въ дома рыцарей и предавали ихъ мученической смерти. Войска разбѣжались. Гомпешъ вмѣсто того, чшобы усмирить бунтовщиковъ и собрать войска, не принимая никакихъ мѣръ къ оборонѣ, 12 Іюня подписалъ капитуляцію, въ силу коей сдалъ Мальту Французамъ, а самъ постыднымъ образомъ ушелъ въ Тріестъ.

Въ сіе время въ званіи Пропектора Ордена, Императоръ Павелъ І (принявшій оное въ 1797 году), по прошенію великаго Россійско-Польскаго пріорства, принялъ шшло Великаго Магистра. Павелъ І, соизволеніемъ на сію прозьбу, съ одной стороны могъ имѣть полипическіе виды, ибо владѣніе Ос. Мальтою доставило бы Россіи свободное по Средиземному морю плаваніе и сильное вліяніе на дѣла Турціи; съ другой, Императоръ, ставъ главою знаменипѣйшаго въ Европѣ дворянства, могъ пропировать разрушительнымъ правиламъ Французскаго правительства.

Императоръ Павелъ I вступилъ въ союзъ противу Франціи съ чистосердечнымъ намѣреніемъ возвратить Государямъ Престола и поставилъ преграду Французской системѣ. Своекорыстіе и личныя выгоды одушевляли союзниковъ его: Австрійцы хотѣли разпространить владѣнія свои на счетъ Папы и Короля Сардинскаго; Англичане во всѣхъ поступкахъ были неискренны. Мальшу окружилъ Россійскій и Англійскій флотъ. Положено было, по взятіи крѣпости, составить верховное правительство, въ коемъ засѣдали бы Комиссары трехъ державъ и намѣстникъ великаго Магистра. Англія предложила отдать сей островъ Неаполитанскому Королю, но сіе отвергнуто было Павломъ. Въ сіе-же время Англичане пропустили собственныя припасы въ Мальшу, уже готовую къ сдачѣ. Императоръ прервалъ связи съ Англіею и повелѣлъ Россійскому флоту оставить блокаду и возвратиться въ Корфу. Между тѣмъ Мальша сдалась Англичанамъ.

Въ сѣверной столицѣ уже назначенъ былъ Комендантъ въ Валетту; уже Россійскіе корабли украшены были Мальшійскимъ флагомъ; но послѣ тщельныхъ переговоровъ, прежде и послѣ Аміенскаго мира бывшихъ, Французы остались при своемъ золотѣ и серебрѣ, похищенномъ изъ церквей; намъ

доспались мощи Св. Іоанна Іерусалимскаго; Англичанамъ все оспальное. Они уничижили орденъ и поспавили свой флагъ на крѣпосяхъ его. Въ такихъ обспоятельстввахъ, что оставалось дѣлать Кавалерамъ? Предоспавивъ суду Божію поспупки Гроссѣ-Мейстера, сдавшаго Мальшу Французамъ, и бѣжають, бѣжають отъ спыда. Признаюсь, сколько прежде желалъ я видѣть Мальшу, сполько теперь, увидѣвъ ее, сожалѣю.

Поблагодаривъ Мальпійскаго монаха, пошли мы въ церковь Пепра и Павла, копорая теперь названа соборною. Тутъ заспали мы богословскій диспутъ. Два монаха, въ присуствіи Епископа, у котораго нашии былъ на всю грудь большой крестъ, говорили попеременно, тихо, складно, чинно и безъ жару. Одинъ предлагалъ, другой возражалъ, соглашался или прошиворѣчилъ: но какъ они спорили на Латинскомъ языкѣ, то мы, ничего не разумѣя, сполько посперяли время. Ни наружность, ни внутренность собора ничего не имѣли ни виднаго, ни отмѣннаго.

Съ двумя поварищами вздумалось мнѣ выпши за городъ прогуляться; возвращаясь назадъ, вспрѣпились мы съ Англійскимъ солдатомъ, ведшимъ осла, навьюченнаго множествомъ дичины. Во сколько времени наловилъ ты сполько пшицъ? Часа въ два,

отвѣчалъ солдатъ. Это меня удивило и принудило спросить его подробно, какимъ образомъ. Способъ, употребляемый имъ, извѣстенъ только въ окрестностяхъ Лондона: полагая, что для нашихъ пшителей онъ можетъ быть полезенъ, предлагаю имъ новое средство, весьма удобное и у насъ еще неизвѣстное, для ловли пѣвчихъ пшителей.

Западня состоитъ изъ доски, покрытой искусственнымъ дерномъ; шелковая сѣтка, длиною 12, шириною $2\frac{1}{2}$ аршина, есть самая замысловатая вещь въ механизмѣ западни. Смотри на расположеніе сѣтки, не лзя и подумать, чтобы пшитель, столь скорая въ своихъ движеніяхъ, могла поспѣть, пока не увидитъ тонкихъ спорожковъ (спускаемыхъ помощію нитки, продѣтой сквозь доску внизъ), которыхъ ей избѣжать не возможно. Съ четырехъ сторонъ приставляются къ доскѣ ширмы, на коихъ нарисованы деревья.

Какъ перелетныя пѣвчія пшители появляются обыкновенно въ большемъ множествѣ, въ концѣ осени и при началѣ весны, въ которое время, отъ восхожденія солнца до полдня, и отъ двухъ часовъ до ночи, безпрестанно находясь онъ на полетѣ, и при томъ летя въ всегда противу вѣтра; почему опытные пшители, если вѣтръ дуетъ отъ за-

пада, становящся съ западнею къ востоку. Тихой юго-западный вѣтеръ и полдень, когда пщицы садящся отдыхатъ, доставляющъ наибольшую добычу. Избравъ уединенное мѣсто, пщицеловъ утверждаеъ доску чешырю ножками на землю, и спавъ подъ нее, закрываеъ себя ширмами. По краямъ стола спавиъ онъ клѣпки съ приученными къ ловлѣ ппичками, на срединѣ стола еще нѣсколько обдержанныхъ ппичекъ привязываеъ къ дерну шелковымъ снуркомъ, который обхващывая ппичку подъ крылошки, не мѣшая порхатъ, удерживаеъ ее безъ всякаго вреда.

Упопребляемыя для сей охоты ппички суть: пять или шесть коноплянокъ, два щегленка, двѣ овсянки, одинъ лѣсной жаворонокъ и нѣсколько другихъ, также по одной. Приученіе сихъ пщицъ къ столь забавной охотѣ стоиъ не малаго шруда. Для сего въ Іюнѣ и Іюлѣ закрывающъ ихъ въ клѣпкахъ, дабы скорѣе вылиняли. Въ продолженіе чешырехъ-недѣльнаго заключенія открывающъ клѣпки одинъ разъ въ недѣлю, для перемѣны воды. Отъ спершагося воздуха ппичка болѣеъ, почти не клюеъ, и большая часть отъ сего умираеъ; но выдержавъ операцію, она начинаеъ пѣтъ въ то время, когда дикія только что начинаютъ линять, и голосъ

выдержанной спановишся гораздо громче и звончѣе дикихъ , и даже цвѣтѣ перьевъ получаетѣ лучшій блескъ.

Сїи выдержанныя ппички , посавленныя въ клѣпкахъ и посаженныя подѣ сѣпкою , имѣютѣ превосходнѣйшій слухъ и зрѣніе. Первая изъ нихъ , замѣтившая появленіе дикихъ , топчасѣ подаеѣ голосѣ (точно такѣ какѣ бы гончая , напавшая на слѣдѣ звѣря) и всѣ прочія обнаруживающѣ радость свою шумнымѣ крикомѣ. Пока еще дикія въ отдаленіи , ученныя ппички не поютѣ такѣ , какѣ въ горницѣ , онѣ приглашающѣ ихъ коропкимѣ чиликаньемѣ , которое , если ппица хороша , весьма далеко бываеѣ слышимо , въ чемѣ и состоитѣ главное ихъ достоинство. Когда дикое спадѣ прилепитѣ на близкое разстояние , то надобно любоватѣся , сѣ какою хипроспїю заманивающѣ онѣ дикихъ подѣ шатерѣ : пущѣ онѣ начинающѣ пѣтѣ , перекликаѣся , порхаѣ , клеваѣ , и сїи приглашенія бывающѣ столь заманчивы , что ппицы спанавливаются посреди своего поля , и обманываясь цвѣтомѣ зелени , искусно сдѣланнаго спѣла , и не видя ни сѣти , ни ппицелова , смѣло садятся подѣ шатерѣ. Ппицеловѣ увѣрялѣ мѣня , что столь непреодолимую власть имѣющѣ прїученныя ппички надѣ дикими , что , еслибы

половина спада покryта была въ первой разѣ, то другая, по вынятіи первыхъ, сама неопмѣнно садится подѣ сѣтку.

Лучше выдержанная ппичка стоить очень дорого. Въ Лондонѣ продають такую по 125 рублей. Чѣмъ чаще и громче кликовая ппичка можетъ чиликать, тѣмъ она лучшею почитается. Охотники до ппицъ въ Англіи держатъ большіе заклады, и случилось, что въ четверть часа ппичка можетъ кликнуть 170 разъ. Въ Мальтѣ наиболѣе ловится бекафико, малинькая ппичка, питающаяся фигами, отъ чего и названіе получила; она составляетъ лакомое блюдо Италіянцевъ. Извѣстно изъ Исторіи, что одинъ Римскій богачъ болѣе изъ щеславія, нежели для жертвы эпикуризму, заплашилъ за одно блюдо изъ языковъ сихъ ппичекъ нѣсколько сотъ тысячъ сесперцій, составляющихъ на наши деньги около 50 тысячъ рублей.

Уже смеркалось, какъ мы, возвратившись съ прогулки, пришли осмолрѣть укрѣпленія. Все въ такомъ порядкѣ, какъ бы крѣпость находилась въ осадѣ. Одинъ бастіонъ въ Валешѣ названъ именемъ славнаго Аберкромбія, освободителя Египта отъ власпи Французовъ. На одной башнѣ, какія и у насъ употребляются для часовыхъ, прибила

мраморная доска съ сею простою надписью:
Праху Аберкромбія.

Капитанъ нашъ, окончивъ свое порученіе, возвратился на фрегатъ и приказалъ готовиться къ походу. Въ Валештѣ есть монументы, фонтаны, театръ, библіотека; но я не видалъ ихъ, ибо въ 24 часа не лзя видѣть многого. На сей разъ будьте довольны и симъ, мои милые друзья; быть можетъ, случай приведетъ короче познакомиться съ Мальшою: тогда ожидайте отъ меня большаго, а теперь послѣ шрудовъ покой, прощайте.

Агоста. Октября 6.

3 Октября. Около полудня вышли въ море. Благополучный въпрѣ часъ отъ часу свѣжелъ, паруса шумѣли, вода кипѣла подъ рулемъ. Засвѣшло прошли мысъ Пассеро, а къ свѣшу другаго дня доспигли мѣста своего назначенія Агосты, гдѣ будемъ ожидать изъ Корфы нашего флота съ высадными войсками.

Агоста, дурной городъ, хорошая крѣпость и прекрасная гавань. Городъ выстроенъ на мысу и на развалинахъ прежняго, до основанія разрушеннаго землетрясеніемъ, бывшимъ въ 1697 году. Городъ защищается каменнымъ валомъ и сверхъ того крѣпкимъ

замкомъ находящимся на горѣ. Дома въ городѣ всѣ въ одинъ этажъ; изъ нихъ мало такихъ, которые имѣютъ 10 сажень длины; улицы узки, и нѣтъ ни театра, ни прачшира, ни кофейныхъ домовъ. По обѣ стороны города на малой глубинѣ и илистомъ грунтѣ, безопасно отъ всѣхъ вѣтровъ могутъ помѣститься до ста линейныхъ кораблей. Проходя на дальній внутренній рейдъ, надобно держаться ближе къ мысу, ибо отъ круглой крѣпости, защищающей внѣшній рейдъ, просягивается къ прошивулежащему берегу каменный рифъ. Мы бросили якорь прошиву Францисканскаго монастыря, построеннаго на видномъ мѣстѣ.

Капитанъ послалъ меня увѣдомить Губернатора, что мы пришли сюда для исправленія поврежденій. Губернаторъ, родомъ изъ Ломбардіи, говоритъ хорошо по Французски, Подполковникъ, спарикъ заслуженной, очень доброй и ласковой. Онъ пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ въ собраніе военныхъ.

Консулъ самъ меня отыскалъ; мы пошли съ нимъ за городъ смотрѣть, какимъ образомъ достають здѣсь соль, которая составляетъ значительную и прибыточную торговлю жителей. На низкомъ мѣстѣ близъ моря, гдѣ тверже грунтъ, снимають верхній

слой земли. Разчищенное такимъ образомъ пространство окапываютъ кругомъ кана-
лами и раздѣляютъ на многіе небольшіе
четвероугольники, имѣющіе между собою
сообщенія. Сіи малые четвероугольники на-
полняютъ морскою водою одинъ за другимъ
чрезъ сунки, отъ чего соль садится
тверже и бѣлѣе. Воды пускаютъ не болѣе
какъ на $5\frac{1}{2}$ вершковъ въ глубину; по проше-
ствіи прехъ сунковъ, въ жаркое время соль
кристаллами осядетъ на три дюйма: тогда
воду спускаютъ въ окружный каналъ, стре-
буютъ соль въ кучи и оставляютъ оную
еще нѣсколько дней на солнцѣ, отъ чего она
дѣлается тверда и прозрачна. Работа про-
должается съ Іюля до половины Сентября.

Въ вечеру Капитанъ нашъ по приглаше-
нію побѣхалъ съ Офицерами къ Губернатору.
Надобно познакомить васъ, любезные друзья,
съ здѣшними собраніями, называемыми *Con-
versazia*, въ которыхъ занимающіяся разго-
ворами всего менѣе. Насъ встрѣтили на
крыльцѣ и ввели въ залу, посреди коей, во-
кругъ большаго стола, освѣщеннаго однимъ
ночникомъ въ три свѣпильни, сидѣло и сто-
яло около 20 военныхъ Офицеровъ. Намъ
дали мѣсто, и мы сѣли. Хозяйка, Францу-
женка лѣтъ семидесяти, на которой же-
нился Губернаторъ по дружбѣ къ поварицу

и другу своему, убитому на сраженіи, окруженная полудюжиною собаченокъ, управляла конверсаціею. Я ожидалъ разговоровъ съ неперпѣніемъ, думалъ, что о чемъ нибудь буду спорить, рассуждать; но ошибся: подали каршы, дамы и Г. военные начали играть въ банкъ, называемый Бассешомъ, ставка была отъ двухъ копѣекъ и не болѣе гривны. Намъ тоже предложили, но мы отказались неумѣньемъ. Губернапоръ, желая какъ нибудь насъ занять, спрашивалъ о новостяхъ и увѣдомилъ Капишана, что онъ получилъ повелѣніе принявъ долженствующую припши въ Агоспу Россійскую эскадру, какъ можно лучше, и снабдить всѣмъ, что будетъ потребовано. Для прохлажденія такого жаркаго разговора, насъ пощивали водою съ кислымъ виномъ. Банкъ кончился проигрышемъ и выигрышемъ нѣсколькихъ гривенъ, и въ 11 часовъ всѣ разошлись.

Крѣпость Брукула, 7 Октября.

Вчера мы ѣздили въ крѣпость Брукулу, верстахъ въ 10 отъ Агоспы находящуюся. Въ небольшой чешвероугольной крѣпости нашли мы оспашки спѣны отъ шюрмы, въ которой заключена была несчастная Королева Іоанна І.

Спутниками нашими были молодой Аббапъ и родственникъ его Бакалавръ. Тре-

угольная шляпа, кипайчатый кафшанъ, отъ ежедневнаго употребленія слишкомъ изношенный, и гишара, висѣющая за плечами, придавали сему послѣднему видъ довольно спранный. Экипажъ ученаго соотвѣпспвовалъ его наружности: оселъ самаго малаго росша, мышаспой шерсти, навьюченъ былъ мѣшками съ сѣномъ. Бакалавръ во всю дорогу пѣлъ, акомпанируя себѣ на гишарѣ: но инструментъ, не смотря на его ужимки, не покорялся голосу. Подвѣзжая къ крѣпости, приспалъ къ намъ Доминиканскій монахъ, умно и остро забавлявшій насъ на счетъ бѣднаго Бакалавра. Онъ предложилъ ѣхать на Эпну, и убѣдительно приглашалъ основаніе въ его монастырѣ, называемомъ *S. Nicolo del Bari*, находящійся близъ вершины горы.

Крѣпость Брукула стоить на высотѣ, снабжена пушками и не худо содержица; видъ со стѣны самой живописной. Пространная губа, гладкая какъ зеркало, покрыва судами и лодками. Городъ Капанія, разрушенныя строенія и обнаженныя вершины горъ, низпровергнутыхъ землетрясеніемъ, пышная зелень садовъ и Эпна, какъ гигантъ касающійся обгорѣлымъ челомъ небесъ, одѣтый синимъ шуманомъ, заключала всю картину. Отсюда до вершины Эпны недалеко. Комендантъ Брукулы Маіоръ, къ которому

было у меня рекомендашельное письмо отъ моего пріятеля Барона Росси, приглашалъ къ себѣ, и, есѣли мы намѣрены опсправивъ-ся каналомъ (*) въ Агоспу, предложилъ къ услугамъ лодку; отъ первого по причинѣ усталости и несноснаго жара опказались; послѣднимъ воспользовались, и опобѣдавши въ одной избѣ, гдѣ наемный нашъ слуга при-готовилъ курицу, рыбу и усперсы, благопо-лучно, очень покойно и весело возвращились въ Агоспу.

Президентъ караншина пригласилъ насъ на вечеръ; въ сей конверсаціи провели время точно также, какъ прежде у Губернашора; слѣдовательно, любезные друзья, мы не можемъ жаловаться на пріемъ Агоспинской публики, и есѣли останемся здѣсь долѣе, то короче познакомимся, и намъ не будетъ скучно.

Агоста, 8 Октября.

Еще въ первые дни по прибытіи нашемъ въ Агоспу, мы наняли меблированный домъ по пяши палеровъ на мѣсяцъ, и въ воскре-сенье вздумали дать праздникъ городу. Губернашоръ обѣщалъ посѣпить насъ и привеситъ съ собою небольшое избранное обще-ство.

(*) Каналомъ называется узкой заливъ по сѣверную сторону мыса, на коемъ расположенъ Агосша.

За три дни передъ симъ сдѣлалъ я новое, очень пріятное знакомство, и вотъ какъ это случилось: Капитанъ нашъ будучи не здоровъ, пошелъ за городъ прогуляться, встрѣтился съ дамою, которая ѣхала въ каретѣ въ Агосту. Незнакомка, замѣтивъ тихую поступь Капитана, и сообразя, что ему долго не дойти до города, вышла, предложила свой экипажъ, и сколько сей послѣдній ни ошговаривался, убѣдила его съсѣсть, и приказала кучеру оповѣсть, куда онъ прикажетъ. Сама же сѣла въ лодку, и проѣзжая рейдомъ, вздумала посмотришь фрегатъ. Примѣтивъ, что при ней двое слугъ въ ливреѣ, я самъ ее принялъ. Она ходила по всѣмъ переходамъ, была въ каютѣ, выпила рюмку вина, поблагодарила за учтивость и уѣхала въ городъ. Молодая женщина лѣтъ въ двадцать пять, очень не дурнаго лица, въ праурѣ, благородной осанки, скромная, тихая и между тѣмъ одна безъ кавалера, любопытствующая о вещахъ, для дамъ вообще не очень интересныхъ, признаюсь, я не зналъ, что объ ней и ея посѣщеніи подумать. Разговоръ мой съ нею былъ очень пруденъ, не для того, чтобы я мало зналъ по Италіянски, но потому, что она говорила Сицилійскимъ нарѣчіемъ, котораго произношеніе портило все сходство, между сими языками существующее. Имя ея *Lucrezia Baro-*

nessa de M..... такъ трудно выговорить ,
что я, слыша его нѣсколько разъ, позабылъ.

Въ пять часовъ вечера гости стали соби-
раться. Я былъ хозяиномъ. Губернаторъ
пріѣхалъ первый, за нимъ и прочіе; чрезъ
часъ шесть нашихъ покоевъ такъ напол-
нились, что дѣйствительно трудно было
пробраться изъ одной горницы въ другую.
Начались танцы и игра въ банкъ. Пуншъ,
вино, мороженое, кофе, лимонадъ, конфекты
и сладкія закуски послѣ каждого танца по-
давались. Сколь ни похвальна презвостъ въ
отношеніи здоровья и нравственности; од-
нако же я того мнѣнія, любезные друзья, что
Русское гостепріимство и кубокъ свѣтлаго
вина служишь наилучшею приправою не
только въ кругу друзей, но и въ обществѣ
незнакомыхъ.

Занимаясь важнѣйшими спарушками,
вдругъ я замѣтилъ прелестную Баронессу.
Прижавшись въ уголку, въ глубокомъ трау-
рѣ, печальнымъ взоромъ смотрѣла она на
танцы. Первое мое движеніе было подойти,
засвидѣтельствовать ей мое почтеніе, и
сѣсть на стулъ, подлѣ нее случившійся.
Послѣ первыхъ привѣтствій, я спросилъ,
почему она не танцуетъ. Любезный кавалеръ,
отвѣчала она, я потеряла почтеннѣй-
шаго отца; Богъ лишилъ меня послѣдняго

покровишеля , и я теперъ въ мірѣ совершенная сирота.

— Въ такихъ лѣтахъ , сударыня , съ вашимъ умомъ и красою , и великія горести недолговременны.

— О ! для меня все кончено ; сердце мое , обманутое любовію , не находитъ уже болѣе радости въ свѣтскихъ удовольствіяхъ.

— Принимая искреннее участіе въ вашей душевной и сердечной скорби , смѣю сомнѣваться въ послѣднемъ вашемъ предположеніи. Щастіе вскорѣ можетъ къ вамъ возвратиться , ибо вы того достойны.

— Вы льстите мнѣ , любезный кавалеръ ; но вы мужчина , и я должна быть вамъ благодарна. Благодарность же мою начну тѣмъ , что познакомлю васъ съ собою короче : отецъ мой оставилъ мнѣ множество хлопотъ ; чтобы привести ихъ въ порядокъ , я пріѣхала сюда единственно по дѣламъ , и на этихъ дняхъ должна возвратиться въ мою деревню , отсюда не болѣе 35 верстъ , и близко Сиракузъ. Если общаете мнѣ сдѣлать честь своимъ посѣщеніемъ съ вашими товарищами , я охотно приму васъ въ моемъ уединеніи , и тамъ узнаете мои тайны.

Можно ли было не согласиться на такое приглашеніе ? Хотя мнѣ и пришла въ сіе

время мысль одного Французскаго авшора: l'histoire d'une femme est toujours un roman; но я въ прелестной Баронессѣ моей видѣлъ женщину нѣжную, искреннюю, чувствительную, и обѣщая себѣ множество удовольствій, благодарилъ за предложеніе. Во спорникѣ мы положили къ ней опправиться.

Я бесѣдовалъ съ Баронессою около часа; чувствовалъ невозможность оставить ее одну: «сироты всегда мнѣ нравились»; но она желала, чтобы я танцевалъ съ племянницею Росси, живою, ловкою молодою дѣвушкою. Балъ заключился Тарантеллою, и какъ начался, такъ и кончился весело. Мужчины остались у насъ до разсвѣта.

Капуцинскій монастырь. Октября 9.

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть монастырь и садъ, принадлежащій Капуцинамъ. Вамъ конечно извѣстенъ сей родъ монаховъ въ кофейныхъ рясахъ, сандаляхъ и подпоясанныхъ волосаною веревкою. Я дорого бы заплатилъ, чтобы желаніе сіе не пришло мнѣ въ голову. Въ монастырѣ, гдѣ можетъ помѣститься до 500 человекъ, въ огромномъ зданіи раздѣленномъ длинными корридорами, по обѣимъ сторонамъ коихъ расположены кельи, не встрѣчалъ я ни одной живой души. На

перрасѣ нашли мы прехѣ монаховѣ, копорые сложивши ноги и скинувши свою одежду, искали....и ни мало не спыдились чужеспранцевѣ. Мы опврапили взорѣ опѣ ихѣ, вышли вѣ садѣ; но и тушѣ, кромѣ заброшенныхѣ деревьевѣ, ничего не примѣпили. Ничто такѣ не украшаетѣ убѣжище опѣ мѣрскихѣ суешѣ, какѣ простота, прудолубіе и опряпность. Спасенію души не мѣшаетѣ и чистота тѣла; но эпи Капуцины опврапишельно неопряпны. Нѣсколько изѣ нихѣ сошли сѣ нами вѣ садѣ, но я вмѣсто того, чтобы благодаритѣ, былѣ вѣ искушеніи опрястѣ сѣ нихѣ пылъ моимѣ спранническимѣ посохомѣ, копорый изѣ Москвы неразлучно пушешествуетѣ со мною по сушѣ и морямѣ. Можетѣ бытѣ, онѣ одинѣ кѣ вамѣ воропился: нѣтѣ, любезные друзья, не вѣрьте! Это мечта разнѣженного сердца пѣніемѣ и невинными ласками прелестной 14 лѣтней дочери Дона Розаріа, копорая на минушю сего вечера меня обворожила. Нѣтѣ, я возвращусѣ вѣ опчизну, и тогда, когда васѣ тамѣ не найду, спану искашѣ Италіи и Агоспы—прощайте!

Р. S. Сего утра фрегатѣ Крѣпкій привезѣ Высочайшія повелѣніа для флота и пошчасѣ пошелѣ обратно вѣ Мессину.

Агоста. 11 Октября.

Сего дня по утру Баронъ Росси увѣдомилъ меня, что онъ съ своимъ семействомъ намѣренъ провести у меня вечеръ. Баронъ очень меня полюбилъ, также какъ и я его; онъ споймъ и вашей дружбы, мои милые; для сего я хочу короче васъ съ нимъ познакомиться.

Баронъ Донъ Пьетро Росси изъ лучшей фамиліи въ Сициліи, родомъ изъ Палермы, наслѣдникъ богатаго опца, по смерти коего промоталъ имѣніе и пріѣхалъ въ Агосту, поправилъ бѣдные остатки своего состоянія. Здѣсь онъ женился на тихой благородной дѣвушкѣ, копорая, по его словамъ, не имѣетъ души и ни искры чувствительности; но вдругъ ея спараніемъ изъ развращеннаго распотчела, свѣискаго, разсѣяннаго молодого человека, сдѣлался спрогимъ философъ, оставилъ шалости, отказался отъ женщинъ и картъ, и вдался въ ученіе. Переименилъ такимъ образомъ жизнь, укротилъ въ два года бунтующія еще спраши: вотъ, что можетъ добродѣтельная жена. Думаю, что Баронъ обманывается, будто ее не любишь: довольно, если онъ признается, что преобразованиемъ своимъ ей обязанъ, онъ не можетъ быть неблагодарнымъ. Барону около 25 лѣтъ, женѣ 17, и въ такой цвѣту-

щей молодости она занимается одними дѣльми, которыхъ у нихъ двое. Я не слышалъ отъ нее ни одного жаркаго слова, извѣщающаго неперпѣніе или досаду, не видалъ ни одной улыбки или ласки къ мужу; рѣдкость въ Сицилійскомъ климатѣ! Я не вѣрю даже, чтобы Росси былъ когда либо шалуномъ, и между тѣмъ это правда, и исправленіемъ своимъ онъ обязанъ кропосши и благонаравію 17 лѣтней женщины. О женщины! женщины! Вамъ все возможно. Росси говоритъ и пишетъ по Французски и по Англійски, хорошій физикъ, липерашоръ и поэтъ. Мы всякой день видимся, ходимъ за городомъ; у насъ съ нимъ неисчерпаемый источникъ разговоровъ. Пріятно, въ разлукѣ съ вами, найши человека, съ которымъ можно дѣлать время. Полюбите его, любезные друзья, и пріобщите имя Дона Пьетра къ нашему братству *Ludibunda senectus*.

Госпи мои, всего до десяти особъ, пріѣхали около шести часовъ; мы сидѣли на шканцахъ, пили кофе, шутили, пока смерклось. Вечеръ былъ тихій и прекрасный; въ каютѣ Дона Пудда (племянница Росси) взяла мою гитару и съ Дономъ Балпазаромъ пѣла восхищательной дуэтъ. Она заставила и меня въ свою очередь пѣть. Меня похвалили; но М. ву, который пѣлъ Рускія аріи, они

удивлялись, слушали, молчали, и это расположило всѣхъ къ задумчивости. Я сидѣла подлѣ Доны Пудды; она смотрѣла въ окно на воду; я выглянулъ, и взоры наши тамъ сошлись. Этошъ взглядъ случайной, но можетъ быть не совсѣмъ скромный, принудилъ меня начать съ нею разговоръ, съ начала холодный, не значущій; но милая дѣвушка умѣла вывести меня изъ замѣшательства, умѣла оживить бесѣду, и въ заключеніе повѣрила мнѣ свою пайну. Видите ли вы, сказала она, эшаго ребенка въ синемъ серпукѣ: прежде нежели онъ родился, я ему была назначена; онъ мой женихъ, а сердце мое говоритъ за другаго; вошъ моя участь, пожалѣйте обо мнѣ. Сказавши, она опять взяла гитару, пѣла томныя Сицилійскія пѣсенки и очень задумалась. Жестокой обычай! думалъ я самъ съ собою, и подошелъ къ Донѣ Лукреціи.

Бѣдная дѣвушка! сказалъ я Лукреціи, какъ она мнѣ жалка.

Она можетъ предупредить свое несчастіе, возразила Дона Лукреція, твердо отказавшись отъ сего брака, или можетъ быть она къ нему привыкнетъ; но мои несчастія уже совершились, и скорбь продолжится до гроба. Тутъ съ чувствительностію рассказала она обѣщанную исторію своей жизни, которую въ кратцѣ вамъ и сообщаю.

Опець Доны Лукреціи былъ изъ знатныхъ и богатыхъ гражданъ Сиракузскихъ, гдѣ она родилась и воспитана. Лишившись матери еще въ колыбели, она росла сиротою, получила поверхностное воспитаніе; ей внушили, что она Баронесса, богата, и должна блистать въ большомъ свѣтѣ. Едва свершилось ей 15 лѣтъ, какъ уже окружили ее воздыхатели и женихи: но опецъ искалъ ей не деревенскаго жишеля въ мужья, но какого нибудь изъ знатныхъ вершопраховъ столицы. Такой сыскался, и не сдѣлавъ предложенія, жилъ съ нею подъ одною кровлею. Параличъ низвелъ неосторожнаго опца въ могилу. Предавшись на волю своего любезнаго, неопытная Лукреція мало поговала о потерѣ опца; но она не могла добродѣтелию побѣдить соблазнишеля; скоро слава ея померкла, и имя служило укоризною дѣвицамъ. Принуждена будучи удалиться въ деревню, поздно уже обратила вниманіе на поведеніе своего жениха: онъ ѣздилъ безпрестанно въ городъ, проигралъ всѣ наличныя деньги, и думалъ только о томъ, какъ устроитъ гибель Лукреціи и удовлетворишь своимъ прихотямъ. Наконецъ любовникъ увѣдомляеъ, что онъ посаженъ за долги въ тюрьму, и проситъ помощи. Первое ея движеніе было оставить неблагодарнаго, причинившаго ей столько огорченій; но усшу-

пая чувспвованію великодушнаго сердца и любви, продаєть имѣніе, выкупаєть милаго шалуна и оспаєтся только съ 1000 червонцевъ годоваго дохода. Любовникъ снова вкрадывается въ ея довѣренность и снова живєть съ нею въ одномъ домѣ. Лукреція щцательно наблюдаетъ его поступки и начинаєть сомнѣваться въ любви его. Чичизбей замѣчаетъ грозу, умножаетъ свои прищворныя ласки, убѣждаетъ ее переселиться изъ Сициліи. Лукреція продаєть оставшееся наслѣдство, кромѣ небольшого помѣстья, въ которомъ жила. Любовникъ видитъ, куда положены деньги, похищаетъ оныя и скрывается. Пятъ лѣтъ, надѣвши прауръ и заключившись въ своемъ помѣстьѣ, несчастная льетъ слезы; Агоспа оспалось одно мѣсто, куда она ѣздитъ къ старой родспвенницѣ, которая одна ее не покинула.

Такъ окончила она свою испорію. Тяжело видѣть споль коварнымъ образомъ обманутую, и слезы соспраданія навернулись у меня на глазахъ. Не судите ее спрого, мои милые: легковѣріе слѣдуетъ по пятамъ любви, всегда слѣпой.

Я проводилъ Лукрецію до дому и простился съ нею, кажесть, на вѣкъ. Ночью пришелъ фрегатъ Венусъ и намъ велѣно соединиться съ эскадрою.

На разсвѣтѣ, 12 Октябрю, ровно чрезъ годъ пребыванія моего внѣ отечества, подняли якорь и оставили Агосту. Я не успѣлъ просииться даже съ Барономъ. Прощай Агоста! сказалъ я, когда миновавъ крѣпость, выходили мы въ море. Пріятныя о тебѣ воспоминанія будутъ мнѣ служить оправдою въ часы свободы; теперь надобно заняться должностію, и я кончу описаніе Агосты еще однимъ замѣчаніемъ.

Въ XVI столѣтіи, во время сильнаго землетрясенія, жили въ ужасѣ, боясь быть раздавленными падающими зданіями, бѣжали за городъ. На рейдѣ стояли тогда пять Мальійскихъ галеръ; орденскіе мапрозы, пользуясь общимъ смятеніемъ, выбрали изъ церквей и домовъ, что стоило денегъ. Граждане возвращаясь въ городъ, видя въ его опустошеннымъ, болѣе руками человека, чѣмъ природою. Съ тѣхъ поръ Агоста бѣднѣетъ. Кто могъ примазать къ остаткамъ прежняго дома или построить новой, тотъ остался въ городѣ, а прочіе пошли съ сумою по свѣту. Агоста споль много претерпѣла отъ землетрясеній, что она нѣсколько разъ перестраивалась, то ближе къ морю, то дальше отъ него.

Море—Бѣдствіе. 23 Октября 1805.

Второй годъ опсупствія изъ отечества начался несчастнымъ для насъ произшествіемъ; но порядокъ пребудетъ дасть вамъ опчетъ со времени опправленія изъ Агосты до прибытія въ Сиракузы.

Октября 12. Предъ полуднемъ соединились мы съ эскадрою Командора Грейга, сопровождавшею 40 Англійскихъ транспортовъ съ нашими войсками, назначенныхъ въ помощь Неаполитанскому Королю. Капитанъ фрегата вручивъ депеши начальнику высадныхъ войскъ Генералу Анрепу и Командору, остался у послѣдняго обѣдать на кораблѣ Рапвизанѣ. Весь день погода стояла самая лучшая, солнце закатилось прекрасно, и ночь тихая и темная представила зрѣлище давно мною не виданное. Болѣе 50 судовъ, ярко освѣщенныхъ, безпрестанно мѣлькали предъ глазами. Вспрѣчаясь то съ одними, то обходя другія, мы тщательнo береглись, чтобы съ кѣмъ не сойшлись.

На другой день, когда лишь одна Эпна синѣлась въ горизонтѣ, душа моя была исполнена воспоминаніемъ пріятныхъ минутъ, проведенныхъ въ любезной для меня Агостѣ. Милыя мои знакомки, Лукреція и Пудда, какъ призраки стояли передъ мною.

Напрасно усилювався я превозмочь мрачное свое расположеніе; при дни представлялись миѣ одні прошедшія неудобольствія; при дни боролся я со страхомъ лишиться васъ, мои друзья, и ничѣмъ не могши заняться, всѣмъ огорчался, грустилъ, тосковалъ, и мечтанія, меня удручавшія, были предчувствіемъ печальнымъ, на дѣлѣ совершившимся.

Къ вечеру 13 Октябрю Капитанъ привезъ повелѣніе опсправиться намъ въ Неаполь, а эскадрѣ сдѣланъ былъ сигналъ итти въ

сѣ нами, и всею тяжестью своею давилъ фрегатѣ поперекѣ. При лунномѣ свѣтѣ намѣ лучше видно было опасное наше положеніе. Корабль и фрегатѣ, качаясь, ломили другѣ друга; ужасный прескѣ заглушалъ опчаянныя крики командующихѣ офицеровѣ; но когда первая минуша изумленія прошла, и всѣ люди выбѣжали на верхѣ, то принялись за дѣло, и какѣ на пожарѣ, каждый работалъ усердно. При первомѣ извѣстїи, что мы сошлись сѣ кораблемѣ, добраго нашего Капитана разбилъ параличѣ. Чрезѣ четверть

Богу, что эшаго не случилось нѣсколько прежде, горе бы намъ! погибель наша была неминуема. Не смотря на общее смященіе, радость, что шакъ легко опдѣлались отъ опасности, начертана была на нашихъ лицахъ.

Шпилями и легкими перемѣнными вѣтрами носило насъ въ виду мыса Спартивенцо: нѣсколько разъ входили мы въ Мессинской проливъ, но теченіе превозмогало и опять выносило назадъ. Наконецъ Октября 21 вѣтръ установился отъ сѣверо-запада; и мы на другой день къ разсвѣту пришли къ Сиракузамъ; но не могли войти въ самый портъ, положили якорь въ открытомъ морѣ подлѣ фрегата Крѣпкаго, занимавшаго бранвахщеный постъ. Послѣ полудни небо покрылось тучами, вѣтръ усилился и развелъ страшное волненіе; бросивъ другой якорь, опдали канату до 70 сажень. Фрегатъ Крѣпкій былъ у насъ за кормою очень близко, а отъ него до берега, усѣяннаго подводными камнями, не было и полуверсты. Такимъ образомъ мы снова были въ опасности. Если бы лопнулъ (*) у насъ канатъ, то оба фрегата бросило бы на берегъ. Буря

(*) Техническій терминъ, принятый у насъ на флотѣ. Я не смѣлъ его замѣнить другимъ употребительнѣйшимъ словомъ.

продолжалась двое суток; волненіе было
сшоль велико, чшо не было возможности ни
стоять, ни ходитъ. Богу угодно было со-
хранишь насъ въ другой разъ, и мы ежеми-
нушно ожидая гибели, увидѣли наконецъ и
свое спасеніе. Въпрѣ къ полудню спихъ;
Командоръ выслалъ 15 гребныхъ судовъ.
При поднятіи якоря канатъ лопнулъ; какое
щасіе, чшо онъ не порвался въ бурю. Въ
четыре часа мы вошли на буксиръ (*) въ
тавань.

СИРАКУЗЫ, 23 Октября.

Лишь только бросили якорь, множество
знакомыхъ Офицеровъ пріѣхали увѣришься,
живы ли мы. Къ вечеру всѣ разбѣхались и я
остался одинъ на фрегатѣ. Едва шумная
толпа удалась, пріѣхали мои, Росси, Ро-
заріо, Ласпорино, отецъ любезнѣйшей Доны
Пудды, и Донъ Балпазаръ пріѣхали посѣтитъ
меня. Я бросился обнимать одного за дру-
гимъ, какъ близкихъ моему сердцу, съ кошо-
рыми желалъ бы всегда быть вмѣстѣ. Лю-
безнѣйшіе друзья! вамъ надобно поставитъ
себя на мое мѣсто, чшобы во всей силѣ
чувствовать такое свиданіе, такую прі-

(*) Буксироваться, значитъ идти съ помощію
гребныхъ судовъ или другого корабля.

япную нечаянность. Я полагалъ, что они покойно живутъ въ Агостѣ и о мнѣ забыли; но они увидѣвъ, что фрегатъ проходитъ Агосту безъ парусовъ на средней мачтѣ, тотчасъ отправились въ Сиракузы. Въ продолженіи бури нѣсколько разъ приходили они на крѣпостную башню, и съ ужасомъ смотрѣли, какъ фрегатъ скрывался въ волнахъ. Милыя эши дамы раздѣляли съ нами опасность и конечно болѣе, нежели мы страдали и мучились, предвѣщая и воображая нашу неминуемую гибель. Гости пробыли у меня до полуночи: я былъ очень веселъ и доволенъ.

Приспавъ Сиракузская какъ ковшъ закрыта и безопасна со всѣхъ сторонъ. Городъ расположенъ на небольшомъ мысу и нѣтъ признака, чтобы это была знаменитая древняя Сиракуза. Сбѣжавши на берегъ, въ городъ встрѣтился съ Барономъ Росси и Дономъ Розаріемъ, которые извѣстили насъ, что дамы пошли дѣлать визиты и не прежде вечера возвращаясь домой. Всѣ удовольствія мои исчезли какъ сонъ, и я печальный возвратился на фрегатъ.

Послѣ обѣда съ двумя товарищами снова поѣхалъ на берегъ. Медленными шагами и съ наполненною мечтами головою пошелъ искать на удачу старой Сиракузы. День

былъ прекрасной. Не сворачивая съ дороги, мы прямо пришли къ крупнымъ скаламъ, на копорыхъ примѣтны развалины бывшаго обширнаго города. На равнинѣ, заключенной между горами и моремъ, валяющіяся разбитыя колонны, капищели, заросшія мохомъ и правую. Въ подошвѣ скалы высѣчены обширные покои со сводами, между коими замѣчанія достойны *Діонисіево ухо* (*).

Развалины дворца, гдѣ злой Царь, сидя въ кабинетѣ, подслушивалъ стоны несчастныхъ и умѣрялъ или усугублялъ ихъ мученія, и теперь видны на вершинѣ горы надъ самымъ Ухомъ.

Чичероне провелъ насъ на вершину горы, гдѣ нашли мы нѣсколько колоннъ, карнизовъ, такъ испорченныхъ, что ихъ едва опѣ просыхъ каменьева опличить можно; но огромный амфитеатръ, находящійся подлѣ мѣльницы, почти совершенно цѣлъ. Слупени для зрительей, галереи и часть оркестра ни мало не повреждены. Обширность амфитеатра доказываетъ многолюдство древней Сиракузы. И если все пространство, гдѣ я теперь стою, до

(*) Смотри Записки Морскаго Офицера, часть II страница 121.

моря было застроено, то городъ долженъ бытъ очень великъ. Провожашый указалъ намъ нѣсколько Греческихъ надписей, копорыхъ переводъ, сдѣланный Чичероніемъ на Сицилійское нарѣчіе, мы не поняли. Лучше признаться, чѣмъ солгать; я теперь по себѣ знаю, какой вѣроятности заслуживающъ рассказы путешественниковъ, не разумѣющихъ языка страны, копорую они описываютъ. Не пѣняйше, любезные друзья, если не обременю васъ учеными подробностями о древностяхъ, и проч. и проч.; довольно маперіи и пой, что вижу и поспигаю.

Осмотрѣвши амфиатръ, провожашый привелъ въ монастырь, гдѣ должно было сойти въ подземелья, проспирющіяся до самой Капаны. Престарѣлый монахъ, тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ, пригласилъ насъ сперва войти въ церковь, гдѣ зажегши свѣчи и взявъ ключи, отворилъ дверь, въ оградѣ находящуюся. Мы вступили въ небольшое зданіе, откуда по узкой лѣспницѣ спустились въ подземелье.

Спрашно, любезные друзья, бродить подземлею, еще спрашнѣ видѣть вокругъ себя гробы и кости умершихъ. Ожидая, что у дряхлаго монаха, отъ трясенія руки, свѣча скоро погаснетъ, я по невольному движенію приблизился къ молодой Англичанкѣ,

предложилъ ей мои услуги и увѣрилъ, что я хорошо замѣтилъ дорогу и могу въпошьяхъ вывести ее назадъ. Любопытство, сія общая спрасть людей, заставила забыть объ опасности, и мы болѣе часа шли или проползали все далѣе. Расположеніе сихъ кашакомбъ (*) подобно городу: проходы или улицы идутъ въ обѣ стороны отъ главной; на перекресткахъ есть площади, церкви, и повсюду въ стѣнахъ высѣчены ящики, наполненные костями. Монахъ сказывалъ намъ, что первые Христіане, во время гоненій, тайно приходили сюда молиться и здѣсь хоронили своихъ умершихъ; слѣдственно кашакомбы были храмомъ истинной вѣры и истинной печали. Сомнѣваюсь, чтобы кашакомбы простирались на 60 миль, до самой подошвы Эшны, какъ говорятъ всѣ путешественники, но ни одинъ изъ нихъ не думалъ въ томъ увѣриться. Я съ своей стороны не имѣлъ ни времени, ни охоты, и очень раскаявался, что употребилъ почти цѣлый день на осмопрѣніе кусковъ мрамора, гробовъ, костей и древняго, давно не существующаго города, когда въ новомъ ожидали меня милыя женщины.

(*) Въ древнія времена доставали камень на строенія, вырубая оный подъ землею, отъ чего и сдѣлались сіи обширные переходы.

Уже былъ вечеръ, когда отыскалъ я домъ, гдѣ онѣ пристали. Опускаю занавѣсъ на радостное свиданіе. Три часа показались мнѣ нѣсколькими минурами. Донъ Розаріо общался пріѣхавъ въ Мессину. Надежда видѣть ихъ усладила печальное проспи. Проспите и вы, друзья мои; извините, если чувства мои теперь исполнены желанія — обнять — только не васъ.

Море, 27 Октября.

Вчера мы вышли изъ Сиракузъ, нынѣ шпильюемъ въ виду Агоспы, и я думаю, что самые вѣтры повинуются моимъ желаніямъ. По повелѣнію Командора добрый нашъ Капитанъ принялъ фрегатъ Венусъ, а къ намъ назначенъ Г. Бакманъ.

Еще нѣсколько упомяну о Сиракузахъ новыхъ, ибо древнимъ я сдѣлалъ кое-какое описаніе: городъ, какъ я сказалъ, расположенъ на узкомъ мысу, обнесенъ высокою стѣною съ зубцами; нѣсколько укрѣпленій новыхъ, вооруженныхъ пушками, построены со стороны моря. Улицы не широки; одна площадь, окружена порядочными домами, остальные показываютъ бѣдность. Изъ церквей я ни одной не видалъ, а сказываютъ, что Соборная передѣлана изъ древняго храма, отъ котораго сохранились порфирныя колонны. Безъ сожалѣнія распался я съ Сиракузами;

ничто въ немъ мнѣ не нравилось , и самыя древности назвали вещью обыкновенною , жилили нищими очень неопрятными. Бышь можетъ , я не совсѣмъ правъ , ибо въ короткое время не успѣлъ осмотрѣть лучшаго и былъ дурно расположенъ. Главная же причина моего равнодушія , происходила отъ предубѣжденія къ любезной Агоспѣ: спра-спы всегда располагаютъ нашими мнѣніями; отъ нихъ мы станемъ собственными. Извините меня, любезные друзья , если я споль мало сказалъ вамъ о славныхъ Сиракузахъ. Здѣсь есть театръ , но прупа споль плохая , какой можно ожидать отъ спранспвующихъ актеровъ , у которыхъ и громъ , и воды , и лѣса , и замки , все укладывается на возахъ. При всемъ томъ они отъ насъ довольно поживились; и неудивительно , гдѣ бы Руской ни повернулся , тамъ вѣрно слѣды его означены золопою черпою.

Октября 30. Послѣ шпилей наступилъ легкій попушный вѣтръ , съ помощію копо-рагомы обогнули берега Сициліи. Изчезла изъ виду Агоспа , открылся Капанскій заливъ , городъ бѣлѣлся при подошвѣ сизой Эпны , по скапу копорой видны были дорожки , ведущія къ вершинѣ , перяющейся въ облакахъ. Разсмапривая ея жерло , и воображая бѣдспвія и гибель , изъ нее извергаемая , удив-

лялся могуществу Создателя, наслаждался симъ великолѣпнымъ явленіемъ природы и думалъ, что если бы Богъ пожелалъ вразумить идолопоклонниковъ и научить апостоловъ истинной вѣрѣ: то Онъ для убѣжденія поставилъ бы посреди ихъ огнедышащую гору.

Мессина, 31 Октября.

Вѣперокъ посвѣжелъ, мы шли весьма скоро, и послѣ полудня положили якорь на Мессинскомъ рейдѣ подлѣ Французской шебеки. Неаполитанцы не очень довольны сими госпіями; однако будучи съ ними въ союзѣ, по праву неупралишенна, позволяющъ Французскимъ корсерамъ продавать взятыя ими призы. Они почти каждый день приводятъ сюда Австрійскія суда. Императоръ, объявивъ войну, кажется, не думаетъ обезпечить свою торговлю морскою силою: но у него ее нѣтъ. Онъ надеется на союзниковъ, и не обманется: скоро всѣ эти корсеры исчезнутъ.

Неаполитанскій Король умно охранилъ себя отъ нападенія Варварійскихъ разбойниковъ, допущеніемъ въ Сиракузы Американской эскадры.

Я удивлялся роскошной чистотѣ и прочности канонерскихъ лодокъ, кои пришли

шуда чрезъ Океанъ. Все, что я на нихъ видѣлъ, достойно подражанія. Американскіе Офицеры очень богато содержатся и ни мало намъ не уступаютъ въ моповспѣхъ. Они у Алжирцовъ много взяли судовъ и раззорили всѣхъ Деевъ.

2 Ноября. Сего дня обѣдали мы у ловкой Француженки, у которой кофейный домъ на набережной пропиву самого нашего фрегата. Послѣ обѣда пошли въ театръ, гдѣ давали драму, о которой ничего не умѣю сказать добраго, худаго однакожъ не было. Имя Женерозы, молодой прелестной актрисы, чуть меня не соблазнило.

7 Ноября. Всякой день былъ я на берегу и посѣщалъ нашего Генеральнаго Консула Г. Бекера, (который зналъ моего дядю). Онъ меня ласкаетъ и общалъ ввести во многіе дома; но я удовольствовался однимъ: на конверсаціи у Маркиза Сквилачи слышалъ я голосъ нѣжной Сафо, видѣлъ прелести Елены, удивлялся уму Аспазіи, и всѣ эти блестящія достоинства соединены были въ Миссъ Гварингтонъ.....Вы назовете меня Сердечкинымъ: воля ваша, но для меня не возможно не опдать справедливости превосходному, рѣдкому творенію природы. Если бы вы видѣли, съ какою легкостью танцевала она съ двоюродною сестрою,

споль же прелесною , Неаполишанскую Тараншелу : то и вы воскликнули бы со мною: вошѣ двѣ Граціи. Окончу мою исповѣдь: съ наполненною мечтами головою я побрелъ за своими на фрегатѣ , легѣ спать, и образъ Miss Guarrington превожилъ мой сонъ; но меня разбудили на вахту и мечты исчезли.

8 *Ноября*. Вышедъ изъ города, пришли въ Бенедикпинскій монастырь, гдѣ монахи всѣ богаче дворяне. Монастырь ихъ строился, и съ окончанной колокольни видѣ прекрасный: съ одной стороны проливъ , на которомъ безпрестанно двигаются суда; городъ, поля и горы съ прочихъ представляющъ очаровательные виды, достойные кисти лучшихъ живописцевъ. Но мнѣ все что-то было грустно , и милая Француженка Марианна, у которой ужиналъ, и прелесная Женероза , которой рукоплескалъ усердно въ оперѣ, не могли меня развеселить.

10 *Ноября*. До самыхъ сумерокъ бродилъ предъ балкономъ , ждалъ увидѣть ее , но тщетно , и положилъ подъ какимъ нибудь предлогомъ завтра войти къ ней въ домъ. Не смѣйшесь надъ моею искренностію, или я замолчу.

11 *Ноября*. Желаніе мое исполнилось. Капитанъ поручилъ мнѣ спросить, нѣтъ ли у

Г. Гварингтона продажныхъ деревьевъ для мачты. Меня ввели въ гостиную, гдѣ за чайнымъ столомъ въ упренномъ легкомъ плащѣ сидѣла прелестная Миссъ съ своею сестрою. Первая подала мнѣ спулъ: я не успѣлъ предупредить ее, смѣшался, сѣлъ, и вся смѣлость моя исчезла. Едва могъ я держа чашку, чуть не облилъ себя чаемъ, и похожъ былъ на студента, прѣбывающаго по окончаніи курса наукъ въ домъ родительскій. Меня привѣщивали, спрашивали о здоровьѣ, и я кое-какъ отвѣчалъ по Французски. Не могши припши въ себя, желалъ скорѣе уйти; но отецъ удержалъ меня съ намѣреніемъ показати купца, у котораго можно найши мачшовыя деревья. Онъ вышелъ одѣваться, я оспался съ двумя дѣвушками, и спыжусь сказать, что не могъ начать разговора, кромѣ весьма обыкновеннаго: о погодѣ. Къ щастію отецъ пришелъ, и я не хотѣлъ уже выпши. Таковы мы, всѣ смѣлы за глазами, а въ присутствіи агнцы. Таковы люди: ищущъ, а сами не знающъ, чего. Оспальное не важно: лѣсъ купили, а отецъ пригласилъ меня завтра вмѣстѣ съ Капитаномъ обѣдать. Я былъ въ восхищеніи; но не безпокойтесь, мои друзья, мечпанія мои кончились безъ бѣды. Я разсудилъ и увидѣлъ, что Миссъ Гварингтонъ слишкомъ уже хороша, чтобы я могъ въ нее влюбиться.

12 Ноября. Воскресенье: Мессинскій Губернаторъ Генералъ Гвиллини пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать. Капишанъ далъ слово; теперь судите о моей досадѣ не видавъ прелестную Миссъ. Къ нимъ послали отказать. За столомъ, весьма наряднымъ я морщился съ горя, скучалъ эпикешомъ, и думалъ пошчасъ послѣ обѣда уйши, но принужденъ былъ пащиться въ театръ и такимъ образомъ пошерялъ весь день.

17 Ноября. Мачта была уже на мѣстѣ, и мы вооружились, какъ баронъ Росси привезъ изъ Агоспы письмо отъ Дона Розаріо и боченокъ Амарены (*). Я пошъ же день отпѣчалъ ему и упѣшался, что меня еще помнятъ.

Завтра намѣрены мы выпши изъ Мессины. Съ крайнимъ сожалѣніемъ проспился съ Піетромъ. Я поплылъ въ Неаполь, онъ поѣхалъ въ Агоспу; участь путешественниковъ такова: едва успѣшъ свеспи крошкое знакомство, какъ надобно разлучиться.

Море. *18 Ноября.*

При свѣжѣмъ юго-западномъ вѣтрѣ, имѣя подъ конвоемъ чепыре Неаполипанскія судна, вышли изъ Мессины. Обошедъ фаро,

(*) Приготовленная въ уксусѣ рыба.

примѣтили подѣ берегомѣ небольшую галеру, копорая показалаь намѣ подозрительною. Капитанѣ приказалѣ за нею гнасться, а конвою сдѣлать сигналѣ слѣдовать впередѣ. Галера на веслахѣ пошла къ берегу. Чшобы подойти къ ней на пушечный выстрѣлѣ, намѣ надобно было сдѣлать нѣсколько поворотовѣ. Французы (по поднятному прехѣцѣшному флагу) замѣшивѣ намѣреніе, выпащили галеру на берегѣ, а экипажѣ скрылся между каменьями и занялѣ ближайшіе дома. Свѣжій противный вѣтрѣ и мѣлководіе препящсвовало подойти къ берегу довольно близко, не пошерявѣ на то много времени; а спастѣ на якорь далѣе карпечнаго выстрѣла и посласть одни шлюпки для нападенія, было бы бесполезно и опасно потому, что у берега море сильно волновалось. Почему, оставивѣ предпріятіе, догнали свой конвой къ вечеру.

19 Ноября. Пользуясь благополучнымѣ вѣтромѣ, мы уже прошли заливѣ Поликастро; завтра, надѣюсь, будемѣ въ Неаполѣ, а теперѣ скажу вамѣ что нибудь о Мессинѣ. Вамѣ извѣстна ея древность, многолюдство и торговля; она и теперѣ на томѣ же мѣстѣ, на которомѣ означаютѣ ее древніе географы. Частыя землетрясенія разрушили лучшую часть города. Главныя улицы широки и опрятны, но прочія тѣсны

и грязны. На первыхъ дома высоки, съ престолспыми спѣнами и сводами, на послѣднихъ улицы кривы и дома въ одинъ этажъ, построены не по порядку и не въ линіяхъ; отъ чего не смотря, что площади украшены монументами и фоншанами, церкви обременены богатствомъ, городъ самъ по себѣ довольно безобразенъ. Но превосходная гавань, живописныя окрестности, лимонныя и меранцовыя рощи доставляющъ Мессинѣ многія выгоды. Въ немъ можно найти все то, что въ большихъ богатыхъ приморскихъ городахъ. Жители, какъ и въ Неаполѣ, по наружности бѣдны; а между женщинами остался Африканскій обычай: выходя изъ дома, закрывать лице бѣлымъ покрываломъ такъ, что едва глаза видны; одѣваясь онѣ по Испански всегда въ черное шелковое платье. Во всей Сициліи обычаи Сарацынъ и Испанцевъ еще сохраняются. Нѣкоторые писатели справедливо замѣчаютъ, что нравы Сицилійцевъ ближе къ Африканскимъ, нежели Европейскимъ. Пока довольно о Мессинѣ: зовущъ пишь чай и близка моя вахта.

20 *Ноября*. Послѣ полудни пришли въ Неаполь и спали на якорь въ срединѣ Англійскихъ и Неаполишанскихъ кораблей. Командоръ Грейгъ пришелъ пому нѣсколько дней, и войска продолжающъ высаживаться. Неа-

полишанцы вспрѣчаютъ прекрасные полки наши съ нелицемѣрнымъ восторгомъ, почитаютъ насъ сильными и искренними друзьями, что рѣдко вмѣстѣ бываетъ; но увидимъ послѣ, чѣмъ это начало кончится.

Н е а п о л ь, 23 Ноября.

Англичане получили извѣстіе о славной побѣдѣ, одержанной Лордомъ Нельсономъ надъ соединеннымъ Французскимъ и Испанскимъ флотомъ при Трафалгарѣ. Въ семъ сраженіи обожаемый націею Нельсонъ, одинъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ Адмираловъ, убитъ пулею. Въ честь и память его Англійскіе корабли, спуская до половины мачтъ флаги, черезъ минушу палили изъ пушекъ цѣлый день. Нельсонъ заслужилъ споль великія почести; но долго ли о немъ будутъ помнить? Безъ сомнѣнія не болѣе, какъ и о другихъ. Почивайте въ мирѣ великіе люди; не мы васъ славимъ.

Мы приглашены были на Англійскій фрегатъ Амбюскедъ. За обѣдомъ Спромбольское, Лакрима - Криспи и Фалернское вино лилось и пѣнилось въ бокалахъ. Не думаю, чшобы въ Трафалгарскомъ сраженіи пролило болѣе крови, чѣмъ мы выпили вина. Англичане были веселы, по своему любезничали, пѣли пѣсни и спорили. Я кое-какъ извяснялся по Англійски и меня очень

полюбили. Послѣ чаю, Лейтенанты Кингъ и Бизетъ предложили ѣхать на другіе корабли; но Капитанъ прислалъ сказать, что мы должны идти въ море по секретному повелѣнію.

ВЪ КРЕЙСЕРСТВѢ.

24 Ноября. Въ продолженіе ночи мы изготовились къ походу, а по утру въ 8 часовъ при маловѣтріи пошли въ крейсерство къ Генуѣ и между Корсикою и Сардиніею, для поисковъ надъ Французами. Война началась.

27 Ноября. Перемѣнными, легкими вѣтерами мы уже прошли Чипа-векіо и Римъ, но въ такомъ дальнемъ разстояніи, что едва видѣли берега.

30 Ноября. Уже третьи сутки продолжается жестокая буря отъ запада и сѣверо-запада. Вѣтръ и волненіе столь сильны, что насъ подъ одними нижними парусами носитъ по морю, какъ легкое перышко. Скучно такое положеніе; я и хотѣлъ бы писать, но качка препятствуетъ.

4 Декабря. Мы опяť въ Неаполѣ. Здѣсь на рейдѣ зыбь ужасная: корабли то топъ, то другой тащитъ съ прехъ якорей; у всѣхъ спущены спенги и реи; но въ морѣ еще хуже: мы преперѣли много, и едва

не нырнули на дно. Перваго числа перемогая бурю, не могли долѣе держаться въ морѣ: паруса изорвало, фрегатѣ сильно попекѣ, и мы принуждены были спуститься отѣ вѣтра. Со втораго на третіе число безѣ парусовѣ, въ одни снасти, въ темную ночь, пришли къ узкимѣ проливамѣ между Прочидою, Искіею и другими маленькими, насупротивѣ Баіи лежащими островами. Счисленіе, по причинѣ, что уже нѣсколько дней не показывалось солнце, не могло быть вѣрно; Капитанѣ не зналъ точно, куда ведетѣ нашѣ путь (взгляните на карту, и увидите, что проливы сѣснены грядami подводныхѣ камней); почему и надобно было рѣшиться на отчаянное и послѣднее средство. Поставили марсели, привели въ бейдевиндѣ, ежеминутно ожидая или пощепить мачты, или быть залипыми волнами; однакожѣ благополучно снова вышли въ море, гдѣ до разсвѣта пролежали въ дрейфѣ. Богѣ спасаетѣ вѣрующихѣ въ Него: Онѣ, видимо, простерѣ къ намѣ Свою десницу и спасѣ даже тѣхѣ, которые болѣе всѣхѣ подвергали жизнь свою опасности. Мордвиновѣ больной, узнавѣ о бѣдственномѣ нашемѣ положеніи, вышелѣ на верхѣ, помогѣ намѣ совѣтомѣ и опытною своею отважностью. Не смотря на градѣ, дождѣ и полученную простуду, онѣ выздоровѣлъ.

Неаполь, 7 Декабря.

У насъ обѣдали Англійскіе Офицеры съ фрегата Амбюскеда и корабля Экселента, мы пили за здоровье Купузова, который разбилъ Французовъ при Кремсѣ. Дай Богъ, чтобы успѣхи всегда сопровождали нашихъ воиновъ.

9 Декабря. Сего дни Рускія, Англійскія и Неаполишанскія войска, числомъ до 60 тысячъ, подъ начальствомъ Генерала отъ Инфантеріи Ласси, который давно жилъ здѣсь инкогнито, выступили къ границамъ. Я нарочно побѣхалъ на берегъ, чтобы видѣть Короля. Войска поставлены были по набережной Каи: нашихъ было при полка, Англійскихъ 3000, а Неаполишанскихъ одна гвардія, прочія уже въ походѣ (*).

Сердце радовалось, смотря на прекрасный видъ нашихъ полковъ; мужество и крепость ясно выражались во всякомъ оборотѣ и пріемѣ. Между шѣмъ Англійскія и Неаполишанскія войска въ щегольскомъ нарядѣ казались Пигмеями, болѣе для парада, чѣмъ для войны изгошвленными. Окна и крыши

(*) Россійскія войска состояли изъ слѣдующихъ полковъ: Сибирскій гренадерскій, Козловскій, Кольванскій и Вишебскій пѣхотные, 13 и 14 Егерскіе полки.

домовъ покрыты были народомъ. Около 3 часовъ по полудни добрый Фердинандъ съ Королевою въ позолоченной каретѣ (*), сопровождаемый Принцами и Принцессами своего Дома, придворными и военнымъ шпабомъ, тихо проѣхалъ; ему салюповали преклоненіемъ знаменъ и прочими почестями. Его Величество вышелъ изъ кареты, на правомъ флангѣ, наши гренадеры усердно ему кликнули: здравія желаемъ Вашему Величеству! Король остановился, снялъ шляпу, низко поклонился; радость и удовольствіе были у него въ глазахъ, и конечно въ сердцѣ. Народъ криками: *Да здравствуетъ Король, да здравствуетъ нашъ отецъ!* и рукоплесканіемъ довершилъ сію чувствительную сцену. Король прошелъ вдоль всего строя; Англичане и Неаполитанцы также его привѣщивали. Послѣ сего Ласси представилъ Его Величеству

(*) Королевскій экипажъ заслуживаетъ вниманіе древностію своею и особаго рода великолѣпіемъ. Представьте себѣ продолговатый ящикъ съ вырѣзными окнами, внутри и снаружи вызолоченный, на верху коего положена огромная позлащенная корона, окруженная множествомъ разноцвѣтныхъ перьевъ. Представьте себѣ сіе тяжелое зданіе, влекомое 12 прекрасными лошадьми, обремененными пестрыми шелковыми лоскутьями, серебряными погремушками и драгоценными каменьями.

Генералишетъ. Наружность Короля привлекательна. Продолжительное его нещасіе внушаетъ къ нему особенное уваженіе. Онъ съ рѣдкимъ для Царей добросердечіемъ и искренностію поручилъ судьбу свою Союзникамъ, и войска пронулись. Народъ сопровождалъ оныя радостными восклицаніями далеко за городъ.

Портичи и Геркуланъ, 15 Декабря.

Не смотря на пасмурную погоду, мы въ шроемъ сѣхали на берегъ, наняли карету, и поскакали въ Порпичи.

Порпичи и Резина, лежащія при подошвѣ Везувія на берегу моря въ пріятнѣйшемъ мѣстоположеніи, можно почестъ предмѣспіемъ Неаполя, хотя онъ и находящся отъ онаго въ семи верстахъ. Дорога, образующая набережную полуцѣркулемъ, вымощена плитами лавы; съ сѣверной ея стороны почти непрерывно встрѣчающся прекраснѣйшіе загородные дома, окруженные садами.

Мы остановились въ трактирѣ подъ названіемъ Св. Антонія. Привѣтливая хозяйка отвела намъ горницу: мы пріѣхали, сказалъ ей, непременно поѣсть Королевскихъ сосисекъ (*), имѣть блюдо лучшихъ макар-

(*) Сосиски на откupu, и пошому называютъ ихъ Королевскими.

новѣ, а прочее, что тебѣ угодно. Есселенза: (Ваше Превосходительство — такъ обыкновенно величаютъ насъ здѣсь), сегодня пятница, однако же для чести, которую мнѣ сдѣлали, я сама схожу на Королевскую кухню и попытаюсь достать сосисекъ. Бога ради, моя милая, непременно изъ Королевской кухни: мы нарочно за симъ пріѣхали. Въ ожиданіи обѣда, сѣли въ карету и велѣли везти себя въ Геркуланъ, который не далеко, прямо подъ ногами нашими.

Вамъ извѣстно, любезные друзья, что Порпичи стоить надъ Геркуланомъ, древнемъ, богатомъ и многолюдномъ городѣ, который вмѣстѣ съ Помпеею и Стабіею залилъ лавою при бывшемъ изверженіи Везувія въ 79 годѣ по Р. Х., столь краснорѣчиво описанномъ Плиніемъ Младшимъ.

Мѣстоположеніе сего несчастнаго города было неизвѣстно; а знали только то, что онъ находился близъ Везувія. Ошкрытіемъ Геркулана обязаны случаю, и вотъ какимъ образомъ: въ 1720 году, копая колодезь, которымъ и теперь сходятъ въ сей городъ, во спа фузахъ подъ землею нашли зданія. Дабы ошкрыть весь Геркуланъ, надобно разрушить Порпичи; но на такое пожертвованіе конечно не согласился и, кажется, не возможно снять столь тяжелую массу крѣпкой лавы.

Пробравши дворець, карета остановилась у садовой стѣны; спорожъ отворилъ дверцы, далъ каждому по восковой свѣчѣ и указалъ узкую лѣстницу, по которой мы спустились подъ землю. Съ удивленіемъ увидѣлъ я предъ собою обширный амфитеатръ, начало улицы и нѣсколько комнатъ частныхъ домовъ. Улица довольно широка и пряма, съ обѣихъ сторонъ идущъ прекрасные прогуляры, вымощенные лавою.

Въ амфитеатрѣ, по концамъ оркестра, въ надписи на Латинскомъ языкѣ сказано, какимъ образомъ погибъ Геркуланъ. Несчастное сіе происшествіе и спукъ экипажей, пробѣгающихъ надъ головами нашими въ Порпици, потрясъ мою душу; я не могъ, подобно любителямъ древностей, спокойно и равнодушно разсматривать обломки и оспапки зданій, коими раздавлены не одна тысяча людей; припомъ темнопа, не смотря на факелы, въ семъ сыромъ подземельѣ споль велика, что почти ничего не видно; почему спѣшилъ выпши на свѣшъ, и приказалъ везти себя въ *Фавориту*, Королевскій дворець, находящійся при выѣздѣ изъ Порпици.

Остановясь у воротъ, мы послали сказать, что Рускіе желаютъ видѣть дворець. Швейцаръ позвонилъ въ колоколъ, по кошо-

рому вышелъ Офицеръ , какъ кажется, съпришель замка; онъ оперъ дверь у кареты и учтиво спросилъ билета. Я отвѣчалъ, что мы не полагали имѣть въ немъ нужды. Поэтому, что вы Рускіе, съ поклономъ отвѣчалъ Офицеръ, я готовъ къ вашимъ услугамъ. Онъ провелъ насъ дворомъ, и по прекрасной мраморной лѣстницѣ ввелъ въ покои. Двое слугъ бѣгали по комнапамъ, открывая двери и ставни у оконъ.

Фаворита не опличается великолѣпіемъ и богатствомъ, но прелестными садами, которые съ одной стороны простираются къ морю, съ другой занимаютъ подошву Везувія. Остывшая лава и теперь еще примѣтна въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: разбитыя колонны и мраморные куски, вынутые изъ Геркулана, лежатъ разбросанные въ семъ же саду. Дворецъ сей однимъ вельможею подаренъ Королю, который иногда даетъ праздники въ прекрасной залѣ, особеннымъ расположеніемъ заслуживающей вниманіе. Зала ниже покоевъ, въ нее сходятъ двумя лѣстницами изъ гостинныхъ; она темна и освѣщается множествомъ люстръ; прочіе покои убраны очень просто, въ нѣкоторыхъ есть древнія карпины изъ Геркулана и Помпеи, а въ одной виды Сицилійскихъ городовъ превосходной работы. Изъ рѣдкостей я замѣ-

пила два спола изъ окаменѣлаго дерева, овальные, величиною аршина въ полтора, и нѣсколько мозаическихъ споловъ съ бронзовыми ножками. Изъ древнихъ шпагъ, найденныхъ въ Геркуланѣ и Помпеѣ, почищаются превосходнѣйшими: раненый Гладіаторъ, Ариспидъ, Анпиной и Венера Каллипидже; шпаги сіи такъ хороши, что, кажутся, движутся. Скульпторъ, который изобразилъ положеніе перваго и послѣдней, имѣлъ прекрасное воображеніе. Искусство, которое бы онъ долженъ скрыть, какъ нарочно вездѣ показывается.

Любители древности найдутъ здѣсь большое и рѣдкое собраніе художественныхъ произведеній, лежавшихъ 17 вѣковъ подъ пепломъ и лавою Везувія. Древнія лампы, урны, вазы и канделябры опличаются вкусомъ и превосходною работою. Смотри на оныя, можно согласишься, что произведенія нашихъ художниковъ, въ сравненіи съ древними, только ученическія. Одна лампа, какъ милая выдумка живаго воображенія, очень мнѣ понравилась: при маленькія пшички держатъ ее на головахъ, всѣ вмѣстѣ присѣдаютъ, распускаютъ крылья и, кажется, хотятъ унести лампу. Въ картинахъ всѣ предметы сняты съ природы, въ нихъ все вмѣстѣ нравится взору, хотя въ нѣкто-

рыхъ рисовна не совсѣмъ исправна. Въ оставленной *Дидонѣ* каждая черта лица, каждое движеніе сильно изображаетъ опчаяніе. Въ *Тезеѣ*, ласкающемъ дѣшей, и въ прелестномъ *Ахиллесѣ* все предвѣщаетъ героя. Миѣ кажется, что древніе всего лучше умѣли говоришь о любви. Въ картинахъ сего рода вездѣ видно нѣжное и благородное чувство. На примѣрѣ: *Амуръ*, взявши письмо у Галафеи, мчится по волнамъ на Дельфинѣ; *Діана* тихо спускается на прозрачномъ облакѣ къ любезному Ендиміону. *Амуръ*, привязавши пару голубей къ земному шару, одною рукою съ значительною улыбкою погоняетъ ихъ хлыстикомъ, другою какъ дитя ловитъ летящую предъ нимъ пеструю бабочку. *Фавнъ*, поднявшись на цыпочкахъ, въ восторгѣ, въ испугѣ, цѣлуетъ спящую нимфу. Она пробуждается, робѣетъ и слабо сопротивляется. Всѣ лица только что не говорятъ.

Я не видалъ двухъ конныхъ мраморныхъ статуй Проконсуловъ Бальбовъ, кои найдены въ Геркуланѣ. Думаю, что оныя, какъ и многія сокровища, отправлены въ Палерму.

Осмотрѣвъ дворецъ, надобно было щедро подарить Офицера, но у насъ осталось мало монеты, такъ что швейцару, ожидавшему уже въ нарядномъ кафтанѣ съ позла-

щеннымъ жезломъ, досталось только нѣсколько копѣекъ, а за уплатою пракширцицѣ и извощику, удержалось въ кошелькѣ не болѣе палера. Проливной дождь и сильный вѣтръ препятсвовалъ ѣхать на фрегатъ; мы принуждены были занять у знакомаго респоратора нѣсколько червонныхъ, и ишши въ глухую ночь по колѣно въ грязь искашь пракшира, гдѣ можно было бы ночевать. Мы заходили въ четыре дома, споль неопытные, что не хотѣли въ нихъ остаться, и принуждены были въ пятомъ, также нечисломъ, лечь спать въ сыромъ чуланѣ.

Баія, 19 Декабря.

Вчера перешли мы изъ Неаполя въ Баію. Не сбѣзжая на берегъ, можно повѣрить, что находишься въ одной изъ Римскихъ гаваней: повсюду представляются великолѣпныя развалины храмовъ, амфитеатровъ и огромныхъ зданій, нѣкогда принадлежавшихъ Силлѣ, Цицерону и богачу Лукуллу. Западные берега залива очень крупы и похожи на кирпичныя стѣны, мѣстами обрушившіяся. Крѣпость, лежащая на вершинѣ скалы, окружена древними развалинами, копорыя вѣроятно были нѣкогда шеплицы и загородныя дома. Восточный берегъ не споль высокъ и мѣстами низокъ. Къ сѣверной сторонѣ залива, новая гора и другія двѣ,

за нею стоящія, составляютъ рядъ постепенной возвышенности, весьма пріятной для глазъ. Хотя вездѣ видны слѣды землетрясенія: но сіи горы и долины, одѣтые зеленью; сіи пышные сады, украшенные развалинами, омываемые минеральными ключами; и сіи вѣчногорящія поля, окружающая заливъ, составляютъ восхищительное зрѣлище.

Зимою на Неаполитанскомъ рейдѣ стоять невозможно, въ Баіи же отъ всѣхъ вѣтровъ, кромѣ южнаго, можно найти спокойное и безопасное убѣжище, не спрашась ни бури, ни волненія. Въ Байскомъ заливѣ помѣститься можетъ до ста кораблей. Лучшее якорное мѣсто находится между старой и новою батареями, на глубинѣ отъ 5 до 12 сажень; грунтъ иль съ правою; также у Пушцолы, на глубинѣ 10 сажень, гдѣ можно привязываться къ столпамъ, сохранившимся отъ Калигулина моста. Посреди залива глубина простирается до 25 сажень. Сѣверный берегъ усѣянъ множествомъ подводныхъ и надводныхъ камней, также древнихъ зданій, покрытыхъ водою. На вершинѣ крутой скалы, въ которой изсѣчены Нероновы бани, видна надпись изъ большихъ буквъ бѣлаго мрамора. Изъ Баіи опускается значительное количество фарфоровой глины и сѣры.

Входъ въ Баію ограничивается Мисенскимъ мысомъ и оспровомъ Низидою: у перваго еспь для малыхъ судовъ хорошая гавань, въ коей нѣкогда стоялъ Римскій флотъ. Низида также имѣетъ небольшой заливъ, названный, по сходству съ павлинымъ хвостомъ, Порто Павоне (Павлиная гавань). Посреди оспрова, который не болѣе трехъ верстъ въ окружности, на самой высотѣ виденъ развалившійся замокъ съ башнею; близъ порта церковь и нѣсколько домовъ; все оспальное покрыто виноградными и масличными деревьями. Низида, сохранившій древнее свое Греческое названіе (маленькій оспровъ), имѣетъ видъ пріятный и веселый. Онъ принадлежалъ Лукуллу, и Брутъ удался на него по убіеніи Цесаря.

Мнѣ хотѣлось побродить вокругъ прелестной Баіи, наглядѣться на оспатки Римскаго величія и роскоши; но конвой (*) нашъ уже подъ парусами, и я, не бывши на берегу, иду, и самъ не знаю куда.

Г л а в а, 20 Декабря.

Пріятно перемѣняешь мѣста и, такъ сказавъ, летишь изъ порта въ портъ. При

(*) Конвоемъ называется нѣсколько купеческихъ судовъ, идущихъ подъ защитою военнаго корабля.

пихомъ вѣпрѣ перешли мы отъ Баи 40 миль, совсѣмъ того не замѣшивъ. Едва успѣли бросить якорь, съ судовъ, кои были у насъ подъ конвоемъ, перевезли на берегъ рекрутъ, присланныхъ для укомплектованія гарнизона.

Гаешскій портъ состоишь изъ двухъ высокихъ и крупныхъ горъ, шириною при входѣ около 4 миль, а во внутрь простирается не болѣе одной. Обыкновенно спановятся на якорь близь города на 12 и 15 саженьхъ глубины; но чѣмъ бытъ болѣе въ закрытіи, должно бросить якорь на 3 и 4 саженьхъ; грунтъ иль съ правою, ошваршовившись къ самой крѣпости. Далѣе половины стѣнъ, считая отъ крайняго угла къ морю, есть подводные каменья, равно какъ и посреди залива, по причинѣ большой глубины и бывающаго съ моря волненія, ошанавливаться опасно. Рейдъ открытъ только западнымъ вѣтрамъ.

Гаеша не только по укрѣпленіямъ, но и по неприступному положенію почищается въ числѣ первокласныхъ крѣпостей, копорыя природа и искусство совокупно дѣлають непобѣдимыми. Гаеша, подобно Гибралтару, занимаеть узкой, высокой и крупной мысѣ, обнесенный каменнымъ валомъ, а на перешейкѣ поставлены двойныя, сильныя укрѣпленія. Если крѣпость не будетъ осаждена

съ моря и сухаго пущи, шо и голодомъ взять ее не возможно. Осаждающіе должны ограничиться однимъ бомбардированіемъ. Городъ самъ по себѣ ничего не значитъ; кромѣ нѣсколькихъ домовъ, казармъ и дурнаго прахшира, нѣтъ ничего, замѣчанія достойнаго.

Гаепу должно считаться древнѣйшимъ городомъ въ Италіи, ибо основанъ прежде Рима. Виргилій производилъ имя ее отъ *Каеты*, кормилицы Энеевой. Послѣ упадка Римской Имперіи составлялъ Республику, а потомъ управляемъ былъ Герцогами подвластными Папѣ; въ 1435 году Алфонсъ, Король Аррагонскій, осаждалъ ее безъ успѣха; въ 1702 году Даунъ, Австрійскій Генералъ, взялъ ее приступомъ, наконецъ выдержавъ чепырехъ-мѣсячную осаду противу соединенныхъ силъ Франціи, Испаніи и Сардиніи, сдалась на договоръ.

21 Декабря. Принцъ Гессенъ-Филипсшальскій, Губернаторъ Гаепскій, прислалъ Адъютанта звать Капитана и всѣхъ Офицеровъ на вечеръ. Его Свѣтлость принялъ насъ безъ околичностей и съ такою свободою, по которой можно заключить о веселомъ его характерѣ. Отличная музыка состояла изъ Офицеровъ; Принцъ самъ, взявъ скрипку, попеременно шо игралъ, шо танцевалъ. Ужинъ былъ самой военной: Принцъ шу-

шилѣ, смѣялся, и не прежде отпустилѣ насѣ, какѣ вѣ 4 часа за полночь : признаюсь , я не видалѣ Принца любезнѣ сего; правда, что мало я ихѣ и видалѣ. Вѣ немѣ нѣшѣ ничего придворнаго; онѣ дышетѣ только войною. Гаеша доказываетѣ его дѣяшельность и спрость кѣ службѣ ; крѣпость содержишя вѣ совершенной исправности и Неаполитанцы его похожи на нашихѣ гренадеровѣ.

22 *Декабря*. Принцѣ сдержалѣ слово: по утру приѣхалѣ на фрегатѣ , завтракалѣ и пробылѣ у насѣ болѣе часа. Онѣ запретилѣ дѣлать себѣ почести; угощеніе же принялѣ сѣ свойственною ему любезностію. Мы надѣмся, что онѣ былѣ доволенѣ нашимѣ приемомѣ.

Едва Принцѣ уѣхалѣ, мы снялись сѣ якоря, и отсалютовавѣ крѣпости, пошли обратно вѣ Баію сѣ прежними чепырью судами. Вѣпрѣ намѣ попутный.

Б а і я , 23 *Декабря*.

Пользуясь хорошимѣ временемѣ, мы всякой день ѣздили осматривать древности. Приятныя мѣста отѣ Баіи до Миссенскаго мыса покрыты оными. Не берусь описать всего видѣннаго : для сего надобны цѣлые томы; однако же расскажу вамѣ о томѣ, что обратило на себя мое вниманіе.

Баїя, прелестная по наружности, представляеѣ нѣсколько бѣдныхъ хижинъ, разсѣянныхъ между великолѣпными развалинами. Городъ окруженъ громкими названіями замковъ (Villa) Марія, Помпея, Цезаря, Пизона, прїѣзжавшихъ сюда лѣннисься, опдыхать, упучнятъ тѣло и истощають карманы; а теперь тамъ, гдѣ золото составляло послѣднее украшеніе, гдѣ распущенный жемчугъ поглощался съ Фалернскимъ виномъ, живутъ неопряжные крестьяне съ своимъ домашнимъ скотомъ. Всѣ вещи въ мірѣ спарѣютъ, должны измѣняться, и хопя наспорящее рѣдко улучшается прошедшимъ, но увидѣвъ сихъ нищихъ среди изобилія, сихъ выродившихся и замаранныхъ Римлянъ, удивишья—и по неволѣ пожмешъ плечами.

Гробница Агриппины болѣе походитъ на амфитеатръ, нежели на печальный мавзолей. Кучи камней сполько же походятъ на великолѣпные замки Цезарей, сколько я на Китайскаго Мандарина.

Римлянамъ, думаю, было тѣсно жить на земномъ шарѣ: недалеко отъ деревни Баули показывали намъ *сто комнатъ*. Чудеснаго устройства сего подземнаго лабиринта я не могъ понять. Крупною лѣстницею свели насъ въ обширную залу, потомъ въ длинный

корридорѣ, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены сіи комнаты, покрытыя однимъ сводомъ. Удивительно, какъ столь обширное зданіе и тяжелый сводъ споятъ около двухъ тысячъ лѣтъ. Стѣны комнатъ не доспигають свода, и для поддержанія онаго нѣтъ ни одного столпа. Расположеніе комнатъ столь запущано, что мы боясь потерять дорогу, не смѣли итти далеко. Двери въ нѣкоторыхъ засыпаны, въ другихъ такъ узки, что съ трудомъ въ нихъ пройти можно.

Другое подземное зданіе, извѣстное подъ именемъ *удивительнаго пруда* (Piscina mirabile) не заслуживаетъ особенной похвалы: бассейнъ сей имѣетъ видъ четверосторонника 31 въ длину и 12 сажень въ ширину. Сводъ или куполъ его, состоящій изъ четырехъ аркъ, подпертъ 48 толстыми столпами. Зданіе освѣщено отвѣрстіями въ сводѣ; сходятъ въ него двумя лѣстницами; самое водохранилище, или лучше, каналъ, въ 4 фуша шириною и въ одинъ глубиною, находится посреди зданія. Каналъ сей идетъ скачкомъ; отъ чего вода, пропекая по камнямъ, очищается, и не будучи согрѣваема солнцемъ, становится очень холодною. Дождевая вода спекаетъ чрезъ малыя отвѣрстія и наполняетъ водохранилище, построенное Римлянами для снабженія водою спо-

явшаго вѣ Миссенѣ флота. Бассейнѣ сей, находящійся на самой возвышенной части земли, доставлялъ воду всѣмъ окрестностямъ.

Уже было поздно, почему не дошедъ до Миссенскаго мыса, воропились назадъ, и едва успѣли взглянуть на названные чичероніемъ *Елисейскія поля*, на берегу озера Mare Morto (мертвое море) находящіяся.

Хотя Елисейскія поля, воспѣшья *Виргиліемъ* вѣ его *Енеидѣ*, и не сходствуютъ съ спраною, называемою теперь симъ именемъ; но весьма пріятное положеніе сей долины, непримѣнно склоняющейся къ морскому берегу, остатки гробницъ, расположенныхъ по прямымъ линіямъ, и близость ихъ къ Авернскому озеру, гдѣ *Виргилій* помѣстилъ *Таршаръ*, доказываетъ прошивное: почему какъ здѣшними жишелями, такъ и многими путешественниками прелестной сей равнинѣ присвоено названіе Елисейскихъ полей.

На другой день побѣхали вѣ Пупцполи, чпобы осмопрѣшь *Сальфатару*, копорая, по явнымъ признакамъ, есть не иное чпо, какъ тонкій пластъ земли, покрывающій жерло огнедышущей горы. Бѣлый, сухой песокъ, напишанный сѣрою и безпрестанно испаряющій сѣрный чадъ, спужъ отъ шаговъ, раздающійся вѣ подземной пустотѣ; слыши-

мый шамъ шумъ какъ бы отъ кипящей воды, и свистъ, сходный съ приближающимся вѣтромъ: все сіе даетъ поводъ заключить, что подземный пожаръ еще продолжается. Всего удивительнѣе, что посреди сего безплоднаго поля мѣстами распутъ деревья, не лишенные зелени. Исслѣдователи природы найдутъ здѣсь многія подобныя явленія. Впрочемъ, не будучи ни естествоиспытателемъ, ни стихотворцемъ, весьма легко могу представить себѣ всѣ ужасы землетрясенія, и очень понимаю, откуда древніе поэты собрали матеріалы для изображенія преисподняго царства ада и жилища блаженныхъ тѣней.

Аньянское озеро, не подалеку отъ Салфатары ближе къ Неаполю находящееся, имѣетъ около трехъ миль въ окружности. Оно со всѣхъ сторонъ окружено крутою оградою изъ вулканической матеріи. Въ близкомъ разстояніи отъ береговъ его примѣтны кипѣнія удушливыхъ испареній, происходящихъ отъ броженія горючихъ веществъ. Нѣкоторые полагаютъ, что озеро занимаетъ прежнее жерло угасшей огнедышущей горы. Предположеніе сіе не совсѣмъ вѣроятно, ибо вода въ озерѣ свѣжа, чиста и не имѣетъ никакого непріятнаго запаха.

Сантъ-Жерменскія бани и извѣстный *Собакій гротъ* находятся по обѣимъ сторо-

намъ озера. Бани высѣчены въ волканическомъ пуфѣ, гдѣ на каменныхъ лежанкахъ садятся больные, желающіе отъ сильныхъ влажныхъ паровъ сихъ бань, проникающихъ съ исподу, получить исцѣленіе. *Собагій гротъ* названъ такъ пошому, что обыкновенно надъ собаками дѣлаются здѣсь опыты. Мефитической (удушающей) кислоты пары, безпрестанно выходящія изъ грота, но не выше полуаршина отъ земли, въ нѣсколько минутъ задушаютъ всякое живое существо, подвергаемое дѣйствію оныхъ.

Недалеко отъ Аньяно къ сѣверо-западу находящаяся другая ужасная огнедышущая гора. Краперъ горы сей столько опустился, что представляеть теперь яму, имѣющую 10 верстъ въ окружности. Чтобы сдѣлать яму, или лучше долину, называемую *Аструни*, настоящимъ звѣринцемъ, стоило только нѣсколько покруче обрубить края, которые вокругъ составляютъ довольно высокую ограду. Вся долина поросла дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ живутъ вепри и другіе дикіе звѣри; по срединѣ же оной находятся два озера съ чистою водою. Она какъ бы нарочно сотворена для утѣшенія нынѣшняго Короля. Совершенно спокойное состояніе горы сей не можетъ однакожъ увѣрить жишелей въ ихъ безопасности. Везувій, точно также, какъ

и Аспруни, в продолженіи пяти сотъ лѣтъ не угрожала бѣдою. Гора состояла долину съ прѣмъ озерами, поросшую также лѣсомъ, но послѣ сего вдругъ запылала, и в печеніи двухъ сотъ лѣтъ измѣнила вокругъ себя и самый видъ земли.

Сіа Сальфатара, сіа Пупцолі и окрестности Баіи были нѣкогда жилищемъ великихъ міра сего. Огонь, вода, люди и самая природа спорили о семъ уголѣ вѣчногорящей земли. Они попеременно занимали его, опустошали, украшали и разрушали. Ужасныя землетрясенія низпровергли изящныя произведенія художествъ, но осѣпки свидѣтельствуютъ, что Римляне были чувствительны къ красотамъ природы и пріятностямъ климата: ибо срану сію избрали мѣстомъ своихъ забавъ.

Размышляя о предметахъ, мною видѣнныхъ, тихими шагами возвращался я въ Баію; между тѣмъ солнце зашло, и я тутъ примѣтилъ, что оспалъ и потерялъ изъ виду поварищей. Пріятный, прохладный вечеръ, небо и море, чистыя какъ стекло, нѣсколько меня успокоили; но когда приближился я къ темнымъ переходамъ Нероновыхъ бань, то забылъ о природѣ, оставилъ мечшы, пустился бѣжать, поскользнулся, упалъ, ушибъ ногу, и, выпачкавшись въ

грязи, догнавъ у пристани товарищей, вспрѣтившихъ меня упреками, что заспавилъ ихъ болѣе часу дожидаться. Возвращаясь на фрегатъ, въ уютной моей каюшкѣ провелъ нѣсколько пріятнѣйшихъ минутъ, ни съ кѣмъ къ сожалѣнію не раздѣляя моего блага.

Футзаро, 26 Декабря.

Споль превосходныхъ усприцъ, какими подчивали насъ изъ озера Футзаро, конечно вамъ, любезные друзья, не удастся покушать въ Петербургъ. Здѣсь онѣ распложаются необыкновеннымъ образомъ: весною спавяшъ по озеру рядами толстые пычки, а чрезъ годъ къ осени прирастаютъ вокругъ оныхъ во множествѣ опмѣнно вкусныя крупныя усприцы.

Приставши у Венераина храма, мы пошли къ озеру пѣшкомъ. Дорога къ оному, на разстояніи около трехъ верстъ, пробита въ твердомъ камнѣ, обсажена деревьями и кустарниками, которые, скрывая отъ взора безобразіе дикихъ скалъ, ее стѣсняющихъ, защищаютъ проходящихъ отъ солнца. При началѣ дороги поставлена надпись золотыми словами: *кончена при Фердинандѣ IV*. Вскорѣ увидѣли мы прелестную долину, усѣянную плодовитыми деревьями, за нею довольно обширное озеро, и посреди онаго

двуэтажный домикъ , простой , пріятной архитектуры. За озеромъ , не болѣе какъ воста шагахъ , видно море , вдали сливающееся съ небесами. Положеніе Торешто (такъ называется дворецъ) , построеннаго на сваяхъ , привело мнѣ на память тѣ замки , описываемые въ волшебныхъ сказкахъ , которые вдругъ возникаютъ изъ воды. Любопытство мое еще усугубилось , когда я увидѣлъ подлѣ крыльца красивой паромъ. Долго любовались мы симъ зрѣлищемъ и вдыхали въ себя здоровый воздухъ ; наконецъ пошли вдоль озера , вспрѣпились съ придворнымъ служицелемъ , который выкликалъ изъ дворца людей , перевезъ насъ на паромъ , и тотчасъ велѣлъ подать устрицъ , подлинно превосходныхъ. Озеро покрыто спаями дикихъ утокъ и другихъ ппицъ , кои совершенно ручны : ибо тутъ сыпно ихъ кормятъ и , кромѣ Короля , никто не убиваетъ. Король , какъ вамъ извѣстно , славный спрѣлокъ и спраспный охотникъ.

Комнапы верхняго эпажа убраны очень нероскошными мебелями ; нижнее жилье занимается службами ; кухня обширна , и я не понялъ , откуда и какимъ образомъ проведена въ нее превосходная вода ; озеро же имѣетъ воду соленую.

До вечера пробыли мы въ семъ прекрасномъ уединеніи. Возвратясь на фрегатъ ,

получили повелѣніе отправишься кѣ Генуѣ для поиска надѣ Французскими корсерами. Намѣ дали вѣ помощь шебеку Фанни. Вѣ бурное время паскашья по морю скучно, но вѣ службѣ не спрашиваюшѣ, кому гдѣ пріятно. И такѣ, прощайше, любезные друзья, можешѣ бышѣ, надолго, можешѣ бышѣ, навсегда! Море и непріятель равно опасны.

Г а е т а, 31 Декабря.

Вѣ ночь сѣ 28 на 29 Декабря пришли мы вѣ Гаешу, дабы развѣдашѣ о Французахѣ.

30. По утру я ѣздилѣ кѣ Принцу, пригласишѣ его провести у насѣ вечерѣ. Его Свѣшлось ошговорился дѣлами и просилѣ завтра, вѣ день рожденія Короля, припши кѣ нему на цѣлой день.

Одѣвшись вѣ мундиры, вѣ 11 часу вѣ сопровожденіи Адьюпанша, явились мы кѣ Принцу, который принималѣ поздравленія ошѣ своихѣ воинскихѣ и гражданскихѣ чиновниковѣ. Обѣдню служилѣ Епископѣ; Принцѣ спалѣ подѣ балдахиномѣ; намѣ поставили вокругѣ его спулья. Соборная церковь велика и хорошо украшена, главный алтарь поддерживается красивыми порфирными колоннами. По окончаніи обѣдни сошли мы вѣ подземельную церковь, копорая украшена мозаикомѣ и мраморомѣ. При выходѣ изѣ церкви замѣшилѣ я двѣ гробницы пре-

красной работы. Принцъ привелъ насъ въ залу, въ которой работаютъ деревянную модель Гаеши съ ея окрестностями. Тутъ одинъ заслуженный Полковникъ указалъ мнѣ гору, на вершинѣ коей стоить монастырь; во время землетрясенія гора преснула подъ самымъ монастыремъ, и онъ опустился въ рщелину на нѣсколько десятковъ сажень ни мало не повредившись, такъ что ни одинъ кирпичъ не выпалъ изъ стѣнъ. Чудное дѣло! Не всякому слуху вѣрь, думалъ я про себя, и хотѣлъ непременно самъ осмопрѣть монастырь, но мнѣ этого не удалось.

Возвращаясь въ домъ Принца, мы прошли по городу, ничего примѣчательнаго не встрѣтили и во ожиданіи обѣда закурили трубки. Съ нами былъ Англійскій Лейтенантъ, весьма веселаго нрава, забавлявшійся на щепъ своего парика. За споломъ гостей было не много; блюда были обыкновенныя, только безпрестанно пили за здоровье при пушечной пальбѣ съ крѣпости и нашего фрегата. За обѣдомъ сидѣли очень долго, однакожъ не соскучили, не смотря на то, что Принцъ получилъ непріятныя депеши. Его Свѣшлость не оппустилъ насъ передѣться къ балу, который былъ совершенно военный, безцеремонный. Ужина не было, безпрестанно подавали шо или другое, и не прежде развѣхались, какъ уже на разсвѣтѣ.

1806 ГОДЪ.

ВЪ КРЕЙСЕРСТВѢ.

Въ первый день новаго года, не взирая на проливной дождь и порывистый вѣтеръ, не смотря даже на то, что Принцъ обѣщалъ у насъ завтракать, мы распались съ Гаепою. Три дни сряду стоить прекрасная погода, вѣтру нѣтъ, что очень рѣдко случается въ зимніе мѣсяцы.

Пользуясь шпилемъ, хочу спросить васъ: какъ вы начали новый годъ? Гдѣ и съ кѣмъ? Не нашли ли новыхъ друзей, не забыли ли обо мнѣ? Вы не повѣрите, какъ меня это беспокоитъ; но надѣюсь однакожъ, что минута свиданія оживитъ ту искренность, какая должна быть между братьями. *Ludibunda Senectus.*

6 Января. Снова началось дурное время, провизіи у насъ оставалось мало, почему при первомъ проливномъ вѣтрѣ положили иппи ко флоту. Вчера мы были въ виду береговъ, смотрѣли на горы, которыя гордо возвышаются надъ Римомъ; но въ такой дальности, что едва могли ихъ видѣть. Наша спутница шебека Фанни съ нами разлучилась; думаю надобно, что она подѣла берега.

9 Генваря. Задулъ крѣпкій противный вѣтрѣ; до полудня кое какѣ еще держались; но къ вечеру выбило изѣ парусовѣ, и мы принуждены были пусшиться по вѣтру въ Неаполь. Ночью подѣ однимѣ парусомѣ (фок-комѣ) шли по 15 верстѣ въ часѣ, и сего числа на самомѣ разсвѣтѣ пришли въ Баію.

Б а і я.

Кѣ удивленію нашему нашли здѣсь весь флотѣ. Войска перевозятѣ съ берегу на транспорты; суета ужасная, точно какѣ бы непріятель шелѣ по слѣдамѣ. У кого я ни спрашивалѣ, никто не зналъ причины такой поропливости, никто не хотѣлъ удовольствитѣ моего любопытства: всѣ казались огорченными, уничиженными. Это доказываетѣ, что Рускіе не привыкли ретироваться, особенно не воспрѣпившись еще съ непріятелемѣ. Наконецѣ я добился, что въ наше отсутствіе получено имянное повелѣніе флоту и арміи возвратиться въ Корфу. Вамѣ уже извѣстно, что послѣ Аустерлицкаго сраженія Австрійскій Императорѣ заключилѣ съ Французами мирѣ, а наши войска, бывшіе подѣ названіемѣ вспомогательныхѣ, не имѣя, кому помогать, возвратились въ Россію. Теперь и вамѣ, можетѣ быть, понятно, что не благоразумно было бы не-большой нашѣ корпусѣ, назначенный для

охраненія Іонической республики, поставитъ прошиву большой арміи Наполеона, кошорую онѣ посылаетъ изъ Австріи на покореніе Неаполипанскаго Королевства. Такова участь бѣднаго Короля и его несчастныхъ подданныхъ. Пожалѣй и насъ, судьба не намъ опредѣлила съ честію спастъ за Неаполь. Счастіе Наполеона неимовѣрно: давно ли онѣ былъ ничего значущій Корсиканецъ, аршиллерійскій Офицеръ, а теперъ располагаетъ коронами и царствами.

Уже наши полки собрались и большая часть посажена на транспорты. Рассказываютъ, что всѣ наши Генералы и Министры, по полученіи убѣдительнаго и умнаго письма Неаполипанской Королевы полагали возможнымъ разбитъ Французовъ, прежде нежели армія ихъ усилишся, и потому согласно желали, не опспупая, но укрѣпившись въ Абруццо, дожидатъ новыхъ повелѣній Государя. Но Главнокомандующій Генералъ Ласси не хотѣлъ взять споль великой на себя опвѣсптвенности.

Неаполь, 13 Генваря.

Надобно вспомнитъ вамъ, что случилось послѣ того, какъ я въ досадѣ увѣдомилъ васъ о произшедшемъ съ нашими войсками. Эскадра была готова и дожидалась только

добраго вѣтра, ишли въ Корфу. Насъ опять оставили при Миниспрѣ; 11 числа перешли на Неапольскій рейдъ, гдѣ нашли корабль Прасковію подъ командою Командора Сорокина.

При тихомъ вѣтрѣ близко проходили мы островъ Низиду и мимо берега отъ Баи до Неаполя. Не взирая на зиму, повсюду видна прекрасная зелень. Древнія развалины, тропы и раскиданные домики много украшаютъ наружность Низиды. Прелестной берегъ представлялъ еще лучшіе виды: тамъ зеленѣлась новая гора, шипъ возвышался мысъ Миссенской, далѣе Павзилипъ, по другую сторону Искья и Прочида. Море было спокойно и покрыто лодками, на коихъ перѣзжали съ острововъ на материкъ. Виды около Неаполя привлекательны; какъ любитель природы, не разъ я сожалѣлъ, что не имѣю искусства восхищать васъ сими картинами. Осматриваясь кругомъ, я безмолвствовалъ, удивлялся и теперь не нахожу словъ изъяснить и описать тѣ предметы, которые видѣлъ. Обошедъ Павзилипъ, во всей красотѣ представился намъ Неаполь и Везувій, котораго вершина выглядывала изъ облаковъ.

Къ вечеру свѣхалъ на берегъ: какая переменна! въ кофейныхъ домахъ толкуютъ теперь о Аустерлицкой баталіи и объ опыты-

шіи нашихъ войскъ въ Корфу. Умы всѣхъ заняты полишикою. Я не могъ быть равнодушнымъ къ столь непріятной переменѣ. Иной располагаетъ нашими силами, другой подвигаетъ непріятельскую, и никто не сомнѣвается въ томъ, что Французы скоро займутъ Неаполь. Соскучивъ сими разсказами, пошелъ въ театръ Санъ-Карло, полюбоваться новымъ балетомъ. Какое освѣщеніе! Кромѣ бенуара и райка, семь ярусовъ ложъ и обширной партеръ наполнены были зрителями: глухой шумъ свободно распространялся въ овальномъ сводѣ; шумъ Неаполипанцы, кажется, и не думали о близости непріятеля. Ложы великолѣпно убраны шпофами и зеркалами, и освѣщены такъ, что всѣ зрители въ нихъ видны, хотя и могутъ сидѣть въ при ряда. Опера была духовнаго содержанія. Извѣстный Давидъ, любимецъ Неаполипанской публики, пѣлъ нѣсколько арій съ удивительною пріятностію, но игрою онъ видимо пренебрегалъ. Въ балетѣ старый танцовщикъ увеселялъ публику. Актеры мнѣ не понравились; я всегда охотнѣе пойду въ новой или Флорентинской театръ; но декорации, костюмы и все вмѣстѣ въ С. Карло, представляетъ столь пышный спектакль, которому конечно въ Европѣ нѣтъ подобнаго. Представленіе кончилось, исчезло освѣщеніе, зрители ра-

зошлись; и я удивлялся пространству пешехода.

17 Генваря. Многолюдство примѣтно убываетъ, многія лавки закрыты, улицы наполнены артиллеріею, ящиками, сундуками, кои грузятъ на суда. Вчера Король съ фамиліею отправился на своемъ кораблѣ Архимедѣ въ Палерму; всѣ знашныя и добрые люди бѣгутъ за нимъ. Народъ проводилъ его съ чувствомъ искренней привязанности; до сихъ поръ еще все спокойно: но слѣпая преданность черни къ Королю не безъ причины заспавляетъ многихъ опасаться ея неисповѣда. Недовѣрчивость, суеверіе, боязнь, истинная любовь къ отечеству и гнусное предательство, подъ разными видами, смущаютъ теперь жителей столицы. Смотри на лица проходящихъ, я отгадывалъ, о чемъ каждый изъ нихъ думалъ; ибо спроси народа живаго не могутъ долго таиться.

19 Генваря. Везувій, молчавшій до сего дни, означилъ свою вершину изверженіемъ. Землетрясеніе на морѣ не было чувствительно; лава еще не текла и только разкаленные каменья, сопровождаемые залпами грома и ужасною молніею, вылетая изъ жерла, стремились перпендикулярно вверхъ. Къ вечеру я нарочно съѣхалъ на берегъ, и удивлялся множеству народа, прогуливав-

шагося на Толедо и по Каїѣ. Сердце мое трепетало при семъ величественномъ зрѣлищѣ, взоры мои безпрестанно переходили то на Везувій, то на группы людей, освѣщенныхъ его изверженіемъ. Въ мысляхъ моихъ не могъ сообразить сего спокойствія народа, безпечно наслаждающагося прохладою ночи, освѣщенной луною и огнемъ Везувія. Нигдѣ, любезные друзья, не лзя видѣть подобной иллюминаціи; весь Неаполь освѣщенъ былъ изверженіемъ лучше Московской залы Благороднаго Собранія. Въ изступленіи и въ пріятной задумчивости пришелъ я въ садъ Вилла Реале, и тамъ нашелъ толпу. Музыка гремѣла; нищіе просили милоспину. Я роздалъ все, что было у меня въ карманѣ. Думаю, и вы сдѣлали бы тоже. Не повѣрю, чтобы можно бытъ равнодушнымъ къ нищестѣ, смотря на изверженіе, которое и богатымъ и убогимъ грозитъ гибелію. О! какъ я былъ щасливъ, какъ мысль о добромъ дѣлѣ веселила мое сердце! Когда бы вы были участниками сегодншней прогулки, наслажденіе мое было бы полнѣе; но въ ту мину, когда съ радостію дѣлилъ деньги нищимъ, не хотѣлъ бы имѣть свидѣтелей. Только удовольствіе васъ видѣть, могло сравнясь съ симъ чувствомъ со-спраданія.

Помпеанъ, 28 Генваря.

Четыре дня сряду продолжался крѣпкій вѣтръ; насъ качало болѣе, нежели въ опкрытомъ морѣ. Волненіе было столь велико и безпокойно, что мы принуждены были безпрестанно опливать воду изъ фрегата. Я спрадалъ отъ скуки; Везувій все еще горѣлъ; луна также свѣтила въ ночи; но сія картина уже болѣе меня не восхищала: озабоченный должностію, мнѣ некогда было разсмапривать оную.

Я былъ въ Помпеанѣ! Эшаго довольно для меня, мои друзья, но для васъ мало. Конечно вы полюбобыспвуете видѣть древній городъ Римлянъ почно въ томъ состояніи, въ какомъ строились города во время Цесарей, или спросите, каковъ эпотъ городъ? Быть можетъ и мое слабое описаніе представитъ вамъ нѣчто новое, которое или не было еще опкрыто, или пропущено прежними пѣшешенниками.

Въ царспвованіе Тиша, послѣ долговременнаго покоя Везувій запылалъ. Среди дня, въ то время, когда, быть можетъ, воинъ чистилъ свой щипъ, когда другой шелъ для покупки пищи, иной посѣщалъ друга или милую, Везувій вдругъ изрыгнулъ столь великое количество лавы, каменьевъ и пепла, что въ нѣсколько часовъ Геркулана и Помпеи

не спало. Лавою залило Геркуланѣ , пепломѣ засыпало Помпею такѣ , что самое воспоминаніе о существованіи сихѣ городовѣ и даже мѣстоположеніе ихѣ было забыто. Въ нѣсколько часовѣ погибли многія тысячи народа, и пространство къ сторонѣ Помпеи болѣе нежели на десять верстѣ , обратилось въ дикую пустыню. Время и прудобіе превратило лаву и пепелѣ въ плодотворные сады и виноградники, а надѣ Геркуланомѣ явился прелестный Порпици.

Въ 1663 году открыто было одно зданіе Помпеи: вскорѣ послѣ того верхѣ амфитеатра и крыши нѣкоторыхѣ домовѣ , слегка покрытые пепломѣ , очень ясно показали мѣсто города ; но въ то время не занимались опысканіемѣ древностей. Наконецѣ сей древній и цвѣщущій городѣ , бывѣ 17 вѣковѣ подѣ пепломѣ , увидѣлѣ свѣтѣ , и его улицы, храмы и зданія снова освѣщающія солнцемѣ. Помпея скоро явилась во всемѣ своемѣ простраженіи: ибо пепелѣ , ее покрывающій , очень легокѣ , и оный удобно , безѣ затрудненія можно опрывать.

Въ сію минушу я хожу по улицѣ Помпеана , заглядываю въ каждой домикѣ , посѣщаю храмы , удивляюсь простотѣ древнихѣ памятниковѣ и по обширности театра сужу о народонаселеніи. Восхищаюсь, оста-

навливаюсь на каждомъ шагѣ; и кто же можетъ не чувствовати волненія въ душѣ, разсматривая вырытой изъ земли городъ?

За мною, друзья мои! слушайте! я буду рассказывать вамъ по порядку, въ какомъ привѣпчивый чичероне показывалъ намъ отпрыщія зданія,

Сначала привели насъ въ солдатскія казармы, находящіяся на большой дорогѣ, ведущей изъ Неаполя въ Салерну. Четвероугольное сіе зданіе, коего нижнее жилье осталось невредимо, имѣетъ самую простую наружность. Во всю длину его нѣтъ оконъ на улицу, кромѣ весьма малыхъ, находящихся надъ каждою дверью, ведущихъ въ небольшія комнаы, величины неравной. Въ каждой горницѣ не могло помѣститься болѣе двухъ или трехъ человѣкъ. На обширномъ дворѣ предспавляется прекрасная открытая галерея, поддерживаемая колоннадою Дорическаго ордена безъ базъ. Если вѣрять чичеронию, то я назову сію прелестную колоннаду учебнымъ мѣстомъ; но вообще сіе зданіе болѣе походитъ на гостинной дворъ, нежели на казармы. На нѣкоторыхъ колоннахъ примѣшны изображенія солдатъ, грубо по извѣсти нарисованныхъ. Я полагаю, что сіи фигуры намалеваны были неискусными людьми для препровожденія времени отъ

скуки. Хотя нѣкоторые путешественники и увѣряютъ, что здѣсь найдены были латы, каски, шрубы и другое военное оружіе: но я ничего подобнаго не видалъ, и пошому думаю, что сіи маленькія комнаты были наполнены поварями.

Подлѣ казармъ находятся два театра: меньшій изъ оныхъ покрытъ крышею; вѣроятно, что въ немъ играли въ дурную погоду. Спупени изъ бѣлаго мрамора, на коихъ помѣщались зрители, возвышающіяся полукружіями. Расположеніе просто и выгодно, ошовсюду хорошо было видно и слышно. Въ большомъ открытомъ театрѣ давно опрытая верхняя часть много повреждена; но корридоръ, коимъ проходили къ мѣстамъ и укрывались отъ дождя, совершенно цѣлъ. Въ меньшомъ театрѣ сцена вымощенная мозаикомъ, оркестръ, корридоръ и спупени, могутъ дать полное понятіе любителямъ древности объ устройеніи и расположеніи Римскихъ театровъ.

Отсюда вышедши на поверхность земли по прекрасной дорожкѣ, привели насъ къ извѣстному храму *Изиды*. Онъ очень не великъ и безъ крыши. Семь спупеней ведутъ во святилище, которое покрыто куполомъ; притворъ его поддерживается шестью мраморными колоннами, помостъ

выложенъ крупнымъ мозаикомъ; цвѣты на камняхъ столь свѣжи, какъ бы вчера были сдѣланы. Посреди храма естъ еще небольшой домикъ, изъ котораго пошаенною лѣспницею жрецы сходили внизъ омываясь въ текучемъ ручьѣ, откуда другою пошаенною лѣспницею входили въ узкую дверь, становились позади жертвенника, и говоря чрезъ небольшое отверстіе, обманывали народъ. Наружныя стѣны свящилища и карнизъ припвора были украшены Египетскими гіероглифами; но когда опрывали храмъ, оныя перецарапали и обломали: пущешесвенники же своими именами испортили оспальное. Сохранившіеся барельефы опработаны со вкусомъ. Въ надписи сказано: *Попидіусъ* возобновилъ сей храмъ, разрушенный землетрясеніемъ, и за такую щедрость Декуріоны почпили его своимъ шишломъ, не смопря, что онъ имѣлъ болѣе 60 лѣтъ.

Хопите ли имѣть понятіе о 'расположеніи домовъ впораго вѣка? Всѣ, которые по сіе время опрыты, построены по одному плану. Сердину дома занимаютъ обширныя стѣны съ чепвероугольнымъ мраморнымъ бассейномъ для омовенія. Изъ стѣней на право и на лѣво расположены небольшія комнаты. Каждая изъ нихъ служила для особеннаго упражненія, что доказываетъ сохранив-

шлася на стѣнахъ живопись. Въ спальняхъ, на примѣрѣ, представлена Венера, въ столовой фрукты и свѣспные припасы, въ уборной цвѣты, словомъ, во всякой комнаѣ нарисовано что либо приличное. Въ росписываніи покоевъ древніе были искусны; краски нѣкошорыхъ и самыя рисунки столь хороши, что я подобныхъ и въ лучшихъ богатыхъ нашихъ домахъ не видалъ. Комнапы похожи на монашескія кельи со сводами, очень малы, и нѣтъ почти ни въ одной на улицу оконъ, кромѣ малыхъ надъ дверями, копорыя такъ высоки, что проходившіе по улицѣ не могли ничего чрезъ нихъ видѣть. На дворахъ, подобно какъ въ казармѣ, есть мѣсто, окруженное столбами, и въ немъ бассейнъ, куда стекала вода съ кровель,

Какъ Помпея опрышъ мѣстами, то мы опяшь, вышедши на поверхность земли чрезъ виноградной садъ, спокойно сошли къ Лицею, проспой Греческой архипекшуры зданію, украшенному Коринѣскими колоннами. Посреди зданія поставлена возвышенная каеэдра. Отсюда опяшь чрезъ сады привели насъ въ главную улицу. На одной сторонѣ всѣ дома опрышы, съ другой только нѣкошорые. Я не пропустилъ ни одного дома, чтобы не взойти и не полюбовавшись оставшеюся въ оныхъ живописью и

мозаикомъ. Улица и пропшвары вымощены неровными кусками лавы, на коей видны слѣды колесъ, XVIII вѣковъ тому назадъ катившихся по оной. Напрасно искалъ я глазами жишелей, тщетно ожидалъ шума народа: вокругъ царствовало печальное молчаніе. Лавки, находящіяся по обѣ стороны улицы, очень похожи на наши. Надъ многими поршиками домовъ изображено мраморными буквами привѣтствіе: *Salve*. На стѣнахъ домовъ подписано красками о продажѣ какихъ либо вещей или отдачѣ въ наемъ комнатъ. Въ каждомъ домѣ находилъ я что нибудь прекрасное, или замысловатое: въ одномъ прекрасную колоннаду, въ другомъ арабески, а въ одномъ мозаическаго льва, спящаго на спражѣ при входѣ въ домъ. Жаль, что всѣ мебели вынесены и не оставили ни одного дома въ томъ положеніи, въ какомъ онъ былъ найденъ.

Большая улица вывела насъ къ западнымъ воротамъ, отъ коихъ сохранились одни столбы. За городомъ находится кладбище: памятники опличающіяся не великолѣпіемъ, но простотою. Могила большею частію покрыта четвероугольными камнями, на коихъ утверждены кругловатыя лавки; на нихъ сидя, сироты умершаго, можетъ быть, проливали слезы, и смотря на пробѣжаю-

щихъ, ожидали своего послѣдняго часа съ препешомъ и надеждою.

Наконецъ привели насъ къ загородному дому. Расположеніе покоевъ нижняго этажа нѣсколько различается отъ видѣнныхъ нами доселѣ; второй этажъ точно такой же. На дворѣ, гдѣ былъ прудъ, купальня и водометъ, окруженные колоннадою, сдѣланъ огорода съ прекрасными цвѣтниками, что придаетъ сему древнему дому видъ обитаемости. Изъ нижняго этажа проводникъ свелъ насъ въ погребъ, освѣщенный небольшимъ окномъ. Здѣсь наши мы рядъ кувшиновъ, въ коихъ хранили вино и масло; они наполнены пепломъ, который такъ слежался, что твердостью не много уступаетъ камню. Тутъ же найдены скелеты 22 человекъ, погибшихъ во время землетрясенія. Я набралъ горсть сего пепла, который испребилъ два города, и при свиданіи покажу вамъ, мои милые. Изъ погреба вышли на верхнюю галерею, которая привела къ аллеѣ помаранцовыхъ деревьевъ, въ концѣ коей ожидала насъ коляска. Скажутъ ли вамъ, что я думалъ, разспаваясь съ Помпеаномъ? Я хотѣлъ имѣть хижину на его развалинахъ, и умереть у подошвы Везувія!

Окончивъ описаніе Помпеана, какъ я его видѣлъ, скажу о томъ, чего не видалъ. Въ

каждомъ домѣ найдены всѣ нужныя вещи въ такой цѣлости, какъ будто бы лишь теперь ихъ употребляли. Мраморныя статуи, золотыя, серебряныя, каменные и бронзовые сосуды, каршины, сполы, лавки, все перевезено въ Королевскіе дворцы. Въ Казертѣ нѣсколько покоевъ убрано совершенно такимъ образомъ, какъ меблировались дома въ Помпеанѣ. Статуи, барельефы, надписи и іероглифы перевезены въ Порпичи въ тамошній музеумъ. Всѣ сіи рѣдкости отправляются въ Палерму; надѣюсь ихъ тамъ увидѣть. Замѣтитъ должно, что вообще желѣзныя и деревянныя вещи болѣе другихъ поперѣли отъ ржавчины, или сгнили подъ пепломъ, обратившимся въ послѣдствіи въ землю. Въ прошломъ годѣ открытъ магазинъ съ мукою, изъ которой, какъ мнѣ сказывали, пекли хлѣбъ, и нашли его столь же свѣжимъ, какъ спеченный изъ муки накануне смолотой. Я его не пробовалъ и предоставляю ученымъ мужамъ вѣрить сему или усомниться; я могу ручаться только за то, что видѣлъ, и за то, что описалъ вамъ, друзья.

Лошади бѣжали тихо, я посматривалъ въ обѣ стороны дороги, и любовался красою мѣстоположенія. Въ право стоялъ обгорѣлый Везувій, въ лѣво море и вдали синѣющійся берегъ. Въ мѣстечкѣ, называемомъ

Торре дель Греко (Греческая башня), встрѣ-
пили мы полкъ пѣхопы и полкъ конницы,
которыя шли къ главной квартирѣ въ Ка-
лабрию. Мы видѣли, какъ нѣкоторые сол-
даты, обливаясь слезами, распавались съ
женами, другіе весело пѣли и плясали. Въ
обоихъ полкахъ множество рекрутъ; лица
ихъ доказывали печаль и бѣдность. Вообще
все рядовые дурно одѣты, и мало, кажется,
привыкли къ службѣ. Чего ожидать отъ
такого солдата, который и голоденъ и нагъ?

Италія во всѣхъ эпохахъ имѣла хорошихъ
Генераловъ и мало солдатъ. Генералы ро-
дящаяся во всѣхъ странахъ, но солдаты, ка-
жется, только на сѣверѣ. Скажутъ, что
Римляне были Италіянцы: согласенъ; но
они завоевали сначала южныя провинціи;
Галлію, раздѣленную на 30 малыхъ частей,
едва успѣли покорить въ 10 лѣтъ, Герман-
цевъ же никогда не могли укротить. Рим-
ляне наконецъ покорили вселенную не сво-
ими, а сихъ варварскихъ народовъ воинами;
лишенные же чужой помощи, утратили
приобрѣтенное, изнѣжились; но цѣпь имя-
нитѣйшихъ Генераловъ не прерывалась.
Впрочемъ достоинство солдатъ зависитъ
отъ качествъ предводительствующаго ими
полководца. Въ наше время Италіанскіе
полки подъ начальствомъ Наполеона выиг-

рали ему многія сраженія. По крайней мѣрѣ, они не уступаютъ никому въ храброспи.

Подбѣзжая къ Порпици, остановились у одного дома, который за два года передъ симъ облитъ былъ вокругъ лавою. Домъ сей посреди огненной рѣки остался невредимымъ, другіе же, подлѣ онаго находившіеся, истреблены до основанія; далѣе перебрали мы мѣсто остывшей лавы, которая за 25 лѣтъ предъ симъ погубила и тысячи жителей и лучшую часть Порпици.

Отъ самаго предмѣстія и до Тоledo толпилось такое множество народа, что можно было подумать, что жители всего свѣта собрались въ Неаполь. Нѣсколько уже времени продолжается маскарадъ, и старый и малый, и богатый и нищій, въ смѣшныхъ костюмахъ, цѣлую ночь бродятъ по улицамъ. Карнавалы дѣйствительно и единственно выдуманы для того, чтобы женщины не только чувствовали тягость повиновенія, не только терпѣли отъ ревности мужей, и чтобы хотя часъ воли награждалъ ихъ за годъ принужденія и вѣрности.

Отходя ко сну и прощаясь съ Помпеаномъ, скажу прости и вамъ, и Неаполю, и всѣмъ его рѣдкостямъ; господа Вельхи близехонько подошли къ сей веселой столицѣ.

Неаполь, 29 Генваря.

Я еще разъ былъ на берегу, но кромѣ движенія войскъ и неудовольствія народа ничего не замѣшилъ. Французы, какъ слухъ носился, уже осадили Гаету. По повѣздѣ Короля начали поправлять укрѣпленія, но временное правительство, имѣ оставленное, перемѣнило планъ обороны. Граждане заняли крѣпости, войска выступили въ Калабрию; всякій, кто только имѣетъ что потерять, бѣжитъ, спасается на кораблѣхъ. Казна, рѣдкости, артиллерія, аммуниція и запасы уже погружены на транспорты. Французы привыкли жить на чужой счетъ, а теперь, кажется, не многимъ чѣмъ осталось имъ поживиться. Народъ негодуетъ, пребуетъ оружія, грозитъ измѣнникамъ и робкимъ; и пользуясь смущеніемъ, замѣшательствомъ правителей, врывается въ дома, грабитъ богатыхъ, и къ удивленію никого еще не убиваютъ; присущствіе Королевы удерживаетъ мятежъ. Не смотря, что и ко мнѣ сходили въ карманъ, не могу однако же не опдать справедливости черни, до такой степени преданной Королю, что еслибы одинъ изъ знашыхъ рѣшился умереть за опечество, то 100 тысячъ народа спали бы подъ его знаменами, и ни мятежа, ни грабительсва вѣроятно не случилось бы.

Неаполь, 30 Генваря.

Въ семъ письмѣ мнѣ хочешся собратъ нѣсколько примѣчаній о здѣшнихъ жишеляхъ. Во первыхъ бросимъ взглядъ на характеръ народа.

Въ теченіи многихъ вѣковъ, находясь подъ властію побѣдителей, различныхъ мнѣніями и обычаями, Неаполистанцы получили отъ нихъ многіе пороки и сохранили мало собственныхъ добродѣтелей; посему и неудивительно, что въ характерѣ ихъ встрѣчающіяся спранныя противоположенности. Привыкнувъ къ повиновенію, они не могутъ сносить и малѣйшаго припѣсненія; суевѣрны, но не фанатики; жадны къ пріобрѣтенію, а между тѣмъ лѣнны; подозрительны, и всегда доверчивы; любятъ новости, и ничего не перемѣнили въ своихъ обычаяхъ. Кровь ихъ горяча, какъ пламень Везувія, а воображеніе чисто и прелестно, какъ ихъ небо. Неаполистанцы вообще остроумны, и безъ просвѣщенія умны и одарены здравымъ смысломъ. Они сколько же проницательны, сколько и хитры, умѣютъ скрывать намѣренія подъ личиною простоты и добродушія, и изъ первыхъ словъ вникаютъ во вкусъ, мнѣніе и слабости человека; если же ему льстятъ, то почти всегда съ намѣреніемъ сказать на щетъ его эпиграму.

Припворство и плуповство, приписываемыя Неаполитанцамъ, слишкомъ увеличены. Сіи пороки суть слѣдствія бѣдности и такового исповѣданія, которое допускаетъ прощенье всякаго грѣха за извѣстную плату. Честенъ можетъ быть только тотъ, кто имѣетъ собственность; и кто прудится для пріобрѣтенія, тотъ по личной выгодѣ уважитъ имущество другого.

Всѣ должности, работы и нужды жизни совершаются здѣсь публично. Кофейные дома, пракширы, лавки всегда наполнены среднимъ сословіемъ людей; улицы наводнены народомъ. Первые, зѣвая, смотрятъ на проходящихъ; послѣдній поетъ, пляшетъ, смѣется, бесѣдуетъ на крыльцѣ чужаго дома, обѣдаетъ на площади въ открытой лавкѣ, и спитъ, гдѣ попало. Тамъ на улицѣ услышите вы читающаго Тасса; здѣсь, по словамъ Лазарона, пишущаго прозьбу или письмо; тамъ брѣюща, или чешущъ голову. Польчеелло и проповѣдникъ въ одно время приглашаютъ и набожныхъ и празднотцевъ; толпа раздѣляется; одни хохочутъ, другіе, стоя на колѣнахъ, усердно молятся.

Напрасно изчислять всѣ средства къ пропитанію, какія употребляютъ Неаполитанцы. Здѣсь здоровый мужчина, который

могъ бы работою пипать себя и семью, вшоря на гитарѣ, поешъ жалкія пѣсенки, и проситъ милоспины; иной, спавъ посреди площади, кривляньемъ начинаешъ смѣшитъ народъ, потомъ забавляешъ его соблазнительными сказками, а въ заключеніе, испощивъ всѣ дурачества, читаешъ газеты и толкуешъ о политикѣ. Замѣчу еще одну спранность, всего менѣе приличествующую черни: каждый изъ нихъ мѣшается въ правленіе, *по своему* судитъ и рядитъ дѣла, собираешъ войска, черпитъ планъ войны, словомъ: здѣсь, какъ въ Англіи, можно свободно мыслишь и удовлетворяешь своимъ спраснямъ безъ принужденія. Не вездѣ шамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ!

Лѣность, какъ главнѣйшій недоспапокъ въ характерѣ, не мѣшается однакожъ, сколько нужно, бытъ дѣятельными. Лазарони прудяшся полько погда, когда ѣсть нечего; не смопря на сіе, всякой въ домѣ работникъ и на биржѣ поденщикъ изъ Лазароновъ. Собспвенно къ классу тунеядцевъ принадлежатъ Аббаты и дворянство, для коихъ не имѣтъ долга и не играеть въ каршы, значишь не умѣтъ жить. Изъ другихъ лѣнивыхъ сословій по привычкѣ и, бышь можешь, по сисшемъ правительства, должно исключитъ земледѣльцевъ и рыба-

ковъ, весьма дѣятельныхъ, прудолюбивыхъ; я почти сказалъ и почтенныхъ.

Мудрый законодатель изъ сего матеріала, а паче изъ сего воспорга, легко возбуждаемаго, могъ бы образовать наилучшій народный характеръ и возвысить его на степень просвѣщенныхъ. Но какъ таланты и душевные способности остаются безъ употребленія, безъ малѣйшаго образованія: то невѣжество народа, кажется, еще грубѣе, нежели оно есть въ самомъ существѣ.

Не скажу, чтобы чернь была добронравна: въ нѣкоторыхъ случаяхъ она незлобива, снисходительна, справедлива; въ другихъ жестока и неумолима. На улицахъ рѣдко можно видѣть драку; убійства случающіяся только тогда, когда возбуждены спраспи, на примѣрѣ: ревность и мщеніе; но и въ семъ случаѣ примѣтна лѣность: вспыхнувъ, покричавъ и скоро успокояясь. Доказательствомъ сему служишь, что посреди ужаснаго безначалія, бывшаго въ 1799 годѣ, нѣсколько сотъ Рускихъ мапрозовъ могли воздержавъ мщеніе пяти сотъ тысячъ свирѣпаго народа.

Самыя безстыдныя предложенія дѣлаются здѣсь со всею важностію честнаго чело-вѣка. Что можно подумавъ о нравахъ

спраны, когда низкое сіе ремесло исполняется людьми даже посредственнаго состоянія.

Здѣсь нельзя умереть съ голоду и не возможно быть совершенно бѣднымъ; ибо всѣ жизненныя потребности очень дешевы, а климатъ избавляетъ отъ большихъ заботъ. Между тѣмъ всѣ просятъ милоспину, ибо это самый лучший способъ имѣть вѣрное пропитаніе. Многіе ходятъ только на нищихъ, по привычкѣ къ Цинической неопрятности. Въ семъ отношеніи нѣтъ опрашительнѣе народа. Самъ Діогенъ удивился бы чрезмѣрному неряшесству Неаполитанской черни.

Лазарони пьютъ умеренно и не для того, чпобы быть пьянымъ, а дабы имѣть предлогъ смѣшнить другихъ двусмысленными словами изъ роли Арлекина. Забавлять кривляньями подобно паяцу, значить имѣть право на уваженіе народной толпы.

Къ классу, наиболѣе заслуживающему уваженіе, принадлежатъ среднее состояніе ученыхъ, купцовъ и большая часть низшаго духовенства, говорю большая; ибо есть такіе пасторы въ Неаполѣ, которые дурнымъ поведеніемъ унижаютъ свое достоинство; причиною же сему ихъ бѣдность и невѣжество.

По неимѣнію хорошихъ учителей и малаго числа учебныхъ заведеній, небогатое дворянство, воспитываемое въ монастыряхъ, далеко отстало отъ высшаго сословія, которое получило приличное воспитаніе въ иностранныхъ университетахъ. Известно, что науки во времена невѣжества общаго всей Европы, въ семъ королевствѣ постоянно процвѣтали и были, такъ сказать, собственностію средняго сословія. Со времени Французской революціи, особенно въ послѣднія 20 лѣтъ, когда Наполеонъ сильно ограничилъ и стѣснилъ свободу книгопечатанія, и въ вышшемъ сословіи дворянства явились многіе ученые и достопочтенные мужи; но сію образованность въ отношеніи всего народа можно уподобить драгоцѣнному камню, только съ одной стороны отшлифованному. Разстояніе между дворянствомъ и народомъ чрезмѣрно.

Въ Неаполѣ почитается не приличнымъ ходить пѣшкомъ: хорошій экипажъ для дворянина тоже, что у насъ шпага; ему надобно сверхъ того цѣлый день ничего не дѣлать, а вечеръ проводитъ въ театрѣ или академіи. Не подумайте, чтобы то была Академія наукъ или художествъ, нѣтъ, такъ называютъ здѣсь собраніе, гдѣ играютъ въ банкъ, слушаютъ музыку, ужинаютъ и расходясь по любовницамъ.

Музыка предпочтена здѣсь всѣмъ искусствамъ. «*Бѣги, лети въ Неаполь!*» сказалъ Руссо восхищенный Италіанскою музыкою, чѣмбы насладиться небесною гармоніею Лео, Жомелли, Гримальди, Чиморозо и Паезилло! Неаполь и теперь, и всегда будетъ великимъ хранилищемъ музыкальныхъ произведеній.

Языкъ, вѣра и одежда сего народа совершенно соотвѣтствуютъ его характеру. Языкъ полонъ Поэзіи, разговоръ облагороженъ пріятными пѣлодвиженіями; вѣра исполнена чудесныхъ обрядовъ (*); одежда великолѣпна и вмѣстѣ смѣшна. Въ праздникъ Грошской Богородицы крестьяне и крестьянки обыкновенно приходятъ въ городъ въ нарядныхъ плащяхъ. Мужчины въ бархатныхъ синихъ фуфайкахъ, вышитыхъ шелками и обложенныхъ позументомъ, накинутыхъ только на плечи; жилетъ и шпаны розоваго атласа; но многіе изъ нихъ босикомъ и безъ рубашки. Женщины также въ

(*) Не рѣдко частные люди издерживаютъ на украшеніе церкви въ праздникъ Рождества Христова до 60,000 рублей. Украшенія сіи, кромѣ декораціи, состоятъ въ родѣ алкова, гдѣ представлены ясли, быки, ослы, волхвы и Ангелы. Всѣ сіи фигуры деревянныя, хорошо вырѣзаны, выкрашены, и покрыты драгоцѣнными одеждами. . . .

бархатныхъ или шелковыхъ платьяхъ, шею обременяющъ множествомъ ожерельевъ, а къ ушамъ привѣшивающъ въ при эшажа серги, башмаки же съ большими серебряными пряжками изъ бережливостиносящъ въ рукахъ.

Совершенно уничижитъ власть дворянства значило бы разоритъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, значило бы дать имъ свободу спитъся съ кругу; а еще что важнѣе, лишитъ государственную казну почти всѣхъ доходовъ. Выгоды помѣщика побуждающъ его шеперь пещись о благосостояніи крестьянъ. Кто защититъ послѣдняго предъ судомъ и кто понудитъ его исправно плащитъ подати, когда крестьяне будутъ освобождены отъ повиновенія помѣщикамъ, и сколько вмѣсто одного господина будетъ у нихъ начальниковъ, которыхъ личныя выгоды состоятъ въ приѣсненіи народа?

Правительство доставляетъ черни всѣ возможныя удовольствія; климатъ ей благоприятствуетъ, земля благодѣтельствуетъ; и никто изъ нихъ не знаетъ, монархическое или республиканское у нихъ правленіе. Можно ли народу не любить такого Короля?

Мечтаніе о вольности льститъ самолюбію Неаполишанца; но онъ подъ симъ словомъ разумѣетъ полную свободу удовле-

ряпть своимъ желаніямъ. Напрасный будешъ трудъ толковать имъ, что истинная благоразумная свобода есть строгое повиновеніе законамъ. Чтобы понести тяжесть свободы, надобно, чтобы народъ былъ довольно просвѣщенъ и очень трудолюбивъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что Неаполистанцы не недостойны сей вольности, но еще не довольно трудолюбивы, чтобы могли употребить нужное усиліе для приобрѣтенія оной. Налогъ на свѣспные припасы принудилъ Неаполистанскую чернь, подъ предводишельствомъ рыбака Мазаньелло, возстать противу Испанцевъ; но какъ скоро сіи послѣдніе уменьшили подашь, то они перестали мечтать объ обѣщанной вольности и скоро забыли своего героя, не по недоспапкѣ однакожъ мужества. При первомъ вступленіи Французовъ въ Неаполь въ 1799 году, народъ, одушевленный любовію къ опеческву, геройски защищалъ права своего Короля; поспоянство его и преданность къ законной власпи не ослабѣла даже въ продолженіи царствованія Іосифа и Мюрата.

Неаполь, 31 Генваря.

Неаполистанцы и въ дурныхъ, не выгодныхъ для себя обстоятельствахъ сохраняющъ какую-то надменность въ поступкахъ.

Не лѣзя не удивляшся, съ какою гордостію похваляюшся они любовію къ опечесшву, своимъ прекраснымъ климатомъ и великолѣпіемъ столицы. «*Увидѣть Неаполь и послѣ умереть*, говоряшъ они. Дю Паши, восхищенный плѣнительными видами природы и картинами, сказалъ: «*Увидѣть Неаполь, и послѣ жить*. Я осмѣливаюсь употребить другое выраженіе:» *Полюбоваться Неаполемъ, и послѣ уѣхать!*» Чпо мы слава Богу и дѣлаемъ.

Нынче перевезли на фрегатъ экипажъ Министра и вся его свита къ намъ же пріѣхала. Королева послѣ всѣхъ оставила Неаполь; Король Сардинскій помѣстился на корабль Прасковіи. Сегодня всѣ суда, бывшія въ гавани, вышли на рейдъ. Французская армія, подъ командою Іосифа Бонапарте, спойшъ на высотахъ; капитуляція уже подписана, и только 48 часовъ срока дано на выѣздъ Королевской фамиліи, и всѣмъ, кто пожелаетъ съ нею отправиться. Срокъ кончился нынѣшней ночью.

Неаполишанская эскадра снялась, какъ шаперъ, съ коимъ и Королевство рушилось. Іосифъ безъ обиняковъ объявилъ, что Царствование Фердинанда кончилось! Въ два часа по полуночи мы самые послѣдніе съ прѣмь судами нашего конвоя подняли якорь. Теперь

мы идемъ въ Мессину, потомъ пойдѣмъ въ Палерму, и возвратившись назадъ, будемъ ожидать новыхъ приказаній отъ Министра, находящагося при Неаполитанской арміи въ Калабріи.

На разсвѣтѣ Неаполь еще былъ видѣнъ. Нѣсколько Италіянцевъ, находящихся въ услуженіи нашихъ дипломатическихъ чиновниковъ, вышли на шканцы и умильно поглядывали на Неаполь, вздыхали, иные плакали. Кому же легко расстаться съ опечесствомъ? И я, вздохнувъ отъ глубины души, вмѣстѣ съ ними съ прискорбіемъ сказалъ: *прости Неаполь.*

Вѣтръ стихнулъ, и вновь подулъ. Мы догнали суда, опплавшія прежде насъ, и очутились посреди флотиіи, много походившей на флотъ Энея, бѣжавшаго изъ Трои. О! Цари и Царства не возноситеся!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	<u>Стран.</u>
<i>Кронштадтъ</i>	1
<i>Плаваніе Балтійскимъ моремъ</i>	3
<i>Копенеагенъ</i>	4
<i>На пути къ Портсмуту</i>	14
<i>Портсмутъ</i>	15
<i>Госпортъ</i>	24
<i>Плаваніе Западнымъ Океаномъ</i>	32
<i>Плаваніе Средиземнымъ моремъ.</i>	37
<i>Корфа — сравненіе Англіи съ Греціею — маскарадъ на площади — театръ</i>	41
<i>Корфа—Кавальшино—описаніе укрѣплений—развалины древней Корциры — одежда Корфіоновъ — обычаи опидавань церкви на ошкупъ</i>	46
<i>Островъ Цефалонія — заливъ Аргосполи — климатъ и произведенія Цефалоніи и другихъ Ионическихъ острововъ — подземные гробы, изрытые водою . . .</i>	51
<i>Корфа — Карнавальныя увеселенія — содержаніе одного балеша — Адмиральшейство въ Гуви — особенный способъ говорить проповѣди</i>	58
<i>Исторія Корфы отъ героическихъ временъ до XII столѣтія</i>	65
<i>Плаваніе Адриатическимъ моремъ — Генераль Шпренг- поршенъ — Триэстскій карантинъ — отважный Ал- банецъ</i>	85
<i>Корфа — праздникъ Пасхи — доходы острова — Сенашь республики</i>	92
<i>На пути къ Триэсту — отношенія Корфіонскихъ дво- рянъ къ земледѣльцамъ</i>	94
<i>Триэстъ — торгъ черепахами — Ивановъ день — спроеіе купеческихъ кораблей — Казины — терпимосшь вѣръ — казармы — башареи — карпина, представляющая Императора Павла I и Косцюшку — опера</i>	98
<i>Адриатическое море — морскіе разбойники — Корфа — лѣтніе жары</i>	106
<i>На пути въ Неаполь — видъ Калабріи и Сициліи — Мессинскій проливъ — изверженіе Спромболи . . .</i>	113
<i>Неаполь — живописное положеніе города — Королевскій дворецъ — театръ Санъ Карло — и другія зданія —</i>	

неудобства гавани — укрѣпленія Неаполя — много- людство — нѣкоторыя обычаи народа	118
<i>Путцолі</i> — описаніе окрестностей столицы: Павзи- липскій гротъ — видъ съ горы — монументъ Тиверія — мостъ Калигулы — Новая гора, возникшая изъ озера Лукрино — Сибиллины бани — Нероновы бани.	126
<i>Путцолі</i> — древніе храмы Діаны, Меркурія, Венеры — амфитеатръ — храмъ Юпитера Серапійскаго . . .	136
<i>Неаполь</i> — праздникъ Грошской Богородицы — балъ у Министра — Кардиналь Руффо	141
<i>Везувій во время изверженія</i>	145
<i>Кастель а Маре</i> — Генераль Графъ Дамасъ	153
<i>Неаполь</i> — церковь Св. Януарія — Карпезіанской мона- шья — Спрашный судъ Мишель Анжело — Св. Петръ въ шемницѣ, Рафаеля	159
<i>Мальта</i> — видъ города — церковь Іоанна Іерусалимскаго — покореніе острова Наполеономъ — замѣчательный способъ ловить перелетныхъ птицъ	165
<i>Агоста</i> — взглядъ на городъ и положеніе рейды — способъ добыванія соли	176
<i>Крѣпость Брукулѣ</i>	179
<i>Агоста</i> — пріятныя знакомства — Капуцинскій мона- шья	181
<i>Море-бѣдствіе</i>	193
<i>Сиракузы</i> — развалины	197
<i>Мессина</i>	204
<i>Въ крейсерствѣ у Генуи</i>	212
<i>Неаполь</i> — выступленіе союзныхъ войскъ въ походъ . . .	214
<i>Портиги и Геркуланъ</i>	216
<i>Баія</i> — описаніе порша — гробница Агрипины — спо под- земныхъ комнатъ — удивительный прудъ — Елисей- скія поля — Салфатара — огненные поля — Аньянское озеро — собачій гротъ — Аспруни	222
<i>Гаэта</i> — Принцъ Гессенъ-Филипсхальскій	224
<i>Озеро Футзаро</i> — превосходныя устрицы	234
<i>Помпеанъ</i>	245
<i>Неаполь</i> — нѣсколько замѣчаній о характерѣ и обыча- яхъ народа — занятіе столицы Французами . . .	257